

C 44

Г. А. СТАРЦЕВ

63.5(21)

С 77

САМОЕДЫ

(НЕНЧА)

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

-11069- аб

Государственное учреждение
"Национальная
библиотека ЯНАО"

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
1. От автора	5
2. Страна и население	7
3. Прародина, язык и самоназвание	12
4. История Самоедов	20
5. Жилище	43
6. Одежда	48
7. Пища	54
8. Орудия и средства передвижения	59
9. Письмо, бирка и астрономические познания	65
10. Занятия в хозяйстве (оленоводство, охота, рыболовство)	68
11. Родовой строй	78
12. Классификация родства	87
13. Семейная жизнь и положение женщины	95
14. Свадьба	101
15. Магия (следы магических запретов)	105
16. Магия (приметы, сны, лечение болезней)	110
17. Боги, духи и жертва	114
18. Шаманы и шаманство	122
19. Представление о смерти и загробном мире	132
20. Отношение к покойнику	136
21. Игры	140
22. Народный фольклор	144
23. Примечания	154
24. Библиография	158

ОТ АВТОРА.

Эта книга должна, по мысли автора, восполнить пробел в знании о жизни Самоедов и, главным образом, о жизни Самосдов Юраков.

Читатель сам должен разобраться в том, что учтено автором из литературных источников и что внесено новое.

Автор сознается и в том, что ввиду сложности отдельных проблем, социологическая трактовка последних в желательной мере не выявлена.

Глубокую благодарность приносит автор своей группе слушателей ИНС-а (быв. Севфака ЛВИ), Самоедов и Самосдов за сообщение ряда ценных фактов. Фамилии их—У. В. Ледкова, Е. В. Тазеева, Иднэ, Вылка, Хатанзейский, М., Лаптандер, Говотатта.

Автор особо признателен т.т. Лозовскому, М. С., Воробьеву, Н. И., а также т.т. Соболеву, И. Г., Потапову, А. И. и Григорьеву, Г. (работникам Ленинградского Восточного Института им. А. Енукидзе и Института Народов Севера (б. Севфака ЛВИ) за их содействие, без которого эта книга оставалась бы долгое время в рукописи.

Автор.

Страна и население.

Страна. Территория, которую занимают современные Самоеды, лежит на далеком севере, в полосе полярного круга. Она начинается от Кольского полуострова, тянется через Канинскую, Малоземельскую и Большеземельскую Тундры, охватывая также острова Вайгач, Новую землю и полуостров Ямал, проходит по Обско-Енисейской тайге до рек Енисей и ею граничит, ведя далее вверх до г. Туруханска. Достаточно посмотреть на географическую карту и мысленно провести линию от города Туруханска до Кольского полуострова, чтобы представить, какую громадную площадь занимают Самоеды.

В Европейской части СССР эта же территория проходит через Архангельскую губернию, область Коми, а в Азиатской части распространяется «маленьким» треугольником через Тобольский округ, Томскую и Енисейскую губернии, охватывая, таким образом, половину Западной Сибири.

Все это пространство изрезано морями, реками, озерами, и болотами. Вдоль северной части территории тянется Северный ледовитый океан (или: море Баренца), который врывается в глубь материка в виде морей Белого, Чешской и Волванской губы, Карского моря и залива, а также Обской, Тазовской и Енисейской губы.

Реки, которые врезались еще более вглубь материка, также многоводны и многочисленны. Главнейшие из рек—Пеша, Песа, Печора, Усва (Уса), Хайпудара, Кара, Обь, Таз, Пур, Енисей. Они принимают еще множество притоков.

В реках и озерах водится много разной рыбы. Наиболее известные породы рыб—щука, семга, сиг, осетр, нельма, налим, камбала, навага. Районы, где живут Самоеды, в почвенном отношении представляют в своем большинстве болотистые и каменистые места: это—безлесная полоса, покрытая мелкими кустарниками березы, ивы и мохом. Почва Севера в той части, где живут Самоеды, настолько разнится от районов лесных, более к югу, что она получила в науке специаль-

нее название—Тундра. В тех местностях, где поднимаются холмы, поверхность исключительно каменистая, но оврагам и у подножья холмов и гор растут одинокие ели и березки. Наиболее высокие холмы, это—Тиманские увалы, отроги Северного Урала, хребет Най-Хой, Мзальский хребет и холмы тянущиеся вдоль берегов Енисея, где уже застают Самоедов лесные массивы из елей, лиственниц и кедра, и пихты.

Климат приполярной зоны очень суровый. Средний годовая температура стоит ниже нуля на 4°. На Кольском полуострове и Малозельской тундре климат более мягкий, чем в Западной Сибири и поэтому там годовая температура равна—0,5° (г. Кола). Эта мягкость температуры здесь объясняется теплым течением (гольфстрем) с западных морей, главным образом из Атлантического океана.

В недрах гор таится различные минеральные богатства, которые теперь все более и более исследуются. (Экспедиция Б. И. Городкова и др.). Здесь находят в огромном количестве железную и медную руду, каменный уголь, (Нор. Земля; фарфоровые глины. В болотистых местах скрыты пласты торфа.

В продолжении года дуют большей частью северные холодные ветры: летом—южные и юго-западные ветры, которые совместно с солнечным лучами быстро разрыхляют льды и снег. В зимнее время холод стоит в Тундре выше 40°. Часто поднимаются снежные бураны, метели, которые заносят снегом все жилище Самоеда. В пути от такого бурана часто погибают и олени, и люди. Зимой в течение трех месяцев в Тундре стоит мрак. Солнце не показывается. Только северное сияние, полыхая на горизонте, освещает эту белую Тундру. Во второй половине зимы с появлением солнца и с освещением много бедствий приносят жителю севера, белизна снега, отражающаяся на глаза, отчего Самоеды страдают, т. наз. офтальмией. Весною прилетают на Север миллионы разных птиц:—утки, гуси, лебеди, гагары и др., которых Самоеды стараются различными способами ловить. В летнее время солнце стоит над тундрой высоко на небе и в течение двух месяцев не исчезает с горизонта. Под действием солнечного тепла северные растения и цветы быстро распускаются и оживляют взор туземцев. Но лето на севере очень коротко, и его заменяет осень с дождями и первыми резкими холодами. Нужно сказать, что в Тундре и летом холодно. Днем жарко и можно даже купаться, а в вечеру опять приходится одеваться в теплую одежду и обувь. В течение лета земля

никогда и не оттаивают. Несмотря на такую печальную природу и ее тяжелые условия на севере, Самоеды и другие полярные жители приспособились к ней, продолжают там оставаться и вести борьбу за продолжение и торжество жизни.

Население. Указанная полоса—Тундра,—заселена преимущественно Самоедами. В полосе от Кольского полуострова до устья р. Оби расселились, главным образом, Самоеды—Юраки. В перемежках с ними кочуют Лопари, Русские, Зыряне, Остяки и Вогулы.

При всесоюзной переписи от 1926 г. выяснено, что к тому моменту числилось Самоедов по всему СССР 14.076 человек: из них 6.846 женщин и 7.230 мужчин. По районам эта масса составляет: на Тобольском севере—8.841 чел. (из них—4.510 мужчин и 4.331 женщин), в области Коми—2.080 чел. (из них 1.073 м. и 1.007 ж.), в Архангельской губернии—3.155 ч. (из них 1.647 м. и 1.508 ж.). Необходимо здесь сразу сделать оговорку, что эти цифры только лишь приблизительные. По всем вероятностям общее количество Самоедов несколько должно быть больше, до 15.000 человек. Еще до переписи этнограф А. Н. Максимов полагал, что всего Самоедов не менее 15½ тысяч. 1) При переписи в 1920 г. в тундрах Арханг. губернии и Области Коми было зарегистрировано 3.344 человек 2). В Тоб. севере числилось 11.658 человек 3). Тяжелые условия для проведения переписи в Тундре, разбросанность самоедского населения, а также неточная регистрации отд. работниками и отнесение части Самоедов к общему термину «прочие» были причинами при всех ранних переписях, произведенных до и после революции 4).

В силу этих же причин нет возможности говорить о количестве Самоедов, входящих в тот или другой род, невозможно представить о числе Самоедов, говорящих на том или ином наречии или также говоре,—моменты важные для выяснения движения этой народности в целом.

Движение самоедского населения по рождению и смертности, убыли и прибыли, вообще также до настоящего времени не находило достаточного внимания, как со стороны отдельных исследователей, так и правительственных органов. Поэтому с осторожностью мы приносим данные Архангельского губернского статистического комитета об изменении численности самоедского населения Большой и Малой Тундр

Годы:	об. пола	Годы:	об. пола
1844	5.540	1899	5.421
1877	5.557	1891	5.380
1850	5.746	1893	5.405
1854	5.893	1895	5.858
1857	5.928	1898	6.013
1863	6.701	1900	5.272
1873	6.050	1902	5.430
1879	5.578	1904	5.861
1880	5.598	1906	6.093
1882	5.964	1920	3.344
1885	5.555	1926	5.285 ⁹⁾

Приводим еще несколько справок из других источников. Так исследователь Георги считал, что в 1783 году на этой же территории было Самоедов 2.766 душ (из них 1.349 м. и 1.317 ж.). Уже Шренк не считал эти данные у Георги точными. По Шренку в 1841 г. по Большой и Малой Тундрам было 4.495 чел. Самоедов (из них 2.390 мужч. и 2.105 женщ. ⁷⁾ У Козлова ⁸⁾ значится на 1 января 1862 г. Самоедов этих же тундр 5.175 чел. (2.667 м. и 2.468 ж.).

А. А. Жилинский сообщает, что в 1913 г. в упомянутых Тундрах Арханг. губернии насчитывалось до 6.277 душ обоего пола. Он же добавляет, что в 1919 г. очень много Самоедов умерло от «испанки» ⁹⁾. Это замечание А. Жилинского, повидимому дает некоторый ответ на цифру переписи—1920 г., которая показывает 3.344 ч. О количестве Самоедов Тобольского Севера мы знаем по данным А. Якобия и С. Паткалова. Последнему также принадлежит заслуга классификации и учета Самоедов Сибири (Енис. губ.) по языковому признаку. Эти группы суть:

а) Юраки—5.371 душ (2.852 м.) на крайнем севере Березовского уезда, Тобольской губ. (4.436 д.) и в более западной полосе крайнего севера Туруханского края (935 душ).

б) Енисейские Самоеды и тавгийцы—1.326 душ (687 м.) там же, к востоку от Юраков.

в) Остяко-Самоеды или Остяки—5.805 д. (2.963 м.). В Нарымском крае, Томской губернии (4.821 д.) и в Туруханском крае и в Енисейском у. Енисейской губ., к югу от территории предыдущих двух групп Самоедов (984 д.) ¹⁰⁾.

Антропологическое изучение и данные по этому вопросу о Самоедах также до настоящего времени весьма скудны. Изучение началось с Малласа и Георги, и затем Кушелевского, Беляевского, Кастрена, Миллендорфа, которые оставили

произвели Сомье (Sommier, St.) и С. Руденко. Приводим несколько цитат из этого последнего исследования. Цвет волос у абсолютного большинства Самоедов черный: В большом соответствии с волосами находятся цвета глаз. У черно-волосых темно-карие и карие глаза, и наоборот: у Самоедов со светлыми или русыми волосами глаза большей частью серые или серо-желтые. Рост низкий: у Канинских Самоедов—157,9 сантим. у Самоедов Б.З.Т. и о. Вайгач 156,8 см., у Обских Самоедов 154,0 см. Головной указатель заметно понижается с ростом. Лицо средне-широкое. Заметна также скулатость, приближающая их к Монголам. Носы, большей частью, широкие, приплюснутые. Рот широкий, губы у большинства толстые. Разрез глаз также косой. «У тиманцев узковатые и наискось к наружи и кверху прорезанные глаза, тогда как у канинских Самоедов глазное отверстие значительно больше, чем у тиманцев и прорезано совершенно горизонтально»¹¹⁾. Размер и оттопыренность ушей—средние. Телосложение крепкое, лоб большей частью узкий или средний, ноги и руки короткие, но крепкие. Самоеды также в своем большинстве считаются низкоголовыми. Замеченная исследователями разница в физическом строении Самоедов, живущих издавна на Европейских тундрах, с одной стороны, и Самоедов Западной Сибири—с другой стороны, возможна, и может быть, объяснена перекрестными браками с Зырянами и Русскими, а также переходом Европейских Самоедов к оседлой жизни и практикованием в течение 2—3 веков несколько иных способов борьбы за существование, которых нет среди Самоедов Об-Енисейской полосы.

Самоеды физически вполне здоровый народ. Характерные болезни в силу условий, это—кашель, ревматизм. Цынга распространена в весьма малой степени. Многих людей кромсает оспа. Глазная болезнь также результат природных условий края—близина снега. Бытовые условия отчасти дали место болезни—трахоме, но больных трахомой среди Самоедов очень мало. Чесотка и чирей также слабо распространены среди Самоедов, но коренятся в их быту. Больных сифилисом также мало. О проникновении этой болезни в тундру мы укажем в другом месте книжки. Среди женщин распространена нервная болезнь, истерические припадки и, главным образом, воспаление глаз, повидимому, от дыма.

Прародина, язык и самоназвание.

Каждый из этих вопросов является весьма сложным и трудным для исследования. В литературе имеется достаточно много гипотез и мнений, однако все эти проблемы остаются далекими от конечного положительного решения.

Конечно, тот факт, что еще и теперь некоторая часть Самоедов кочует на Енисее у Саянских гор, давал решающий довод в пользу допущения прародины Самоедов именно в этих краях, именно в Сибири.

Древнейший из исследователей этого вопроса Страленберг еще в 18 веке считал, что Самоеды первоначально являлись жителями на берегах Ледовитого океана и потом уже продвинулись к югу. Историк Фишер, наоборот, считал, что прародину Самоедов следует искать в средней части паппиней Сибири, потому что Самоеды некогда соприкасались с Тюркскими народами, а также с Остяками и Вогулами.

Наибольшую вероятность внес, разумеется, М. А. Кастрен, автор ряда грамматик по финноугорским языкам, грамматик наречий самоедского языка, грамматик тунгусского языка и изучавший также языки монголов, татар. Он имел в свое время возможность более глубоко проникнуть в территорию перечисленных народов. Им была выдвинута теория, что первоначальной родиной финнов, тюрков, тунгусов и самоедов, был район от Уральских гор до Алтая. Кастрен наиболее близко очертил общую родину для тюркских и самоедских народов. Он писал: «Этой родиной является западная часть нагорной Азии, у Саянских гор и у западной цепи Алтая, в области истоков Оби, Иртыша и Енисея» ¹⁾. На этот район, как на прародину этих двух народов, указывали до Кастрена, Клапрот и Риттер и даже такое же указание имеется у древнейших китайских и монгольских летописцев

теория Кастрена находит все больше и больше приверженцев. Исследователи этого вопроса, когда им удалось подетальнее изучить взаимоотношение турецких финно-угорских и самоедских языков, пришли также к выводам Кастрена. Вслед за Доннером, Е. Сетэла, Рамстедта и Нелио в вопросе о родине Самоедов на Алтае, пришел к этим же выводам проф. Л. Я. Штернберг, указавший впрочем на Радлова, который «по мере расширения работ по фонетике положительно высказывался в пользу теории Кастрена». Подтверждение теории Кастрена Л. Я. Штернберг «нашел прежде всего в материальной культуре этих народов; например, специфическая форма лука и орнамент на нем совершенно тождественны у Якутов, Остяков, Вогулов и Самоедов. Совершенно тождественны по форме миниатюрные санки для перевозки богов у Сойтов и у северных Самоедов. Особенно же поразительные совпадения находим в мифологии Якутов и Финнов и в целом ряде деталей верований и обрядов в шаманстве всех урало-алтайских народов»³). Наша попытка при выяснении термина «мамонт» и связанных с ним преданий привела к убеждению, что в этой небольшой детали существует сходство в представлениях у Монголов, Якутов и Самоедов, о мамонте, как о крупном древнем представителе фауны Сибири, быке, живущем и теперь под землей. Изделия же из мамонтовой кости распространены среди указанных народов также по настоящее время⁴).

Необходимо добавить еще то, что Самоедам известны — крапива (*hatsadai*) и конопля (*jen*), а также лыко (*toksi*). Из волокон крапивы и конопли они изготавливают нитки, подвязки, а также поясы. Из лыка и теперь ткнут бичевки к саням. Волокна дикой крапивы с той же целью применяют и Остяки. Это также говорит о близкой связи Самоедов с Остяками. На былую родину Самоедов, живущих в верховьях Енисея, говорит имеющийся у Б. З. Самоедов примитивный станок для тканья пояса и подвязок *hi-lala*. Этот станок совершенно сходен с подобным же орудием, распространенным, судя по коллекции этнографа Прокофьева, среди Остяко-самоедов, живущих в Томской губернии. Все сказанное дает, пожалуй, основание окончательно и положительно утверждать и считать, что прародина Самоедов (относительная, конечно) лежит в области верховьев рек Енисея, Оби и Иртыша. Язык Самоедов также с давних пор интересовал ученых.

собиrateлем самоедских слов был Ричард Джеме *) (1618—20), голландец Витзен, а затем историки Шлецер и Фенер. В 1776 г. Паллас в своем «сравнительном словаре всех языков и наречий» также поместил небольшое количество самоедских слов. Более подробно собирали материал по самоедскому языку специалисты — лингвисты Клаппрот, Фатер (Vater) и Шёгрен.

Запимались изучением этого языка и русские миссионеры, напр. архимандрит Вениамин, оставивший рукоп. грамматику. Большую надежду в целях более точного перевода книг церковно-религиозного содержания архангельские миссионеры возлагали на Кастрена, от которого ждали, по крайней мере, точного установления звуков, создания алфавита, а также грамматики.

Долгое пребывание Кастрена среди Самоедов и изучение этих языков дали ему богатый материал и он успел до своей смерти обработать его и привести в систему. После смерти Кастрена были изданы его сравнительная грамматика пяти самоедских главных наречий в 1854 г. и сравнительный словарь его другом академиком Шифнером. Эти труды Кастрена являются и в наши дни классическими.

После Кастрена исследователи приняли его работы за основу, но не дали еще ничего оригинального, чтобы с таким же успехом можно было сослаться на их работы. Они в значительной мере питаются сырым материалом, оставшимся после его смерти⁵⁾.

В настоящее время на изучение самоедских языков в СССР еще мало обращено учеными внимание; изучаются они преимущественно молодыми этнографами, учениками профессоров В. Г. Богораза и покойного Л. Я. Штернберга.

Кастрен к своим окончательным выводам относительно наречий и диалектов в самоедском языке приходил по мере их разработки. В «донесении в Академию Наук» от 8 февр. 1849 г. он писал, что самоедский язык распадается на три главных наречия: 1) северо-западное или юракско-самоедское, 2) северо-восточное или тавга-самоедское, южное или остяцко-самоедское. Каждое из них в свою очередь, представляет большее или меньшее число разностей или оттенков. Так к юракско-самоедскому можно причислить следующие пять диалектов: 1) канинский и тимацкий, 2) ижемский, 3) большеземельский и

обдорский, 4) кондинский или казымский, 5) юракский. Наречие тавги-самоедское имеет также пять оттенков: 1) авамский, 2) хантайский, 3) карасинский, 4) байский, 5) камассинский. Наконец, остячко-самоедское наречие имеет два оттенка: томский и туруханский, которые, в свою очередь, заключают в себе много еще меньших оттенков»⁶⁾.

Окончательно предстали границы диалектов и наречий аспыми для Кастрена в годы, когда он писал свою сравнительную грамматику. В ней он установил пять наречий, которых можно рассматривать, как особые языки. Это—юракский, тавгинский, енисейско-самоедский, остячко-самоедский и камассинский⁷⁾. В таком аспекте ограничивается и современное знание о самоедском языке в целом.

Грамматический строй Самоедского языка близок со строем финно-угорских, тунгусских, турецких, монгольских и (теперь можно утверждать это, зная хотя-бы немного яфетическое языковедение в области практической его разработки грамматик) кавказских,—грузинским, обхазским, аварским, даргинским и др.

Основные общие элементы для большинства перечисленных языков и самоедских, это,—множественность надежей, управление надежами со стороны послеслогов; в спряжении многократность видов и ввувременность (прошедшее и настоящее время), одинаковая ритмичность в ударениях, наращение союзов к глагольным и именным окончаниям, конкретность в выражении мысли в силу примитивности, аглютинация и пр. В старое время эти языки, несомненно, были в указанных моментах еще более однотипными.

Самоедский язык в ряду языков находит, по мнению Кастрена, Сетэлэ, Доннера, Гамстедта, Винклера, свое конкретное место между финскими и тунгусским языками. Финляндский ученый Сетэлэ подчеркивал особенную близость и даже полное родство Самоедского языка с Финским⁸⁾. Доннер высказался еще более определенно, считая что Самоедский и угрофинские языки имели некогда за 4.000 лет до нашей эры один общий для них пра-язык. Уже в то время заметился раскол между этими языками. Образовались две ветви, которые сохранили в пределах каждой свое единство 500 лет тому назад по нашей эры,—после которой как финно-угорская, так и самоедская ветвь уже пошли на дальнейшее раздробление. Образовались *финский* и *угорский* течения.

Слова, которые говорят о родстве языков финно-угорских

недостаточными для решения этого вопроса, проблематичными и породили новую гипотезу. Она заключается в том, что признавая все-таки существование пра-языка между указанными народами, допускает, что уже после полного обособления двух ветвей и раздробления языка (напр. прафинноугорского) на более мелкие языки, один из этих диалектов подвергся влиянию со стороны диалекта другой ветви, в результате чего появились вновь общие слова между этими двумя диалектами двух разных ветвей. Следовательно, получилось напластование того или иного диалекта уже на позднейшей, новой (но древней) ступени, на новом укладе развития. Такое сочетание, повидимому, произошло между допарско-остяцко-вогульским языками по угрофинской ветви и юракским, главным образом, по Самоведской ветви языков. Намекает на это обстоятельство также сохранившееся в указанных языках двойственное число, напр.:

юраки:	{	май — я	pydoro — вы
		майе — мы	pydyri — вы двое
		майи — мы двое	pydi — они двое
остяки Вах. д.	{	mä — я	fin — вы двое
		mat — мы	fin — они двое
		min — мы двое	

Камасинский диалект оказался под воздействием татарского языка и якутского. Это давало первоначально повод сближать Сам. язык с тюркскими языками, а соприкосновение некоторой части Самоедов с Тунгусами — к сближению общих слов и между этими языками. Но эти заимствования, повидимому, все уже происходили в нашу эру. За последние два-три столетия все диалекты Самоедского языка были под воздействием русского языка и таким образом Самоеды заимствовали ряд слов из области торговли и обмена. Самоеды Б. З. тундры и Зауралья подверглись влиянию зырянского языка. От Оби до Печеры почти не будет Самоеда, который не умел-бы говорить на языке ижемских Зырян. Однако в лексикон самоедского языка зырянские слова вошли не более 20—30-ти. Зыряне (и Русские) же заимствовали у Самоедов более сотни слов, главным образом, оленеводческие термины.

Самоеды называют сами себя *ñeñeš*, *ñeñot'* (мн. ч. *ñeñeš*). Зауральские Самоеды чаще пользуются термином — *xasovo*, что

и этому слову «rja» — лес, откуда rjan-xazovo, тогда, как
кочующие по безлесным тундрам за Уралом пользуются термином
xud-xazovo. Слово xud означает «равнину», и таким образом,
весь термин значит — «люди равнин». Слово *jenes* этимоло-
гически до сих пор ни одному исследователю не удалось
объяснить, он будет выяснен при условии учета этно-
графических фактов. Женщина по мифологии Самоедов Б. З. Т.
древнее существо. Она существовала еще тогда, когда
как таковой не было. Женщина является матерью
первых сыновей, которые впоследствии стали богами. Тиман-
самседы предполагают, что она имела только двух сыно-
вей. Один из них стал творцом земли и неба, это — Нум,
второй Гылика — чорт, создавший луну, вторую и третью
землю. Самседы приписывают свое происхождение от жен-
щины — *je*. Этот миф о женщине-матери богов и людей, пови-
дному, весьма древний по своему происхождению, но в своих
частях он уже позабыт. Сближение же термина женщина «*je*»
с самоназванием «*jenes*» дает, как видит, читатель, один общий
корень. Мать богов также называется — *janebe*, термин
состоящий из двух слов: *ja* — земля и *nebe* — мать, т. е. мать
земли. Сказанное дает, таким образом, некоторый повод видеть,
что первый элемент термина «*jenes*» адекватен с термином
«*nebe*» и в известной мере выясняет племенное название
Самоедов.

6906
Соседящие с Самоедами народы, как-то: Остяки, Вогулы,
Зыряне называют их *jarön* и *jarga* — (Ост.), *jorin* (Вог) и
jaran — Самоед, *jaran-inka* — Самоедка — (Зыряне). Эти назва-
ния также в известной мере можно сблизить с самоедским
словом — *janag* — берег, берег реки, берег моря и, таким образом,
считать вероятностью, что Самоеды были известны перечи-
сленным Уграм и Зырянам, как береговые, морские жители.
О возможном заимствовании этого термина у Самоедов ука-
занными соседями и, главным образом, Уграми приходится
ответить положительно. Усвоение Самоедских слов Остяками
Обд. и Березовского, а также Сургутского (лесных Самоедов,
живущих у вершин р. Тазь и Нура) районов и продолжается
и в наши дни.

Допущение Шлецера, что слово «хазово» можно возвести
к слову *xivegi* и *xibigi*, едва-ли правдоподобно. Много мнений
высказано разными исследователями по поводу летописного
термина «Самоядь». В летописях так и сказано, что Самседы

«Самоед» дан Русскими потому, что они видели Самоедов поедаящими сырое мясо оленя. Это мнение разделял и Шлецер. Нурхас писал, что Самоеды получили свое название от самоедского слова *samoje*, означающего первобытного жителя северной земли ¹⁰⁾ Клингштедт (Klingstheadt) производил этот термин от лопарского *sooma* и карельского «*samaemi*», т. болото, а Самоедов — людей, живущих в болотистых местах. Фишер также склонен был видеть Самоедов, как болотных жителей и производил этот термин от лопарского слова — *samajdna* ¹¹⁾. Лепехин соглашался с мнением мезенского жителя, с которым он встречался во время путешествия на Мезени и считал, что слово *sama* означает «печистый», а «*jed*» — окончание прилагательного и, таким образом, человека, который поедает нечистое, падаль и пр. ¹²⁾ Лерберг полагает, что «Самоед» есть не что иное, как испорченное слово *семгоед*, что русские видели и знали их потребляющими в пищу *семгу*, которая ловится в р. Оби (*salmo nobilis*) ¹³⁾.

Путешественник Беляев производил этот термин от *hasovo*, *has* — сам и *ovo* — один, а отсюда «Самоедин», термин, который и теперь в ходу у русского населения, живущего в Обдорске, Пустозерске и др. местах. Шренк соглашался с мнением летописцев (Епифаний) и Шлецера, говоря «название Самоед есть чисто русское, и действительно означает человека, едящего своих близких. Первые Русские, которые видели, что Самоеды ели сырую рыбу и сырое мясо северных оленей, называли их Сыроедами, и название это встречается в деловых бумагах; а другие по той же причине смотрели на них, как на Ханнибалов или людоедов» ¹⁴⁾. Попутно Шренк видит это подтверждение в сочинении Исбранда Идэ, (Ide). Вениамин соглашался отчасти с мнением Лерберга и в Самоедах, расселившихся по Малой и Большой тундре, видел правильным термин «Печора», термин, который также встречается в Летописях.

Кастреп был согласен с мнениями лиц, утверждавших о возможном совпадении термина Самоед с лопарским словом «болото».

Прежде всего при выяснении этого слова нужно исходить из того, что Самоеды не знают этого летописного термина. Совершенно неверно также мнение тех исследователей, которые производят это слово от самоедского *hasovo* — «сам — один».

Весьма сомнительна этимологизация этого слова и у Кастрена, и у Георги. Последний между прочим говорит:

происходит оно, может быть, от *самсяидны*, название лопарской страны или от слова *соэма*, болото, потому-что в пустынях их множество обширных болот» ¹⁶). Известно, что Лопари жили некогда значительно южнее, около г. Ленинграда и еще южнее. Самоеды же суть выходцы из оазисов Саянских гор, из Сибири. Самоеды встретились с Лопарями не ранее, чем в 17 веке.

Народоведение располагает достаточным количеством фактов о десятках народов, которые посядали людей своего племени. Печенеги в 10 веке, например, убили князя Святослава и из черепа сделали кубок и пили вино. Нельзя сказать достоверно, ели ли Самоеды своих ближних. В эпосе у Самоедов хотя и имеются указания о принесении богам в жертву врага, но о людоедстве ничего неизвестно. Носилов сообщает, что один Самоед, живущий в Обдорском районе, съел жену и детей из-за голода. В 1884 году было произведено офиц. следствие ¹⁶), «подтвердившее» этот случай. Крутковский сообщает, что по Тазу было съедено 20 человек ¹⁷). Художник А. А. Борисов также сообщает несколько случаев принесения в жертву людей и детей среди Самоедов Б. З. Тундры и добавляет от себя: «Это не сказки былых доисторических времен. Эта живая действительность, которая нисколько не думает отойти в область преданий» ¹⁹). Однако, к сообщениям этих авторов следует отнестись с большой осторожностью и критически. У древних летописцев едва-ли имелись также достоверные сведения о поедании людей среди Самоедов. Ряд других летописных названий, как-то: Чудь, Весь, Сырияне ведь так-же мало говорят современным исследователям. Очевидно к такой вымышленной категории слов следует отнести также термин «Самоед» и считать его чисто-русским, летописным, условным для обозначения народа, о котором еще в 15 веке ходили баснословные сведения, как-то: «глаза на груди», «падение оленей с тучи» и пр.

История Самоедов.

История Самоедов тесно связана с историей колонизации Европейского севера и северо-западной полосы Сибири. Поэтому, неудивительно, что с отдаленнейших времен русские летописцы все чаще и чаще в течение веков упоминают о Самоедах и других туземцах.

Однако, первые сведения летописцев, упоминающих о Самоедах, крайне смутны и подчас невероятно фантастичны.

О Самоедах впервые упоминает Нестор:

«Югра же суть язики нем, и соседят с Самоядью на полунощных странах» ¹). Это указание относится еще к XI веку. В XII веке имеются указания более полные, но в то же время весьма наивные по содержанию. Так, в 1114 г. при заложении каменной стены в Ладоге с целью укрепления Новгородской вотчины, новгородские мужи, которые бывали уже среди Самоедов и Югры (Остяков и Вогулов), рассказывали по словам летописца «мужи... яко видевшие сами на полунощных странах спаде туча велика, и в той тучи спаде ветерница млада, яко топерва рожденна, и возрастыши и расходятся по земли: и паче бывает вторая туча, и спадають олени мали в ней, и возрастають, и расходятся по земли» ²).

Иностранцы также интересовались тогда народами, живущими в России. О Самоедах упоминает, например, францисканский монах Иван Плано-Карпини, побывавший в России и у татарского хана Батые в течение некоторого времени с 1246 г. по предложению римского папы Иннокентия IV. В своих записках Плано-Карпини указывает границы расселения Русских и других народов, а также сообщает о Самоедах с чужих слов: «Самоеды обитают на пустынных берегах океана и живут только звероловством, а шатры свои и одежду делают токмо из звериных кож» ³).

Наиболее любопытным и древнейшим письменным доку-

знание о человеках неизвестных в восточной стране», сказание, в котором излагаемые сведения носят характер средневековых легенд. Ряд историков, знавших об этом документе (Уваров, Стросов, Павлов, Фирсов и др.) считали его «намеренной выдумкой» и не придавали ему серьезного значения до тех пор, пока специально не подверг его всестороннему анализу Д. А. Анучин²⁾. В этом документе, заглавие которого выше упомянуто, говорится:

„На восточной стране за
Курьскою землею, на море
живут люди, самоды. Зово-
мя монгозсы, а едят их
много оленье, да рыба, да мехи
собою друг друга едят, а гость
к ним откуда придет. И они
дети свои закалывают на го-
стем, да тем кормят, а кото-
рой гость у них умрет и они
того съедают, а в землю
не хоронят, а своих також. Сия же
люди невелики в ростом,
злосковиды, носы малы
Но резвы велмы, и стрельцы
скоры и горазды, а ездят
на плечах и на собаках, а пла-
тье носят соболье, оленье.
А товар их собольи.
Втой же стране иная само-
едь такова-же. Лишняя еловет.
Лет(и)е месяц живут в море.
А на суше (суше) не живут того ради.
За неж тело на ни(х) трескается
и они тот месяц в воде лежат.
А на берег не смеют вылезти.
В той же стране есь иная само-
едь, по пути люд (и) мохнаты,
до долу, а от пути вверх
кожи и прочии человеци, а едят их
рыбы и мясо, а торг их
собольи и песцы и выхты,
и олений кожи.
В(той) же стране иная само-
едь и верху рты на те-
хени, а не говорят, а образ
и пошлину человекь, а кожи едят.
и они крошат мясо или
рыбу, да кинут, под козпак или
под шапку. И как почнут есть,
и они плечима движут вве-
рх и вниз. В той же стране
есть) иная самоедь. Люди и про-
чие человецы. Но зими умирают
на два месяца умирают же тако.

месяцы, тот та(м) и сидит, а у него(о)
из носа вода изойдет. Как от по-
тока, да примерзнет к земле,
и кто человек иные земли, не
видением (ведением) поток тот отравит
у него, и соприхнет с места, и
он умрет, но уже не оживет
а несоприхнет с места, тот
оживет, и познает и речет ему,
о чем мы еси друже поуроваз,
а иные оживают как солнце
на лето вернется. Тако на
всякий год оживают и умира-
ют. В той же стране вверху
оби реки великия ес(ь) земля
банд именуется, леса на не(й)
нет, а люд как прочие человеки.
Живут в земле, а едят мясо
соболий, а много у них некото-
рого зверя нет опроче соболи (соболи)
а носят плает (платье) все соболье и ру-
кавицы и ногавицы, а мног(о)
платья) у них нет, ни товару
никогого (никакого), а соболи(ж) у них
черны вел(ь)ми и велики, шер-
сть живог(о) соболи по земле (и)си
волочит. В той(ж) стране и-
ная самоседь. По обычаю
человеки, но без глы (головы). рты у них
межи плечми, а очи в гру-
дех, а ядь их головы олени
сырые, и коли им ясти, и они
головы олени во сметы ва-
ют(т) себе в рот на плечи. И на(дру-
гой день кости вместиуть.
из себя труда ж, а не говорят, а
стрел(ь)ба ж их трубка же-
лезна в руке, а в другой
руке стрелка железна.
да стрелку (такж) вкладает в тру-
бку да бьет молотком в стрел-
ку, а товару у них некоторого
нет. Вверх той же реки ве-
ликия оби ес(ь) люди ходят повод-
землею иною рекою день за ночь,
с огни, и выходят на озеро.
И над тем озером свет пречюден
и град велик а посаду нет у него(о).
И кто поедет к граду тому.
И) тогда слышити шум (шум) велик
в граде том, как и в прочих
градах и как приидут в (него
и людей в нем нет и иному
не слышити некоторого,
ни ищог(о) чего животна, но в
всяких дворех ясти и пи-
ти всег (о,—да) много и товару

И он положил цену противу того,
да возмет что ко-
му надобет. И проч отходит,
а кто что бесцены (без цены) возмем,
и проч отидет и обрящется па-
ки в своем месте и как
проч отходит от града тог(о, да). И
пном паки (опять) слышети как
и в прочих градах.
В восточней же стране ес(ть)
инаи самоеды, каменоякая,
облет около югорские
земли, а живут по горам висо-
ким, а ездят на оленях и на со-
баках, а платье(ье) носят собояие,
и оленне, а едят мясо олене
да и собачину, и боброяну
сыру ядят, а кровь пьют человечесью
и всякую, да ес(ть) у них лекари,
у которого человека внутри не адри-
но и они брюхо режут, да
внутри вынимают и очищают
и паки заживляют. Да (в то-
же самоеды, видали ска-
жут самоеды ж старые люди
з горы подле море, мертвых
своих идуть плачущи мно-
жество их, да за ними идет
велик человек, погоняя их
палницею железною⁴⁶).

Не раз историками (Пыпин и др.) по поводу этого доку-
мента—сказания ставился вопрос о возможном заимствовании
сюжета по аналогии из источников у древнегреческих истори-
ков Страбона и Геродота. Однако, Д. Н. Анучин категорически
опровергает в данном случае какое-бы то ни было заимство-
вание. Он считает, что автором этого новгородского сказания
был, вероятно, торговец, судя по частому упоминанию
о товаре. С. В. Бахрушин (и другие) считает, что автором
этого первого этнографического описания был холмогорец
Тавтыгин, который, по преданию был убит в одну из своих
поездок в Москву (Сов. север. Сб. I стр. 69).

Это Новгородское Сказание, несмотря на баснословность,
проливает свет на жизнь Самоедов в XIII—XIV веках, и прав
А. Н. Пыпин, говоря «баснословное видимо привязано было
к чему-то фактическому».

Из сказания нам становится известным существование
нескольких групп Самоедов, а также их территория, лежавшая

Упоминание о Самоедах под именем «Молгонизен» также достоверно. Анучин считал, что это слово, кроме названия племени означало местность, где в 1.600 г. был основан русскими казаками острог Мангазея. Академик С. Ф. Платонов указывает на то место, где была «Мангазея» первоначально, это—местность между Обскою губою и низовьями Енисея (по р. Тазу⁷⁾).

Нам кажется, что в этом слове проще видеть название какого-либо урочища, поселенного пункта, который, повидимому, существовал еще до прихода русских казаков и находился у устья рек Таза и Пура. Самое название «Молгонизен» по некоторым нашим лингвистическим предположениям было дано также Самоедами и означало, судя по комбинации самоедских слов, место богатое рыбою, т. е. *naŋ* — конец, *kaŋe* — рыба и *ši* — дыра.

Теперь считаем необходимым сказать несколько слов о «линьных самоедах», менявших по мнению автора «Сказаний» свою кожу. Очевидно, здесь следует усматривать простой бытовой факт из жизни Самоедов, когда сезонные, климатические условия требовали перекочевки с места на место,—летом к морю, а зимою—в базисы. Речь, по всей вероятности, идет о спасении оленей и людей от укуса комаров, которых летом в тундрах появляется такое множество, что даже по сказаниям современных Самоедов комары образуют словно облако, затемняющее временами солнце. Автор «сказаний» по мнению Д. Н. Анучина, повидимому, передает известие «на неверно понятом рассказе о летних перекочевках Самоедов»⁸⁾.

Мохнатые Самоеды «по нуи и до долу, а от нуи вверх» (то же и прочие человеки) для нас также не могут представлять загадки. Это сказание может быть скорее всего отнесено к одежде или, по-нашему, к обуви, которая и теперь шьется из «мохнатых» шкур оленя, волосами не только к лижней стороне, но и кверху.

Сообщение о том, что у Самоедов были «рты на темени» также, повидимому, вызвано особенностью костюма,—малицы или иной одежды с треухом, которая и теперь шьется в виде мешка¹⁰⁾. Сказание упоминает далее о тяжелых климатических условиях и о смерти и воскресании Самоедов, смотря по условиям сезона. Здесь ничего также нет удивительного. Из другого источника нам известно о том, что северные жители скрываются в своих пещерах на зимовку, там же

и помыты поверху заостренных жилищах¹¹⁾, которые заносило тогда настолько снегом, вышиною в рост двух человек и более, что нельзя ни войти, ни выйти¹²⁾. Весьма достоверно также то, что Самоеды в древности имели другую форму жилища. Если верно указание лингвистов (Кастрен) и этнографов о том, что Самоеды являются выходцами из области Саянской горы, где они, по видимому, жили в жилищах, то, попав на полярный север, они по традиции создавали прежний тип жилища, или, что также вероятно, под влиянием неудобия толкали при отсутствии в тундрах лесов и при постоянной мерзлоте почвы строить жилища наподобие жилищ Эскимосов.

Но есть место в сказании о людях «без глав, рты у них ниже плечами, а очи в грудех», которые можно считать за фантазию сочинителя. Но и эта фантазия возникла по мнению Анушина самобытно в пределах северной полосы. Но нашему здесь нужно принять еще во внимание то обстоятельство, что поскольку автором «Сказаний» был купец и при том бывавший и встречавшийся с самоедами, он в данном случае не передает ли просто самоедскую сказку? В нашем распоряжении две самоедские сказки такого содержания имеются. В одной говорится о том, что были люди, жившие когда-то в соседстве с Самоедами и они при наступлении зимы лазали на деревья и, обхватив руками ствол дерева, умирали до весны. Весною эти люди оживали. У этих людей вставлялся на груди, т. е. у них не было оловы.

Содержание другой сказки вкратце таково:

«Молодая девушка — шаманка вышла замуж за духа смерти (см. соотв. главу). Дух унес ее на свою землю и там убил вою жену. Духи ее воскресили и взяли за жену. У главного духа была жена без головы, со ртом на груди. Он убил езголовую жену и поженился на девушке — шаманке. У нее родился сын. Он вырос и вернулся на землю и стал жить Самоедами».

Получается такая картина: то, что автор сказаний приписывает Самоедам, они переносят этот баснословный элемент на другие народы, или этот элемент им известен, как сказочный пос., сохранившийся в их среде^{13а)}. В итоге мы видим, что то древне-русское сказание¹³⁾ при всех в нем имеющихся фантастических элементах раскрывает перед нами реально

питание и одежда у современных Самоедов весьма совпадают и теперь с известиями «о человецах». Дальнейших указаний у летописцев о Самоедах после 13 века вплоть до 15 века мы не находим. Все же вероятно, что и за эти два столетия «новгородские молодцы» или «ушкуйники» перебывали на севере среди Печоры (Зырян), Самоедов и Югры. Очевидно, умалчивание летописей о Самоедах и о пребывании среди них новгородцев связано с борьбой Новгорода против Москвы и утратой могущества Новгородом. С утратой политической и экономической мощи Новгородцы лишились и северных земель и собирания дани, «драгоценной рухляди» и «потыко» — дичи ¹⁴).

Но в Москве знали о Самоедах и о северной земле. Епифаний перечисляет с полным знанием дела Самоедов, как особую народность рядом с Югрой, Печорой и Вогулами ¹⁵). В Москве у тогдашних правителей в 15 веке было полное сознание о важности и необходимости колонизации севера и собирания дани среди северных аборигенов. Предпринятые Москвою шаги выразились в двух направлениях — непосредственного покорения и насаждения православной веры. Карамзин пишет: «Еще в 1465 году устюжанин, именем Василий Скряба с толпою вольницы отправился за Уральские горы воевать Югру и привел в Москву двух тамошних князей Калпака и Течика; взяв с них присягу в верности, Иван отпустил сих князей в отечество, обложив Югру данью» ¹⁶). Судя по именам князей, последние были не югорскими, а самоедскими. Течика (teceko — мороз) — Морозов и Калпак — (xale-pana — рыба — губа) Рыбин — самоедские имена. Поэтому, приходится допустить, что Скряба был среди Самоедов и обложение данью через князей скорее относилось к Самоедам. Туземцы платили дань пришельцам весьма неохотно. Это вызывало со стороны русских властей применения к туземцам жестоких мероприятий. «В 1499 году — говорит Карамзин, — князя Симеон Курбский, Петр Ушатов и Заболоцкий-Братник, предводительствуя пятью тысячами Устюжан, Двинян, Вятчан, плыли разными реками до Печоры, zaloжили на ее берегу крепость и 21 ноября отправились на лыжах к Каменному поясу. Там встретили Россияне толпу мирных Самоедов, убили 50 человек и взяли в добычу 200 оленей... за Яппиным съехались к ним владетели Югорские, земли Обдорской, предлагая мир... каждый из сих князьков сидел на длинных санях запряженных оленями. Воюючи Печоры, Двины, Каменного пояса, Обдорской, предлагая мир...»

также на оленях; а войны на собаках, держа в руках огонь и мечь для истребления бедных жителей. Курбский и Петр Ушатов взяли 32 города, Заболоцкий 8 городов... более тысячи пленников и 50 князей ¹⁷⁾.

В последующие десятилетия 16 века Самоеды не только платили дань Москве, но привлекались в отряды в качестве воинов. Завоевание и покорение туземных племен происходило отнюдь не только силами из русских «охочих людей», но и с привлечением уже покоренных туземцев. В «Сибирских летописях» мы читаем: «а на Сибирского салтана Якову ж и Григорью, собирая охочих и своих людей и Остяков и Вогулич и Югрич и Самодь, с наемными казаками и с нарядом своим посылати воевати и в полон сибирцев имати и в дань... приводити» ¹⁸⁾. В то время как Григорий и Яков Строгановы укреплялись на берегах Тобола и Оби, их отец Аника Строганов, разбогатевший от соляных варниц на Вычегде, продвигался на Печору и Обь, изучая обстановку и завязывая там торговые связи с Самоедами и другими туземцами ¹⁹⁾. Даже акад. Платонов говорит, что «именно от торга с Самоедами на низовьях Оби и пошло богатство Аники Строганова, ибо он сумел ранее других русских людей пробраться на Обь и наладить там обмен драгоценных мехов на дешевые «немецкие» безделушки и иной русский товар» ²⁰⁾.

Еще до 15 века Самоеды расселились по Европейским тундрам. Продвижение до Канинского мыса, очевидно диктовалось скорее всего поисками пушных зверей, нежели необходимостью найти место для оленьих стад. Интерес же к ловле соболей, песцов и лисиц был, очевидно, вызван со времени первых сделок, в которые вступали самоеды еще при Новгородцах. Это продвижение усилилось в 16 веке, когда торговый капитал широко развивал свое ростовщичество, выступая на заграничных рынках и ведя наступательное завоевание, — и вовсе не мирное, как думает С. В. Бахрушин, — богатых пушиною северных окраин и в них живущих народов. В середине 16 века Самоеды Тиманские и Канинские, судя по грамоте Ив. Грозного, считали эти районы исконно заселенными ими и их дедами и прадедами. Однако, едва-ли помогла-бы эта жалоба Самоедам если-бы они не обязались платить Московской казне вместо полтины, взимавшейся с Мезенских «Руссаков», «триж рубли на год» ²¹⁾.

Грамота, пожалованная в 1535 году, интересна и в другом

между Русскими, Зырянами и Самоедами. В грамоте говорится: «... били челом Самоедцы ж Леска да Аница ... сказывают, что деи отцы их и деды, да и они, свои ухажай ведали, рыбные ловли и зверя всякого били, от Толстые Тундры, Самоедскую топь да Мелкую топь, да против тех топей по берегу да Волонгу реку да Пещ ..., ²²⁾ да Индегу реку, да Железные реки, чем владели Самоеды Малкей да Торчию да Емба, и те деи рыбные ловли и звериные ухажай отнимают у них Нечеряне и Пермьки за себя ... а мелкая деи топия у них отдана к Преображенью Спасову, да к Велению Пречистая, да Николе Чудотворцу в дом; да теж деи Самоедцы приезжают на Ламножню торговати с Руссаки, а ставилши деи приезжая на усть Мезени реки, и Инжежскую деи волостели их судят сильно и их продают убытки чинят им великие, а нынеча деи на том месте, на усть Мезени реки стала соколня ново, а оброку с нее мне Великому князю идет с году на год по полтине ... а те деи Самоеды с своих пятидесяти луков с того же места, дают мне ... в казну по три ж рубли на год».

Эта грамота выгодная для Грозного предписывала вернуть Самоедам перечисленные промысловые угодья и «сеи грамоти не рушити никому и ничем». Но она не принесла никакой пользы Самоедам. Они стали платить в казну по 3 рубли с «пятидесяти луков с году», а на топиях и в угодьях господствовали по-прежнему местные инжежане и мезенцы.

У зырян в тот период промышленные интересы еще не имели выражения в Малоземельской Тундре. Они даже в последующие столетия вплоть до революции 1917 года не вторгались в эту полосу. Ижемцы направили свои интересы в Большоземельскую тундру и равнины Оби. Продвижение Зырян на Кольский полуостров — эпизод II половины 19 столетия. Это продвижение вызвано резкой борьбой мезенских и пустозерских русских кулаков-оленоводов против ижемцев, среди которых были конечно тоже весьма пронырливые кулаки. В дальнейшем параллельно экономическому овладению окраины Севера, шла деятельность правительства и местных властей призвать Самоедов и друземцев к православной вере и таким образом окончательно завершить колонизацию северных земель. Средства к разрешению последней задачи были весьма обычные и простые: водка и крест. Так 31 янв. 1597 г. Пустозерский воевода Ян. Ухтомский получил из Устюга вино по приказу Большой казны и ему этим способом было «поручено призывать Самоя-

В 16 веке Самоеды оказались уже в полной зависимости от промышленных людей». Эти люди не просто пасажали время от времени, но и вселялись по «соседству» с Самоедами. Так возникают новые поселки на берегах рек Пинеги, Мезени, Печоры, Оби. Скупщики и спекулянты умели ловко обставать интересы Московской казны, что за ними потребовался особый надзор и запрещение торговать. Грамота от 1600 г. воспрещала торговать Пинежским и Мезенским промышленным людям не только «незаповедным товаром», но и «мягкой рухлядью». Торговцы из Пинеги и Мезени проносили не только вблизи лежащие тундры, но перебирались далеко в Зауралье, к Самоедам живущим по р. Тазу, Пуру и даже до Енисея ²⁴). Однако и этот приказ был обойден торговцами. Они не только провозили «запрещенный товар», но торговали этим товаром по юртам Самоедов, спаивая их и закабаливая. Первый царь из Романовых издал новую грамоту, адресованную Верхотурским воеводам, которым «строжанье наказывалось смотреть за торговыми людьми» и обложить их необходимой пошлиной ²⁵).

В другом и последующих наказах мы видим все один и тот же интерес со стороны тогдашних центральных властей, которым важен был лишь сбор подати и обложение пошлиной «своих» купцов, но отнюдь не цели и намерения об улучшении жизни туземцев.

В наказе от 1676 г., данному Вындольскому, который был послан из Тобольска на Собскую и Обдорскую заставу, чтобы следить за поступлением таможенного сбора, упоминается об Остяках и Самоедах, которые будучи, несомненно, наемными людьми торговых караванов, наравне с купцами подвергались домотру ²⁶). В 1692 году было дано такого же характера предписание некоему Фефилову ²⁷). В результате широкой эксплуатации Самоедов и властью, и торговцами, эти туземцы попали в нищенское положение. Чтобы выйти из стесненного положения, зауральские Самоеды стали прибегать к нападениям на Остяков и своих сородичей, живущих в Большой и Малой тундрах с тем, чтобы за их счет хотя-бы восстановить свои припасы и оленьи стада. Хотя междуродовая борьба среди Самоедов существовала и ранее, но в результате обнищания отдельных или нескольких родов в одном из районов, эта борьба принимала самую беспощадную форму захвата оленьих стад и истребления

Такая борьба выгодна была опять-таки торговым и служилым «руссакам», к которым те или иные самоедские группы обращались за помощью для защиты от нападений. О таком случае свидетельствует нам грамота, данная в 1688 г. Кебровскому и Мезенскому воеводе Воейкову; в ней предписывалось оберегать Тиунских (податных) Самоедов от нападений со стороны югорских и лизовых, не взимая за это с Тиманских Самоедов «излишних сборов» ²⁸).

Взаимоотношения между Остяками и Самоедами с древнейших времен, судя по сказаниям тех и других, носили воинственный характер. Принимая во внимание исторические факты, относящиеся к завоеванию Сибирских народов, а также сведения о территории и численности отдельных племен, мы решаемся констатировать, что первоначально нападающей стороной оказались Остяки на Самоедов, а не наоборот. Но встреча Остяков на этой почве произошла с Самоедами значительно позднее, а именно—с момента вытеснения первых со стороны Татар и затем Русских. Главный толчок к продвижению Остяков на Север по низовьям Оби и вверх к Сургутскому району и его притоков, дали войска, казаки, укреплявшие заставы и городища при и после Ермака ²⁹. Нападающей стороной являлись Остяки. Они были более храбры и воинственны и действовали организованно и превосходили Самоедов своей численностью. Самоеды же плохо владели луком, даже не знали, по сказаниям Остяков, как изготовлять деревянные лодки и делали их из бересты. Остякам, уже покоренным, при нападениях на Самоедов помогали и русские казачьи люди, поселившиеся на заставах и укреплениях.

Сказания же Самоедов, хотя они всегда кончаются победой и успехом в пользу их, а не Остяков, почти всегда вносят случайный элемент, вводят посторонних действующих лиц, которые и решают победу в пользу Самоедов. Им только остается воспользоваться трофеями врагов или радоваться в случае расстройства планов нападения в стане противника. Этими элементами или героями, обеспечивавшими победу Самоедам, являются у них—волк, медведь, шаман, мышь, лисица или красивая женщина—Самоедка. Позволяем себе привести здесь одно предание—сказку: Лиса увидела ворона. Он сидел на месте чума Самоедов, только-что переехавших на новое место. Лиса подкралась и схватила ворона за крыло, говорит: «я тебя съам!» Ворон отвечает: «стоишь меня но

целиком. А то не наешься и придется тебе воовать иди против Остяков. Там ты наешься. А пока съешь меня. Не рви меня на куски, съешь целиком». Ворон был колдуном. Он сказал: «идем на гору, что у реки». Пошли пешком. Лиса все время держала зубами крыло ворона. Поднялись на гору. Ворон говорит—«ты сиди и открой рот. Я сама влезу в него». Лиса открыла рот и ждет. Ворон полетел в воздух, сделал круг, стрелой налетел на лису и крепко стукнул носом по ее голове. Лиса свалилась с горы в реку. В воде она ожила. Идет она по берегу, видит: Остяки едут в лодке. Много людей. Лиса спросила: — куда едете? — Тебе какое дело?—Я может знаю что-либо.—Воовать. Иди поведи! Лиса села в лодку. Едут. Лиса говорит: «вы спите, а я буду править». Люди легли спать. Лиса повернула лодку в обратную сторону. Напала в берестовых кузовах пищу Остяков. Ест. Один Остяк поднял голову и спросил—какая эта река? Лиса отвечает: «берестовый кузов!» Остяк лег спать, удивляясь уму лисицы. Лиса подкралась к стрелам и разгрызла все места у железных и костяных вставок, все концы стрел. Другой Остяк поднял голову, спросил: «какая это река?» Лиса ответила—«стрела!» Остяк, удивленный лег и заснул, как первый его товарищ. Лиса подкралась к лукам и перегрызла их по середине. Третий Остяк поднял голову и спросил — «какая это река?» Лиса сказала: «река Лук». Поздно ночью лодка прибыла к чумам (к поселку). Лиса разбудила людей. Каждый взял свой лук и стрелы. Напали на спящих людей. Спящие проснулись и пошли на людей с топорами да ножами. Долго воовали. Всю ночь. Прибывших людей осидими. Спавшие узнали своих братьев, мужей и сыновей. Эти узнали, что это их родное место. Но все прибывшие лодкой люди были уже ранены или мертвы, кроме одного. Этот побежал с топором в лодку к лисице. Она говорит: «подними выше топор! я поставлю свою голову на твое колено.» Остяк разрубил свою ногу. Лиса убежала. Другие хотели стрелять, но все луки и стрелы были негодны»³⁰).

Самоеды имели также частые столкновения с Тунгусами (по-самоедски *tungu, oše*). Если иметь ввиду Самоедов Большезем. тундры, где также сохранились предания о Тунгусах, то в известной мере эти сведения облегчают разрешение вопроса об их прародине. Но большинство мною собранных

в рабство женщины происходило в безлесной местности. Стап врагов рисуется в местах, где растут высокие ели. Так в одном предании герой Яротото, превратившись в ворона, садится на высокую ель у поселка врагов—Тунгусов, которые угнали его большое 30 тысячное оленье стадо и красивую жену, которая стала женою Тунгуса—богатыря. Ворон, заметив ее около высокой ели, спустился на землю. Он превратился в человека. Она его узнала. Ночью помогла обезоружить тунгусского богатыря и вернулась с мужем и оленями на свою родину, к берегам океана.

Но войны с Остяками (хаби.—по-самоедски) повидимому повторялись чаще. И Самоеды имели случаи, когда им удавалось брать в плен Остяков и держать их в качестве работников или рабов. Это заключение можно с вероятностью вывести из самоедского слова хаби, которое означает «раб» и «Остяк». Рабы же в самоедских преданиях фигурируют весьма часто.

Никаких сказаний Самоеды не сохранили о встречах с Зырянами до 15 века. Зыряне по зову Новгородского слободчика Ивашки Ласки стали расселяться по берегам Ижмы и Печоры с 1554 г. Проникновение Зырян в Тундры произошло в 17 веке, когда последние стали также заниматься оленеводством. В конце 16 века (1579—81) Зыряне еще фигурируют как «надежные проводники Ермака при переходе его в Сибирь» ³²).

Этот переход совершался по р. Сылве, Тагилу и Туре и после взятия г. Тюмени—по р. Тоболу. Самоеды знают Зырян под именем «Ижемцев». По примеру Пустозерских крестьян (Иславин, стр. 20), сметливые Зыряне мало-по-малу начали обзаводиться оленями (с 1649 года), «однако не свыкнув еще с кочевой жизнью и оленеводством, не осмеливались вступать в тундру, а предоставляли пастьбу оленей опытным в сем деле Самоедам» ³³). В 18 и 19 столетии Зыряне уже вошли в Тундру, как промысловые оленеводы и некоторые из них часто незаконными методами довели разными путями торговли и спаиванием Самоедов (по образцу Пустозерцев) свои стада до 5.000 и до 6.000 голов. Ижемцы в середине 19 века стали конкурентами русских торговцев и булаков-оленеводов, которые забили тревогу и, в целях дальнейшей наживы, жаловались и требовали перед властями удаления их (ижемцев) из тундры. К началу 20 века происходит сращивание капита-

неводою-капиталистов и капиталистов-Ижемцев и в результате конкуренции этими капиталистами было нанесено поражение Чердынским купцам, лишившимся полярной тундры—рынка для сбыта городских товаров.

Часть ижемских Зырян с середины 19 века перекочевала за Урал в районы Обдорских и Березова, где господствовали одни лишь Тобольские, Обдорские и Березовские русские купцы. Приход ижемцев вызвал опять-таки конкуренцию, которая несколько «спасла» Самоедов от крепостной формы закабаления, такой формы, когда Самоеды были поделены между кредиторами и они, не заплативши первому постоянному кредитору, не смели отойти к другому. Эту форму закабаления широко практиковали Сургутские и Вахские торговцы по отношению лесных Самоедов и Остяков. Приход в Зауралье ижемцев и их вмешательство в торговлю, были встречены настолько враждебно русскими дельцами, что последние стали добиваться перед тобольскими властями вывода Зырян и запрещения им въезда в Обдорский и Березовский районы ³⁴). Дупин-Горкавич писал: «Зыряне везде являются конкурентами русским торговцам и, естественно, вызывают неудовольствие, даже антагонизм, к себе последних. Очень вероятно, что по пронкам и подстрекательствам русских торговцев поступают от инородцев те жалобы, последствия которых были бы очень плачевны для Зырян, если бы решение местной администрации было приведено в исполнение» ³⁵). Дупин-Горкавич приводит такой факт, что в начале 1896 г. Тобольской администрацией было сделано распоряжение о поголовном выселении всех Зырян, проживающих в дер. Саран-пауль, Березовского уезда, в 2—3 мес. срок. Но Зыряне обратились в Петербург с прошением и оттуда последовала отмена распоряжения Тобольской администрации, которая в своем составе имела сыновей крупнейших торговцев Севера.

Возвращаясь к 18 веку, мы должны констатировать ту же тяжбу Самоедов с Русскими из за тонь и угодий на Малой земле, ту же картину эксплуатации Самоедов, какую мы видели в 16 и 17 веках. Самоеды с древних времен платили подать, ясак. Он выражался в том, что при Иване Грозном брали с Пустозерских Самоедов по 2 песца с каждого Самоеда, кто стрелял из лука. Югорские Самоеды платили по 1 соболю. Капинские и тименские Самоеды с 1688 г. платили денежную подать в размере по пяти алтын с человека, владевшего

воеводе Кушелеву «ясака собирать по три пенса с человека»³⁷⁾. В «Наставлении» от 1782 года было предписано с «Кольских Самоядей и Лопарей брать кроме денег ефимками, бобрами и бобриками, пенсами, белками и горностаями. С Самоядей через старшин во второй половине каждого года»³⁸⁾. В 1767 г. сбор месячной подати взимался в следующих размерах: с Самоедов Пустозерских 3 пенса с души, Устьицлемских и Ижемских по 15 белок или 4 горностая, а с Канинских и Тиманских деньгами с обеих земель по 16 р. 48 коп. в год. В 1797 г. Канинские и Тиманские Самоеды платили лосиными или оленьими кожами, а также другим зверем или деньгами. В документе от 1810 г. Комитет министров постановляет о двухрублевом сборе с Самоедов, кочующих по р. Печоре, а в 1812 г. требует уже трехрублевый подушный сбор с посылаемым в Пустозерск специального приемщика за сбором и доставкой ясака³⁹⁾. Налоговая политика того времени будет ясна, если принять во внимание события в России до и после 1812 г., события, вынуждавшие Комитет министров требовать с мест более полного и своевременного поступления сборов со всех уголков тогдашней России. В 1818 г. отменен был сбор кожами или зверями и переложен на деньги, причем Самоеды были уравнены с крестьянами⁴⁰⁾. Перевод натуральной подати на денежную имел свою причину. Она кроется в невероятной эксплуатации пушных богатств Европейского и Западно-Сибирского Севера. Она еще к 16 веку поставила «русских людей перед фактом истощения зоологических богатств Беломорской побережьи»⁴¹⁾. Через 100—150 лет в результате ускоренной эксплуатации истощена была в своих пушных богатствах менее чем в полвека Мангазея, т. е. Обско-Енисейская полоса⁴²⁾. «В середине семнадцатого столетия она (Мангазея Г. С.) уже в упадке и за пушным зверем русский человек (какой джентльмен!) пошел далее, на Енисей и на Лену, предоставив Мангазею бродячей «Самояди»⁴³⁾.

Как же происходила такая эксплуатация северных окраин? О ней мы также у С. Ф. Платонова находим весьма любопытные данные. «От удачной поездки в Мангазею,—говорит Платонов—можно было сразу разбогатеть. Вот, что, например, вынес оттуда московский ревизор, посланный по службе в Мангазею в 1625 году и тайно захвативший с собою для собственного оборота 4 бочки вина и снаряд для «самогонки»:

более 100 белых песцов, 6 голубых песцов, 15 бобров, 162 зайчины, несколько меховых одеял, кафтанов и шуб, 16 пластин собольих и много всякого зверья много» ⁴⁴).

Но вернемся к Самоедам. Их пребывание в тундрах было весьма тяжелое, как это мы видели еще с 16 века. Жалобы Самоедов в Москве также не дали им никаких выгод. Мезенские Самоеды в поисках пастбищ для оленей и промысловых угодий, еще в 17 веке перешли через горло Белого моря и встретились с Лопарями. По сообщению Ефименко Самоеды кочевали в Архангельском, Онежском и Кемском уездах, доходили даже до Онежского озера ⁴⁵).

Как же относились к Самоедам в столицах? В начале 18 века (1710 г.?) по требованию Петра I-го несколько Самоедов были вызваны в Петербург. На Петровском острове было несколько оленей, которых пасли «Самоеды, пришедшие из Лапландии» ⁴⁶). Для них по повелению Петра были выстроены на этом острове две хижины или юрты ⁴⁷). Наиболее интересным документом Петровского времени, несомненно является дневник или записки Брауншвейгского резидента Вебера, который довольно подробно сообщает о привезенных в Петербург Самоедах. Через них мы узнаем также некоторые обычаи самоедской массы того времени. Приводим слова Вебера:

«Прослышав, что на острове Петра живут Самоеды, я отправился туда вместе с некоторыми друзьями моими. У царя было там 2 увеселительных домика... На выстрел далее, в густом лесу, дом русского смотрителя, а близь него жилье Самоедов... Когда мы вошли в жилье Самоедов, они выползли из своих юрт и с изумлением глядели на нас. Их было семеро и все одинаково непривлекательной наружности: широкие, темно-желтоватые лица, маленькие глазки, небольшие приплюснутые носы и почти без волоска на бороде. Первый из них, бывший и начальником их, выступил вперед других, заложил свои руки себе под мышки, потряхивал с кислым выражением лица головою и стоял так в одном положении некоторое время; затем, когда вышла к нам одна находившаяся в нашем обществе девица, Самоед оскалил зубы, начал чистосердечно смеяться, полез, потряхивая головою в свою юрту, скорехонько опять выполз оттуда поближе к нам, пошел потом к своим оленям, лежавшим на земле, спугнул их, подвел их за рога к нам и хотел было взять сказанную девицу за руку, с на-

от него. Всех оленей было только четыре, два старых и два молодых; остальные повыходили, и только рога и шкуры их развешены были кругом по всему жилью Самоедов. К вечеру приехал домой из Петербурга и русский главный надзиратель зданий или смотритель... Мы попросили хозяина, чтобы он послал за главным Самоедом и поговорил-бы с ним. Один из описанных выше семи Самоедов, уже девять лет живет в России; следовательно знал кое-что по-русски; надзиратель велел привести и сего последнего в качестве переводчика, вместе с его сотоварищем, и по приходе их велел главному Самоеду оказать нам русский привет и поговорить с своим товарищем по-самоедски. Но Самоед этот исполнял все с какою-то досадою, и надзиратель острова рассказал нам о нем, что однажды, когда его, надзирателя, не было дома, этот Самоед напал на людей, приехавших осмотреть остров, изгрыз им уши и лицо и вообще ужасно зло и свирепо их принял; что далее, когда его за это жестоко наказали батогами, он расвирепел до того, что вырвал зубами кусок собственного мяса из своей руки, которую надзиратель приказал Самоеду тут-же показать и нам; при чем добавил, что все-таки он велит почаще бить его батогами до тех пор, пока не сделает его совершенно смирным.

Человек этот дал таки наконец ответ на вопросы, предложенные ему нами через надзирателя и переводчика, и вот, что сообщил он нам. В стране их нет ни церквей, никакого богослужения, ни священников, ни молитв; у них нет там ни городов, ни селений, и жилища их состоят из таких же юрт, какие мы видели здесь в жилье их на острове; они переносят эти юрты на оленях с одного места на другое по глубоким снегам и располагаются жильем там, где им лучше нравится.

У них нет лучшего удовольствия, как бегать на лыжах. Не имеют они никакого начальства, кроме одного боярина, живущего далеко от них, которого царь, за несколько перед тем лет, дал им в качестве короля.

Надзиратель объяснил нам при этом, что упомянутый Самоедский король, был никто иной, как один Поляк, который ежемесячно получал по десяти рублей жалованья, вместе с готовым столом и напитками и жил постоянно в Петербурге, потому, что он в тоже время был устройтелем разных увеселений.

Отечество Самоеда было для него любезнее Петербурга.

пырил свои пальцы и насчитал по ним до десяти; когда же ему приказали продолжать счет, он начал опять считать по прежнему и остановился на десятом пальце, говоря, что более у них никакого числа нет, и что они обходятся и этим количеством.

Когда спросили его, сколько ему лет, он ответил: очень мало. Переводчик добавил к этому, что они не знают никаких лет и времен, кроме того, когда солнце восходит и заходит. Спрашиваемый нами Самоед был лет около пятидесяти и так как он отвечал неохотно и с досадой, то мы отпустили его, но он, уходя с угрожающею миною сказал через переводчика бывшей с нами девице, что жепщины в его земле такие-же красавицы, как и она. В заключение ему приказано было привести оленей, которых он и заставлял бегать при нас ⁴⁸).

Нам нет надобности комментировать то, как Самоедов, ради удовлетворения боярско-купеческих прихотей, били батогами, брали их из тундры и держали ради потехи, смотря на них, как на зверей в зоологическом саду. В таком положении были вероятно не одни только Самоеды, но и другие отдельные представители туземцев. Но «забавы» Петра заходили еще дальше. Нам известен один его указ от 11 января 1717 года, присланный из Амстердама Архангельскому губернатору. Содержание указа таково: «Господин Вице-Губернатор. По получении сего указу сыщите двух человек самоедов молодых ребят которыеб были дурная рожнем и смешные. Летами от 15-ти до 18-ти, в их платье и уборах, как они ходят по своему обыкновению, которых надобно послать в подарок Грандуке Флоренскому, и как их сыщите, то немедленно отдайте их тому, кто вам сие наше письмо объявит» ⁴⁹).

Известно, что Петр собирал в свою кунсткамеру много «дурная рожнем и смешные» предметов и лиц вплоть до толстого француза. Но ему, как видит читатель, ничего не стоило также дарить живых людей за границу. Среди Большеземельских Самоедов живы предания о том, как отдельным лицам приходилось отправляться далеким путем в столицы. В одном таком предании рассказывается, что Самоед по вызову властей ехал через Обдорск, Березов, Тобольск и другие города. Он приехал в столицу. Ему царь дал 10 возов хлеба, сундук с деньгами, посадил Самоеда на судно, имевшее длину 70 сажень и ширину в 7 сажень и отправил к Немцам.

Оттуда Самоед поехал в Норвегию и там женился

шлась с ним. Самоед плюнул на нее и вдоль берегов океана вернулся на свою родину и снова женился на черноглазой Самоедке.

При царском дворе забавлялись Самоедами и в последующие времена. Ледяной дом, выстроенный при Анне Ивановне в 1740 г. был обставлен всевозможными причудами и диковинками. Немыми свидетелями этой оргии, карнавалов и маскарадов были ⁵¹⁾, среди прочих туземцев и несколько Самоедов. Тогдашним работникам Академии Наук поручалось особо давать по случаю маскарадов «описания платья, уборы по цветам» и также доставлять эти платья, если они имелись «в натуре разных народов, а именно—мордовского, чувашского, вотяцкого, тунгусского, лопарского, самоедского и прочих сибирских народов и одну острабацкую лодку» ⁵²⁾.

В 19 веке Самоеды являлись потехой не только при дворе, но и среди обывателей и знати всего Петербурга. «В двадцатых годах,—пишет П. Н. Столпянский—прошлого столетия было обыкновение ездить на оленях и по городским улицам, мчались и по нынешнему «Проспекту 25 Октября», тогда по «Невскому проспекту», мчались бешено-скоро» ⁵³⁾.

Тот же автор сообщает, что двое иностранцев подговорили однажды одного из Самоедов о поездке в Кронштадт. Самоед чуть не в час свез их в Кронштадт и обратно.

Имеется и такой документ от 1848 года: «Имею честь известить почтеннейшую публику, что я, по примеру прежних лет, показываю в национальном виде кочевых жателеев из племени полудикого народа: Самоеда, Самоедку и их дитя, на реке Неве, против Главного Адмиралтейства, где произвожу катание и гоньбу на оленях, привезенных—Архангельской губернии из Мезенского уезда за самую умеренную цену. Яков Окладников, Мезенский мещанин Архангельской губернии ⁵⁴⁾.

Этот же мещанин устроил состязание на оленях с поездом, по единственной тогда в России железной дороге, между теперешним Ленинградом и Детским селом. В назначенный день Самоед пустил своих оленей по гудку паровоза и помчался по снегу вдоль железнодорожной линии. Олени доставили своего хозяина на 3 минуты раньше, чем прибыл поезд ⁵⁵⁾.

Олени днем держались на Неве, а ночью Самоеды уезжали

Эта забота жителей Старого Петербурга была известна и Некрасову:

Но мороз не щадит—прибавляется,
Приуныла столица: один
Самоед на Неве удивляется,
От каких чрезвычайных причин
На оленях никто не катается?
Там, где строй заготовленных льдин
Возвышается синюю клеткою,
Ходит он со своей Самоедкой,
Песни родины дальней поет
Седока-благодетеля ждет ⁵⁷⁾.

«Благодетельством» «певцов песни родины», занимались не только мещане мезенские и министерства, но и синод, и попы. В 19 веке миссионеры ведут усиленную деятельность по «просвещению» Самоедов, хлопочут о составлении для этой цели Самоедской грамматики и букваря. Из царской казны было отпущено 75.000 рублей на постройку церквей для Самоедов. Архимандрит Вениамин составил 25 «нравственных правил» для Самоедов. Эти правила аналогичные с содержанием 12 Моисеевых заповедей, включают в себе чисто бытовые и религиозные элементы из самоедской жизни и мировоззрения. Таковы—«не скачи через санки; не щеголай; не будь сладкоед; что видишь, молчи, чтобы не вышло от тебя какое-либо дело» ⁵⁸⁾. Были построены три церкви на р. Колве в Большеземельской тундре, на р. Пеша в Тиманской тундре и на р. Неса в Канинской тундре. Священникам было поручено в 1821 г. в первую очередь крестить «старшин и богачей в Пустозерском приходе» ⁵⁹⁾. Разрешено было также устроить две подвижные церкви. Миссионеры доходили до Югорского шара и в 1828 году в полосе от Пустозерска до р. Кары числилось до 2000 крещеных Самоедов. Во всех же тундрах в 1830 году было 3.303 окрещенных кочевников. При церквях «было заведено обучение грамоте малолетних Самоедских детей; при реке Колве обучались чтению, чистописанию, пению и церковному уставу и были определены впоследствии причетниками при самоедских церквях, а один поступил мирским писарем в тундру ижемских Самоедов» ⁶⁰⁾. В 1884 году было помещено несколько самоедских мальчиков в Архангельскую духовную семинарию, они «достигли до классов риторики и философии, но один за другим вскоре умерли» ⁶¹⁾.

достивлять и своего злого духа, приноси ему в жертву дары, как они приносят Николаю чудотворцу»⁶²). Однако, все же среди современных Самоедов наблюдается некоторый дуализм в религии. Они мало знают богородицу и часто ее отождествляют с мифической самоедской колдуньей—матерью самоедских богов. Имя Христа совсем не вошло в лексикон Самоедов. В большом почете Николай чудотворец. Это объясняется, повидимому тем, что первая церковь, построенная еще Лаской в 1547 году в Устьцыльме, веками через попов воздействовала на мировоззрение Самоедов.

Самоеды переходили в православие неохотно и главным образом потому, что духовенство их пугало рекрутчиной. Когда же духовенство добилось отмены рекрутской повинности и создания особых Правил по управлению Самоедов, оно тем самым вошло в некоторое доверие Самоедов, обращая их в христианство и попутно сжигая Самоедские капища.

С 70 годов прошлого столетия берега ледовитого океана стали особенно осаждаться иностранными промышленными кампаниями, артелями. На островах Вайгаче, Колгуеве, Новой Земле кишели немцы, норвежцы, голландцы. Они, по мнению одного автора⁶³), запесли сифилис в тундру. На многих островах Самоеды работали в артелях, доходивших до 300 человек, в качестве наемных рабочих. Плавая на баркасах и мелких судах Самоеды, по мнению пришельцев, выказали себя отличными моряками с большими способностями для дальних плаваний по морям⁶⁴). Многие приморские Самоеды усвоили шведский, норвежский языки. На Новой Земле и теперь можно встретить Самоедов, владеющих четырьмя—пятью языками.

Революция застала Самоедов бесправными, неграмотными и разоренными. Почти половина жителей от Мурманска до Енисея представляла массу, лишенную одесных стад. Многие Самоеды приняли оседлый образ жизни и работали в артелях у иностранцев и русских купцов, или в одиночку вели бедственное индивидуальное хозяйство путем убоя морских зверей. Островные жители, чтобы иметь возможность охотиться, обзавелись собаками (Новая Земля). Создался кадр пастухов-Самоедов, которые пасли за 10—15 рублей в год стада пришельцев—Русских и Зырян.

Самоеды—пролетарии работали до революции также на консервной фабрике и в артелях в районе Обдорска.

цыльме, Обдорске, Тобольске, Самарове (на Иртыше) у губернских и уездных чиновников и купцов. Тобольские владельцы ресторанов содержали Самоедок, Вогулок, Остячек и Зырянок специально для приезжих чиновников и купцов и хвастались перед ними проворливостью и умением самоедского женского пола.

При сборе ясака с оленных и промысловых Самоедов, даже свои сородичи-старшины (часто они-же шаманы) стали эксплуатировать их, «например, внесет старшина ясак за бедного Самоедина 7 рублей с души, а потом требует с него вдвое»⁶⁵).

Рис. 1.

Самоеды в Институте Народов Севера.

Октябрьская революция положила конец всем подобным жестоким и корыстным целям эксплуататоров разных мастей. Но Октябрь пришел к Самоедам позже, после освобождения Севера от белых иностранных авантюристов-разбойников. И еще позже, а именно: после создания при ВЦИК'е РСФСР

Благодаря этому Комитету и его филиалов на окраинах (Архангельск, Устьысольск, Тобольск, Томск), значительно продвинулось дело пробуждения самосознания Самоедов, как народа, свободного и равноправного в среде других национальностей СССР. Во всех районах, где живут Самоеды, организованы низовые туземные советы, созданы промысловые кооперативы для Самоедов. В Архангельской губернии открыты 2 райсовета (Канине и в с. Тельвисочное) 7 низовых советов и 2 школы. В Коми-области—1 районный туземный совет (Колва) и 3 низовых тузсовета и 4 школы. В Тазовской тундре—1 райтузсовет (Яново-стан) и 4 низовых совета ⁶⁵). Через кооперативы Самоеды снабжаются промысловым инвентарем, продуктами, товаром. Оказана значительная помощь оленеводам в виде создания ветеринарных пунктов. Бактериологического Института (Ижма), посылки специальных медицинских и ветеринарных отрядов. Для самоедских детей открыты школы и интернаты, а также больницы.

Кадр вполне культурных и грамотных Самоедов (18 человек), ныне обучающихся в Ленинграде на специальном для северных туземцев открытом Институте (б. Севфак), послужит крупным фактором в деле борьбы с вековой темнотой самоедской массы, в деле их культурного развития.

Уже теперь обсуждается вопрос о предоставлении Самоедам автономного управления, о создании Самоедского округа. Реальное осуществление этой идеи поможет им стать на путь к возрождению и культурного развития.

Жилище.

В древние времена Самоеды, как и ряд других народов, жили зимою в пещерах, под корнем дерева, а часто в звериных берлогах. В летнее же время они ютились под ветвями деревьев и делали себе заслонки из сучьев хвойных деревьев и бересты. Обо всем этом можно судить по Самоедскому эпосу, который разворачивает далеккие страницы истории жизни этого народа. В одном из таких сказаний говорится: Отец так сказал: «зима будет, холод будет». С младшим братом пошли в лес искать место, нашли берлогу. В берлоге медведь сидел. Я так ему сказал: «дай мне твой дом, не дашь — дашь шубу». Медведь так сказал: «семь стариков придут, я дам им. Ты ищи себе где хочешь». Я с младшим братом пошел вперед. Нашел другого медведя, черного. Я так ему сказал: «дай твой дом, не дашь — дашь шубу!» Черный медведь так сказал: «семь старых бабушек придут, я им обещаю». Идем вперед. Откуда-то волк идет. Я так ему сказал: «дай дом твой, не дашь — шубу дашь». Волк сердито посмотрел. Он так сказал: «я еще не делал дома, сам ищу». Я так сказал: «дай шубу!» Волк, он так говорит: «найди другую, моя (шуба) не греет, я уже старик». Младший брат так говорит: «тепло будет, у него борода длинная». Я просадил ему нож. Сняли шкуру. Его жилище пришло. Медведь пришел. Он так говорил: «это мой дом». Я так (ему) сказал: «это мой дом и моя шуба». Я просадил ему нож. Пришел отец. Он так говорит: «другие увидят, сделай яму, зарой старика» (медведя Г. С.). Еще в начале 18 века Самоеды летом жили в палатках, зимою в землянках, «которые так велики и просторны, что там целые фамилии уместиться могут. Вверху оных палаток оставлено только одно окошко для входу и выходу, также и для дыму, ежели когда внизу огонь горит. Такие жилища

время все снегом занесет» (1). К. Д. Носилов²⁾ встречал у Самоедов полуострова Ямала такие землянки еще в начале 20 века. По типу эти землянки сходны с жилищами Остяков.

Прародина Самоедов вполне позволяла оканиваться им в землю и строить шалаши. Там и земля летом растаивала и березы, а также другие деревья давали достаточный материал для этих номад. Продвижение на север к океану лишило их необходимых материалов и, судя даже по летописным указаниям, эти кочевники должны были зимой зарываться в глубоких сугробах снега и «умирать» до весны³⁾. Судя опять-таки по эпосу Самоедов, у них имеется одно сказание, в котором говорится, что не Самоеды умирали, а какие-то другие люди, которые с наступлением зимних холодных дней ютились на деревьях и, обхватив их руками, умирали до появления солнца. Мрак, наступавший в полярных окраинах на несколько месяцев, всю природу края приводил в оцепенение; и людей. Они это замечали и выражали в своеобразных сказаниях. И это дает нам повод говорить о постройке таких форм жилища, который соответствовал к новым климатическим условиям. Был такой отрезок времени в жизни Самоедов, когда они строили жилища из снега, на подобие эскимосских, сферических или даже кубовидных жилищ. В настоящее время Самоеды имеют три типа жилья—два конусовидных чума, один—летний, промысловый, покрытый берестой, и другой—зимний, покрытый оленьими шкурами во внутрь и снаружи. Третий тип—изба (кроме землянки) односрубная, заимствованная главным образом оседлыми Самоедами у Русских или у Зырян. Встречаются дома, не уступающие по количеству комнат и по устройству ни русским, ни зырянским домам. Такие дома выстроены Самоедами на Усе в с. Колве, Пустозерске и друг. местах. Приходится также сказать, что чумы у малооленных Самоедов по размеру меньше, покрываются слабее, а есть среди них и такие, которые и зимою и летом покрыты берестой. На о. Колгуеве летние чумы у некоторых Самоедов покрыты парусиной⁴⁾. Богатые самоеды имеют более просторное и более теплое жилище и еще запасные новые чумы, которые лежат в особых саях в запасе. Конусовидное жилище или чум Самоеды называют *pija*, а деревянный дом — *kaqd*. Чум имеет в своем основании круг диаметр которого равен от $3\frac{1}{2}$ до $4\frac{1}{2}$ метров. Конус со-

когда устанавливаются в кольцо из веревки, жила или березняка. Сначала ставят два жердя с привязанным кольцом, в него потом засовываются концы остальных жердей. Расстояние между жердями у земли—1 метр или меньше. От кольца идет ремень—связка (ха) длиною от 10 до 15 метров. Она вырезывается из шкур оленя. Этой связкой обводят после того, как наложены ковры, три раза вокруг чума и другой конец привязывают к жерди, стоящей большею частью у входа. Между жердями, чтобы они не раздвигались, а также, чтобы ковер не просовывался во внутрь, протягиваются короткие связки (таг) в 1—2—3 ряда параллельно к поверхности и охватывают ими сразу также 2 или 3 жердя (ηй).

На этот остов растягивается первая крыша (зимою) с шерстью внутрь; называется она — тјујко. На нее раскладывается јеје—(рус. нок.) ковер, сшитый из старых оленьих шкур с длинной шерстью. Кверху к кольцу поднимают третью полоску ковра, называемую пуг. Она поднимается и прикрепляется при помощи двух или одного шеста, называемого халак. Эта третья полоска ковра бывает большей частью из бересты и поднимается раньше, нежели обкладываются ковры на нижней половине остова. Затем поверх ковров обводят длинной связкой. Между двумя жердями оставляют для прохода отверстие вроде двери, которая завешивается особой шкурой. Край чума снаружи обкладывается мхом или снегом, в зависимости от сезона. Внутри чума снег растаптывается и туда настилаются березовые ветви, а в оазисах—еловая хвоя. У большинства Самоедских семейств имеются уже специальные плетеные ковры из ветвей березы, называемых хиңег. Ковер получается путем связывания в ряд пучков ветвей у концов при помощи шпагата или прядою от каната и настилается по бокам чума. На него раскладывают другой ковер, сделанный так-же, как и первый, но из морской водоросли, называемый тун-рага. На него настилается постель. Входя в чум можно видеть такое расположение предметов и домашней утвари: в середине чума—место для огня. Огонь разводится на железном листе, который применяется с недавнего времени 50—60 лет. Раньше клали под костер каменную плиту из сланца. Очевидно, громоздкость такой плиты привела к мысли обзаводиться железным листом.

По бокам чума одна половина предназначена для сна, а другая для утвари. Полукруг, лежащий напротив от

стоят языческие и христианские иконы. Рядом с богами ставятся чайные чашки, продукты и пр.

Над костром проведены горизонтальные палки, прикрепленные при помощи веревок к чумовым жердям. От палок спущены деревянные крюки для навешивания котла или чайника.

Часто кочевникам пытались втолковать об устройстве чума по-иному, в виде сферического шалаша или палатки с двумя накатами. Однако, Самоеды упорно строят свои жилища с острым концом; им выгодно так строить, так как, когда падает снег, он не залепляется сразу на крыше, а скатывается на землю и, таким образом, крыша, которая и так легка, не терпит порчи, не бывает отвисывания шкур между жердями.

В деревянной избе имеются печи, но не везде еще проведены трубы. В Самоедском языке нет своего термина для трубы, но имеются названия для двери—*по*, косяка—*попу*, окна—*šidér*; стекло совпадает с термином «окно».

В чумах нет печей в настоящем смысле, но все-же весьма примитивное подобие печи—имеется. Так, при печении хлеба под железным листом выкапывается в $\frac{1}{4}$ метра (и меньше) в длину, ширину и глубину яма, куда кладут Самоедки котелок с тестом или супом. Яма покрывается железным листом, на нем разводится костер. Раскаленный лист таким образом передает жар в яму. Летом такая же печка устраивается на улице у рубежа холма. Яма заполняется дерном, а сверху вместо железного листа кладется каменная плита. Есть еще иная форма печки: на кучу дерна просто кладется плоский камень. На него раскладывают колобки из теста. Такая примитивная печь распространена среди всех Самоедов от Белого моря до Обской губы. По мнению И. Перфильева ⁶⁾, который видел на о. Колгуеве печь из плиты, накаливаемой дерном, хлеб пропекается хорошо, как и в обычных русских печах.

Трудно добывать огонь Самоедке, на которую возложена эта забота. Чтобы разгореться сырому ивняку, Самоедка много дует своими легкими. Но с давних пор она изобрела особые мехи—мешочек из оленьей замши. При помощи мехов, ударяя о него рукою, она ускоряет разгорание дров. Раньше Самоедки, конечно, не знали спичек. Их заменял камень, а позже камень и железо, при ударе которых получалась искра. Искра сыпалась на уголь. И теперь в мешочках у Самоедки

Имеется у Самоедов нечто, напоминающее погреб, и называется — Ġin. Этим словом (другое назв. vaŋ) они часто называют гроб, яму, могилу и тюрьму. Яма эта роется летом в земле. В яме хранятся продукты — мясо, рыба и пр. У кочевых Самоедов таких ям — погребов несколько в разных местах и на далеких расстояниях одна от другой. Часто такие ямы выкапываются в пути, когда, например, зарезан олень и мясо его не представляется возможным брать с собою. И никто из соседей, знающих эти погреба с продуктами, не соблазнится на них и не тронет.

Внимание, обращенное на кочующих народов севера со стороны советской власти, конкретно должно быть уделено и за внедрение новой формы жилища. При современной технической мысли создать эту новую форму из портативного материала, повидимому, не так уже трудно.

Одежда и обувь.

На земном шаре почти нет народа, который не одевался бы в меха и шкуры зверей или птиц. Полярные народы в этом отношении также с незапамятных времен носят одежду и обувь из звериных шкур. У Самоедов вся одежда состоит из оленьих шкур, песцовых, собачьих, лисьих и иных мехов и кож. В одном сообщении от 18 века мы узнаем, что обские Самоеды имели одежду из кожи рыб: «летом обдирают различные рыбы и из того себе также очюнь способное одеяние делают»¹⁾ Мужская, женская и детская одежда и обувь шьются у современных Самоедов из одного и того-же материала, различие состоит лишь в размере и украшении. Шитье одежды и обуви возложено на женщин, мужчины не решаются зашить даже прорехи или ставить заплату на своих одеждах.

Различаются две одежды: нижняя и верхняя. Нижняя одежда, это — та же малица из шкуры 1—1½ годовалого оленя. Она меньше по размеру, чем верхняя одежда и шьется с шерстью внутрь, имеет шейку. К рукавам пришивается рукавица (ова). Около ладони оставляется прорез, через который руки могут быть высунуты в необходимую минуту. Название для этой одежды у обдорских и Большеземельских Самоедов двойное — *mal'ce-jimbyt* и означает рубашку. Однако собственно-самоедское, очевидно, это — *mal'ce*, т. к. другое слово попало, по всей вероятности, из остяцкого лексикона, где слово *imbyt* означает также рубашку.²⁾

Верхняя одежда называется *sovak* (*sovök*). Она шьется с мехом вверх и имеет капор, называемый *sova* (*sovö*), что означает и шапку. У капинских Самоедов эта шапка чаще не пришивается к совику (рус. «Гусь»), а имеет по бокам удлиненные концы и у подбородка связывается коротким клепком или ремешком.

Для малицы-рубашки имеется особое покрывало (*tango*), из красного или черного, грубого сукна. Поверх малицы

дет трубку, кисет с табаком и дастает их, или через ворот малицы, или оттягивая свою руку внутрь из рукавицы.

Женская одежда также двоякая. Та, что шита мехом внутри, называется jandy. Верхняя одежда называется рану. Последняя шьется иначе, напоминая полушубок или кафтан. У богатых женщин паны бывает вся из песцовых мехов. Женский капор всегда шьется из мехов белых или голубых песцов. Капор покрывается часто сукном и только его край оставляется с меховым заворотом. Женский головной убор украшается также лентами, металлическими подвесками. Верхняя одежда Самоедки своеобразно разукрашена. Вот что пишет В. Бартенов об этой одежде: «вместо малицы и гуси они, Самоедки, носят «ягушки». Ягушка—шуба, подбитая снизу оленьим мехом, а снаружи украшенная собачиной и полосами разноцветного сукна, так что внизу по подолу идет полоса сукна (вершка три шириной), потом полоса черной собачины, далее желтое сукно. Ягушка застегивается спереди и обхватывается широким поясом, состоящим из разного рода медных колец и щитков. На животе у пояса медная пряжка около $1\frac{1}{4}$ арш. в диаметре. Но всего замечательнее огромная шапка в виде капора (фасон напоминает киргизские шапки) с большими полями из собачьего меха, отчего лицо Самоедки, точно окружено сиянием кругом вершков на 5. Чтобы такое сооружение могло держаться на голове, к нему сзади подвешиваются всевозможные побрякушки, медные круги, колокольчики, бусы—всего фунта 4—5. Все это, конечно, звенит и гремит на ходу»²).

Термин «ягушка» не является самоедским, но взят В. Бартеновым из лексикона русских жителей г. Обдорска.

Как мужчины, так и женщины, носят еще меховую обувь, с длинными голенищами. Ее можно было-бы назвать даже штаниной, особенно, так. наз. pime — (рус. липты) обувь с шерстью внутри; на нее сверху также, как на рубашку одевается совик, натягивается piva (rivö)—обувь с шерстью сверху; она шьется из (подошвы и переда) лба и кисов с ног оленя. Мужские пивы отличаются от женских: первая пара шире, длиннее и с меньшим количеством узоров. Самоедки и их женщины шьют из оленьих шкур особые штаны, похожие на русские штаны, только они очень короткие—часто без заворота.

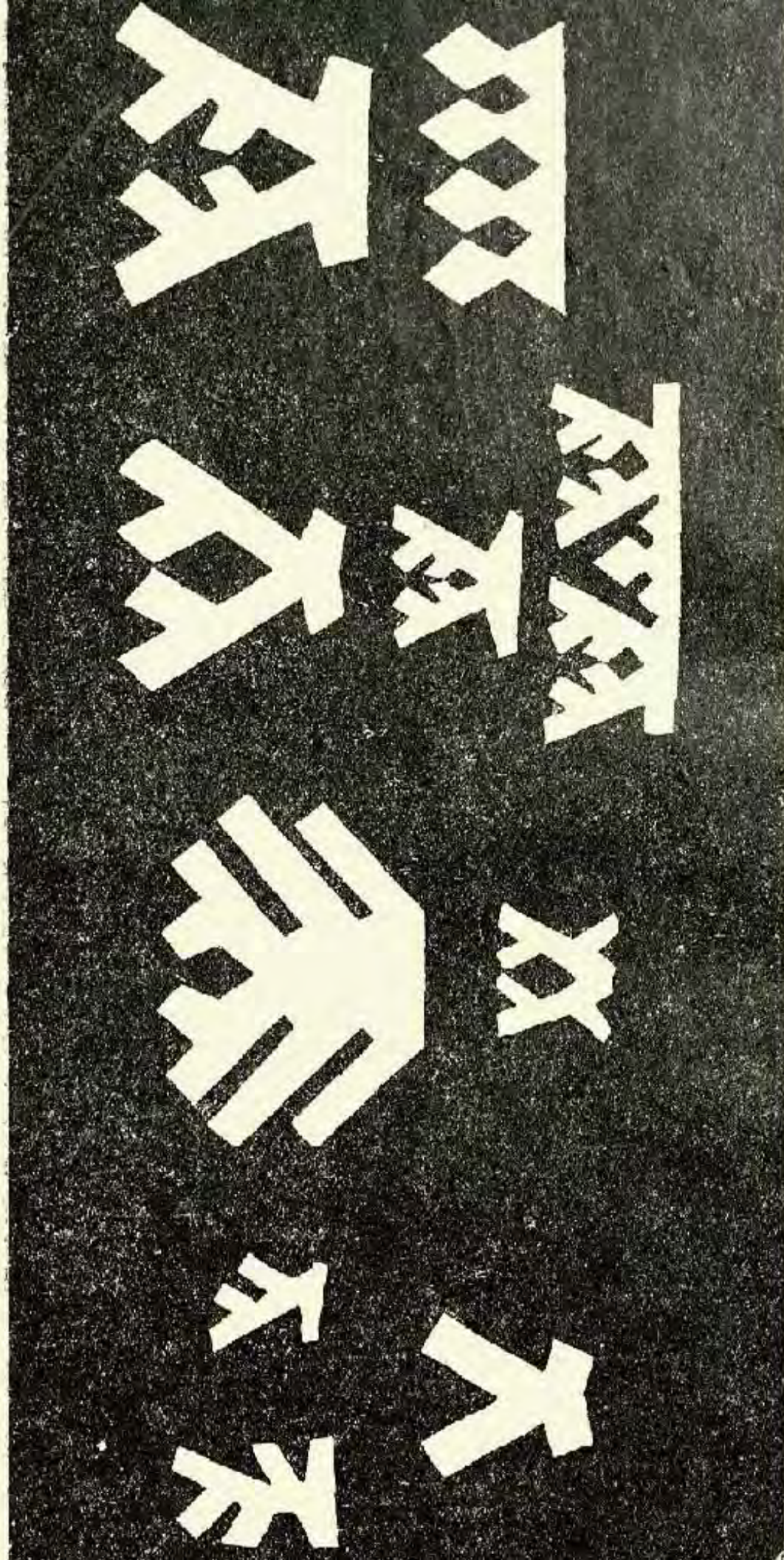
меховой рубашки, за поясск, надевая у бедра на голое тело за штаны. Встречающаяся обувь в виде полусапога и называемая по-самоедски — хоту — является заимствованной, повидимому, у Зырян. Думать так приходится потому, что сама форма обуви и ее название совпадают с зырянским — kotī. Материал, идущий на нее — выделанная коровья или телячья кожа. Детская одежда и обувь такая же, как и у взрослых и лишь размеры их уменьшены; при чем женская и детская одежда также больше разукрашена узорами и лоскутками, нежели одежда и обувь мужчин. Одежду и обувь Самоедки шьют нитками, изготовленными из сухожилий оленя. Жилы расщепляются при помощи ножа или острого камня, путем натирания и закручиваются из отдельных волокон (2—3—5) в нитку до желаемой толщины. Нужно указать, что «гусь», капор и женский кафтан с прорезом с передней стороны — одежда, которую Самоеды носят лишь в зимнее время. Летом мужчины и женщины ходят в одежде с мехом во внутрь. Летняя обувь также одпорядная, с мехом во внутрь.

Большинство самоедов и теперь не знает ситцевой рубашки. Меховая же одежда надевается прямо на голое тело.

Однако, городские товары — сукно, ситец и русский пиджак, шапка, рубашка, жилетка, брюки, а также кожаная обувь, бахилы и пр. переняты Самоедами и вошли в их быт. Вместе с предметами вошли в самоедский язык соответствующие русские слова, как-то: сапка (шапка), плат (платок), велетка (жилетка) и пр. Но слова жер — (карман) и (сукно) проникли, судя по аналогичным зырянским жер и пој (остяцкое пој, вогульское пој) через Зырян-ижемцев. Нам кажется также, что даже некоторые русские слова усвоены Самоедами через Зыряи, несмотря на то, что Русские раньше Зыряи — более, чем на 200 лет пришли в соприкосновение с Самоедами. Это указание будет, по крайней мере, совершенно верным по отношению Самоедов Большеземельской тундры, где обладающих зырянским языком Самоедов больше, нежели обладающих русским языком и где Зыряне основались, как кочевники уже, имея в своем языке русские слова — шапка, бисер, сапоги и другие слова. Что же касается о древности заимствования зырянами перечисленных слов с русского языка, то она не подлежит никакому сомнению: достаточно указать, что эти слова имеются налицо во всех диалектах зырянского языка и также в диалекте ижемских Зыряи, что считаем весьма важным кон-

Внешние одежда и обувь весьма красиво украшается различными узорами, вырезанными из оленьих шкур в бело-темных сочетаниях и из сукожных лоскутков. В названиях и значении узоров мы находим яркое отражение среды и представителей животного мира, в первую очередь—олени, с которым связано с незапамятных времен существование Самоедов. Эти узоры, нам известные: 1) vaj-ñamd—полурог оленя, 2) xog-lambaj—рог быка-олени, 3) xabarta-ñamd—рог лоса, 4) qōvak или xebid'e—qōvak—головка или головка медведя, 5) nau-xa заячье ухо.

Женщины и мужчины ходят с длинными волосами, заплетая их в две косы. Женщины, как и вообще весь прекрасный пол у всех народов на земле, приплетают с волосами ленты, шнуры, с напизанными или привязанными бусами, пуговицами, серебряной монетой и даже колокольчиками. У многих женщин и девки косы по спине распущены до пяток. Кроме того женщины делают у себя на ушах отверстия, путем удаления шилом или иголкой кусочка мяса и любят украшать подвесками, серьгами. Самоедки говорят, что «кто носит серьги, тот лучше слышит», слух острее. Поэтому можно предположить, что серьги (=ха—rja—ушное дерево) раньше или даже теперь являются амулетами, охраняющими от порчи слуха. Несмотря на то, что Самоеды давно встречаются с Русскими и Зырянами, они живут грязно и нечистоплотно. меховая одежда способствует размножению вшей у взрослых и детей; борются с ними своими зубами—грызут. Мало утешения в том, что к этому же способу прибегают Остяки, Тунгусы, Кеты, Енисейцы и палеоазиатские народности. У Перфильева мы читаем, что на о. Колгуеве из 28 чумов в пяти уже стирают белье, умываются не все. У некоторых Самоедов имеются рукомойники и перед обедом Самоеды моют свои руки. Там-же построена баня, но ходят в нее только 1—2 семьи³⁾. Хождение в баню по мнению этого же автора статьи, дало отрицательные результаты: многие Самоеды, после бани заболели. Кстати скажем, что такие-же жалобы приходилось слышать от слушателей северного факультета. Не говорят-ли эти небольшие факты против гипотезы некоторых ученых (проф. В. Налимов, Д. П. Анушин), допускавших возникновение бани в среде полярных народов? Очевидно баня в пароме суть явление в среде других северных

1. 2. Полурог.
3. Знйчье уxo.

Гис. 2.
1. Узор на женск. олежде.
2. Голова медведи (?).

Гора бика-олени.

1. Рог лосе.
2. Головы.

не знают клопов, блох и тараканов, которыми «богаты» другие народы), рубашку встряхивают на улице и оставляют на ночь на снегу.

Хотя Самоседы болеют чирьями-гнойниками, но едва-ли их появление связано с одеждой, а скорее всего от простуды, также как трахома и глазная болезнь (последняя от белизны снега) имеют свои особые причины для их появления. Но меховая одежда несомненно способствует усилению болезней.

В литературе о полярных народах и в том числе о Самоедах распространено мнение, что у всех у них мало растительности на лице—жидкая борода и усы. Была попытка рассматривать этот факт, как естественное биологическое явление. Однако, такое объяснение по отношению бороды и усов у Самоедов, едва-ли правдоподобно. Нам удалось выяснить, что Самоеды могли-бы иметь густые бороды и усы, и часто можно встретить даже женщин с признаками бороды и усов. Отгадка этого вопроса в том, что Самоеды искусственно и постоянно щиплют свои усы и бороды и только потому, что этому виною является холод. При холоде на волосах появляются льдинки и причиняют на щеке боль. Самоедки щиплют волоски растущие у половых частей. Нам удалось слушать двойное объяснение: 1) от холода и 2) по обычаю; эти волоски дарят духу—покровительнице женщин—*jashenichadö*.

Постельные принадлежности — подушка, одеяло перина также состоит из оленьих шкур. Подушка-мешок, наполненный оленьей шерстью или перьями и пухом птиц—вошла в обиход также под влиянием соседских народов, скорее через русское население, судя по заимствованному слову. На Больше-земельской тундре немногие Самоедки делают теперь постели на подобие Русских, из птичьего пуха и перьев. Встречаются также пуховые постели в виде больших мешков. Под постелью в чуме настилаются доски или ковры, плетеные из ветвей березы, а также ковры из морской травы (Новая земля)—называемой по самоедски—*maçei*.

Пища и напитки.

Кочевая жизнь с ее трудностями и лишениями не дала возможности выработать Самоедам особых норм и часов для еды: они едят «тогда—по выражению одного Самоеда,—когда голос становится громким», т. е. когда человек захочет есть, он начинает много и часто говорить.

В летописях упоминается: «Самоеды же едят олени и всякой зверь и гад» ¹⁾. Но это для настоящего времени не совсем правдиво. Самоеды питаются почти исключительно мясом и рыбой. Хлеба раньше они не знали, и часто теперь при нужде обходятся без него. Судя по названию, хлеб узнали они через пермских финнов или обских угров. И у Удмуртов (Вотяки) и у Коми (Зырян), а также у Остяков и Вогудов термин «хлеб» общ-нянь (най). Так называют и Самоеды. Тундра дает Самоедам много грибов и ягод: клюкву, бруснику, водяницу, голубицу. Но запас делают лишь оседлые Самоеды. Из грибов едят «только тех, у которых нога толстая» и питаются лишь в летнее время. Запасов путем посола или сушения не делают. Мясо—главная пища у Самоедов. Перфильев сообщает о Самоедах, живущих на острове Колгуеве, что они с половины августа до мая питаются оленьим мясом. С мая до половины июля—куропатками. С половины июля—ливыми гусями, турпанами и утками. В сутки один человек съедает мяса от 1000—до 1400 грамм, т. е. 1 килограмм или 1 килограмм и 400 грамм, а в праздники—до 2 килограмм мяса ²⁾.

Мясо также солят, коптят и сушат. Копченое и сушеное мясо съедается сразу, а соленое мясо оставляется на запас в бочках, емкостью от 1—3 пудов (до 50 кило). Соль привозная. В литературе имеется предание, что за отсутствием

ушлем. Однако, мои расспросы и наблюдения над этой формой соления не подтвердились. Мясо коптят на огне, а летом сушат на солнечном жару. При копчении кусок мяса от 200—500 грамм вешается на крюк, приспособленный для котлов и чайника или на особой палочке, наклоненной к огню и перевертывают. Но почти всегда оленье мясо съедается в сыром виде. Свалившегося оленя от удара обухом топора кладут на разостланную рядом шкуру. Делают надрез у него на шее и быстро связывают жилами большую кровеносную вену. Затем сдирают шкуру на половину и вырезают лакомые куски мяса с жиром со спинного хребта. Открыв перевязанную жилу, Самоедки подставляют корыто или чашку под струю теплой крови и, макая сырое мясо в кровь едят, искусно отрезая у своих губ, вровень с носом длинные захваченные зубами и натянутые рукою полоски оленьи. Кровь также заливается особо из чашек³⁾. Лакомством считается также мерзлое мясо. Убьют, например, оленя, с него снимают шкуру, а тушу на некоторое время зарывают в снег. Мясо принимает белый цвет и ломтик такого мяса особенно приятен Самоедам.

Вареное мясо употребляется редко, 1—2 раза в неделю. Причиной к тому отчасти является недостаток дров. Самоедки варят обычно суп из свежего куска или уже копченое полусырое мясо. У более зажиточных к бульону примешивается немного муки. В котел с супом кладут кусочки мерзлой крови или приправляют часто еще дымящейся кровью. Едят большей частью без соли. Мясо съедается отдельно после супа. Оставшийся суп дают собакам, часто в том-же котле, из которого сами только-что ели. Самоеды считают, что у «собаки язык чистый, только шерсть поганая».

Рыба также отчасти идет впрок. Ее солят, сушат, коптят и изредка варят. Когда приходится Самоедке сушить крупную рыбу, она делает надрез по бокам и по спине рыбы. Рыба вешается на обычные крюки, а мелкую рыбу нанизывают по 20—30 штук на тонкие палочки, один конец которых втыкается в землю. Рыбу вялят и сушат также летом на солнечном жару.

Уже было упомянуто, что Самоеды мало питаются мучными продуктами. Из муки они пекут хлеб и кладут изредка в суп. Способ печения хлеба весьма простой. В котле с водой

раскладывается на каменной плите или по краям железного листа и называется—*amd'uda-ñai*, т. е. посаженный хлеб. Иногда из теста катают тоненькие пряники и крендельки и пекут при помощи палочек. Этому научились Б. Земельские Самоеды у Зырян, судя даже по названию хлеба—*teska-ñai* (Зырян. *göskud-ñai*, хрусткий съедобный хлеб). У Зырян же повидимому Б. Земельские Самоеды научились печь оладьи на сковородах. Об этом также говорит слово—*ölabyš*, которое именно так произносится Самоедами. Но и Зыряне не знали раньше такого печения. Они это слово сами заимствовали у Русских,—это—оладьи, оладья. Зыряне же повидимому научились печь оладьи весьма давно, т. к. это слово встречается не только у ижемских Зырян, через которых оно проникло к Самоедам, но также у вычегодских и сысольских Зырян.

Самоедски Б.З.Т., хотя и редко, но пекут формовый хлеб, в виде небольших круглых коврижек весом до 1 кг. Пекут его в котле, предварительно вымазан его стенки изнутри оленьим, гусиным салом, или коровьим маслом. Этот хлеб называется—*jed-ñai*, т. е. котловой хлеб. Котел закрывается деревянной крышкой и ставится среди угольев на железном листе. На Колгуеве котел ставится в особые дерновые печи. В тесто кладут олений жир, кровь. И хлеб имеет тогда, красно-бурый цвет; в горячем виде очень вкусный, а в холодном—твердый и несколько жесткий, но также приятный. Оседлые Самоеды знают и картофель. В Печорской дельте и по р. Усе (с. Колва) Самоеды имеют грядки с картофелем и луком. Коровье масло и молоко, чай, сахар, белая мука, крендель, орехи, пряник, конфеты, консервы, табак и водку приобретают и покупают у русского и зырянского населения. Зыряне доят оленей, получая до 3 стаканов, и пьют оленьё молоко с чаем. Самоеды же оленя не доят и оленьёго молока не пьют *). Водка проникла через русских: об этом свидетельствует искаженное Самоедами название русского слова—*šarka*, т. е. чарка. Другое название водки (*jibe-ji*—производное из двух самоедских слов—горькая вода) вошло в обиход речи уже после чарки. Самоедским детям большое удовольствие дают олени рога, еще не затвердевшие, представляющие

*) Однако, они некогда доили оленей. Это заключение можно вывести из преданий. Оленя доят изредка и теперь и молоко идет на

хрящ. Нежная кожа с хряща также съедается после обжигания с нее волосков.

Самоеды могли-бы значительно богаче обставить свой стол, употребляя в пищу множество других зверей, птиц и рыб. Но поедают их только при крайней нужде, так как многие из пернатых и зверей считаются запретными. Их не только нельзя употреблять в пищу, но и запретно убивать.

Нельзя употреблять в пищу тюленьё и медвежье мясо, моржа, гагару, некоторых пород из уток. Однако, теперь все-же встречаются Самоеды, употребляющие и тюленьё, и медвежье мясо.

Самоеды также могли-бы улучшить свое питание, допустив самим себе ловлю рыб из запретных речек, озер и протоков.

Зайца, щуку, камбалу едят также не все Самоеды, а только лишь, которые чаще соприкасались с Русскими и Зырянами. По к этому вопросу, мы еще вернемся в главе о религии, а теперь скажем еще несколько слов относительно того, что не все самоедские семьи питаются одинаково. Стол зажиточного Самоеда всегда имеет и хлеб, и мясо и др. продукты. Богатым Самоедам не приходится также никогда голодать, тогда как бедные Самоеды по наблюдениям Шренка⁴⁾ варят даже кости оленя и таким образом получают суп без мяса. Голод заставляет их иногда питаться, по словам этого же исследователя, — мясом собаки, песца, тюленя и также падалью — олединой. Бедняки варят также суп из ягод и питаются большей частью рыбой — благо лето — и морозиком. Нечего и говорить, что они мало едят хлеба, а по мнению Жилинского⁵⁾, часто совсем не видят его. Они также мало пьют чай, или заменяют его листьями брусники или голубицы, а также заваривают почки березы.

Укажем еще на то, что при еде каждый ест из особой деревянной тарелки. Посуда эмалевая и иная также уже проникла в чумы Самоедов. Женщины всегда обедают последними, после того, как насытились и отошли мужчины. В Б. З. Т., судя по сообщению У. Ледковой, употребляется в пищу травка — кислица и дикий лук (чеснок).

Там-же широко распространено употребление табаку. Табак курят, но больше нюхают. Курят главным образом мужчины и дети. Из женщин курят лишь старухи. Многие старики и старухи также кладут щепотку табака за губами и потягива-

Во время войны, империалистической и гражданской, — Самоеды Б. З. Т. и Мал. Зем. тундры имели водку постоянно. Водка и спирт завозились из-за границы. В годы интервенции севера по тундрам шныряли десятки и сотни торговцев: шведы, норвежцы, финны, снабжая Самоедов спиртом и увозя не только пушнину и шкуры зверей, но и стада живых оленей

Орудия и средства передвижения.

Предметы домашнего обихода деликом приспособлены к условиям кочевой жизни. Первоначально они все изготовлялись из дерева, теперь же многие из них заменены городскими изделиями. Это — котел, чайники, чашки и блюда, рюмки, бутылки, металлические ложки и кружки, тарелки, железный лист под костер, проволока и пр. Из деревянных самодельных предметов остались еще выдолбленные тарелки, корытце, палочки — подпорки при печении хлеба, полонка с дырочками и без краев, наз. — *hal'i* — *хи* (стрела-ложка), ложка — *хи*, при чем русская ложка называется *lutse* — *хи*; крюк (*ра*) для подвешивания котлов, чайников и др. предметов; *jaroko* — деревянный ковшек — *вм.* рюмки — для питья вина, а также для наливания супа, дерев. боченок для водки, наз. *haner* — *хахог*, что в буквальном переводе означает «хлебную корзину», имеется и железное ведро для воды — *helovo* — *jed*, т. е. женский котел, ведро, названное так потому, что составляет женский предмет.

Трубки для курения табаку бывают большей частью также деревянные, но выделяются и из мамонтовой кости и украшаются резьбами и металлическими частицами, большей частью легодными патронными пистонами. Для чашек и других мелких предметов, имеются небольшие деревянные ящики, они при переезде складываются в особые сани.

Из орудий первое место занимает нож — *хаг*. Это — орудие, ценнейшее и незаменимое у всех народов земного шара — *Замоеды* делали раньше из костей. Но *Самоедские* сказки и теперь также сообщают о медных ножах и мечах. Теперь же в ходу железные ножи. Они часто делаются из кусков железного обруча (*Югорский шар*). Сами «куют» при помощи камня

затачивается нередко только с одной стороны края. При помощи ножа Самоед делает сани, колет оленя. Самоедка режет: хлеб, мясо, выкраивает шкуры для одежды, обуви и ремней. С ним Самоед никогда не расстаётся. Женщины и дети с 12 л. также имеют свои собственные ножи. Мужчины для ножей изготавливают ножны. Они бывают из дерева, мамонтовой кости. Черешок для ножа также вставляется из дерева или из кости.

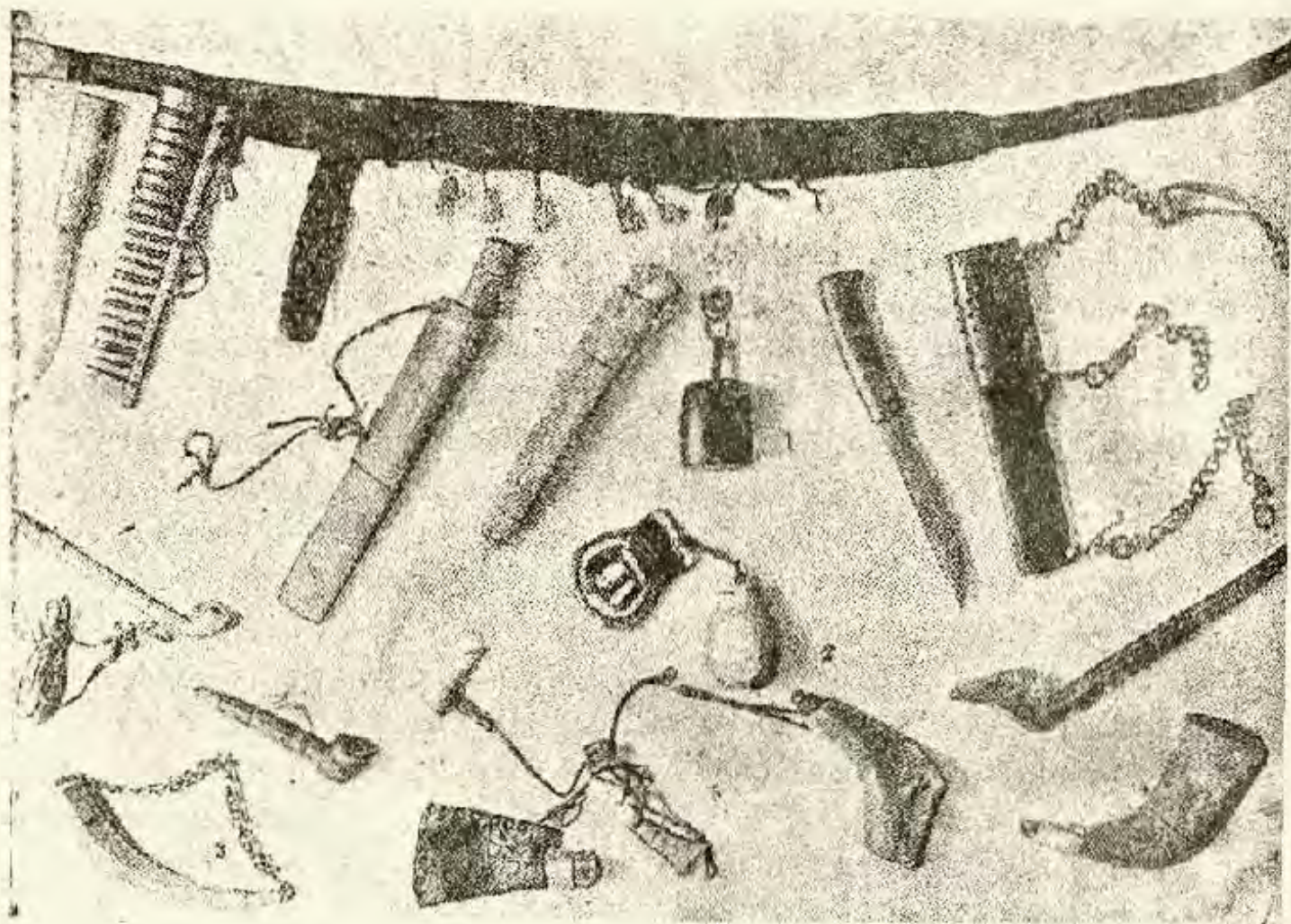

Рис. 3.

Изделия самоедов из оленьего рога, мамонтовой и моржовой кости, оленей, красной меди, дерева и кожи. 1, 2, 3 и 4—табакорки на мамонта, оленя (2 и 3) и дерева, 5—охотничий прибор (по Б. М. Житкову).

Ножны [хап—še(—p)] и черешки также большей частью разукрашены металлическими частями и резьбой. Ножна при помощи медных застёжек (и кожаных) прикрепляется к ремню и висит у левого бедра.

Топор (турка) также вошел в обиход Самоедов с древних времен. Теперь он—покупной, городской.

Шило—piñi, piñimind'e (и иглолка) piñe от pi—piñ—жен-

Древними по происхождению являются пилы (sak) и коловорот — ragō. Пил у Самоедов две: одна короткая, самодельная, сделанная из железа в виде трезуба и большая — покурная.

Коловорот представляет из себя палку с железным наконечником и приводится во вращение при помощи лучка и веревочки — или кожаного ремешка. Острый конец упирается в предмет, подлежащий сверлению, а другой конец прижимается с верху дощечкой. Необходимыми орудиями являются также пешня с железным наконечником для долбления проруби (jangōnōbē) и шест для погони оленей в пути; шест этот (t'ur) также бывает с железными наконечниками с обоих концов и бывают еще наконечники костяные. Часто этот шест заменяет пешню. Долото, ножницы, полукруглая дрель, напильники перепяты Самоедами у соседей главным образом Русских и Зырян. Дрель вошла, судя по общности названия, заимствован у Зырян; ее название — хатгас (сам.) и кандас — зыр.

С особым вниманием приходится отметить одно небольшое орудие, напоминающее бердо ткацкого станка. Оно называется у Самоедов Большеземельской тундры — ŋin-latā, и представляет из себя доску длин. до 20 см., шириною до 15 сантиметров, толщиной 1—2 см. На ней выдолблены узкие отверстия шир. до $\frac{1}{2}$ сант. и длиною до 15—16 см. Таких отверстий бывает 2—5—7. В середине доски по краям и между длинными отверстиями имеется ряд круглых отверстий, каждая до $\frac{1}{2}$ см. в диаметре. Через эти отверстия пропускаются нитки. Концы ниток или привязываются к 2 палкам (за чумовую жердь) или один конец их придерживается от руки. Нитки, проведенные через долговатые отверстия остаются без движения, тогда как нитки проходящие через круглые дырочки приводятся во время просова пряжи в движение вверх и вниз. Уже было упомянуто, что при помощи этой доски Самоедки ткут поясы, подвязки и пр. Выше мы приводили эту доску — стапок, имея ввиду ее распространенность, повидимому, среди всех Самоедов в пользу доказательства прородины Самоедов, которая, судя еще по дополнительным фактам, все яснее и яснее очерчивается близ Саянских гор. Нам недавно удалось узнать, что такое же бердо существует и у Остяков и Зырян, (tab. зыр. *)

что говорит о распространенности его, повидимому, среди ряда других народностей. Оставляя охотничьи и рыболовные орудия до другого места, мы еще отметим, что домашняя утварь и орудия, все они легкие, простые и удобные при постоянном кочевании. У Самоедов нет в чуме никакой мебели. Сидят они на коврах с согнутыми под себя ногами. Столики из досок до 1 метра, длиною $\frac{3}{4}$ м. шириною и вышиною до 20—25 сантим., имеются также у немногих. Изделия из костей мамонта распространены у всех народностей, живущих вдоль берегов океана: Чукчей, Коряков, Эскимосов, сахалинских Гиляков, и др. Что касается костей мамонта, то их Самоеды находят в озерах, у берегов океана, куда будто-бы они выбрасываются волнами. Из мамонтовой кости делают Самоеды кроме трубок, пуговиц, костяшки к упряжи оленя, ножны, а также гребешки и ложки. Богатые Самоеды в старину делали себе еще сани для езды. С давних пор большие клыки мамонта они продают русским купцам. Из мамонтовой кости делаются амулеты и идолы. Самый зверь (janhoŋei) считается священным и по мнению Самоедов он теперь жив и живет именно под землей. Его рев, голос и теперь некоторые Самоеды слышат из под-земли, а встречающиеся сопки и вулканы в тундре, по мнению Самоедов—созданы также мамонтом.

К числу предметов для передвижения мы относим лодку, лыжи и сани.

Современные Самоеды уже не знают лодок, сделанных из береста, однако такие лодки в старину у них действительно имелись: об этом свидетельствует эпос и предания у Самоедов, а также их соседи—Остяки.

В настоящее время Самоеды пользуются лодками двух типов. Первый тип—крытая кузовом большая лодка для плавания по большим рекам и водам океана. Она поднимает до 50—70 п. груза и часто делается русскими жителями. Самоеды такую лодку приобретают на коллективные средства. Эта лодка имеет мачту, парус, сходни и якорь (хаŋ'a).

Другой тип—промысловая лодка поднимающая до 10—12 п. груза или 2—3 человек. Такую лодку умеет делать почти каждый Самоед из готовых еловых досок, приобретаемых у Русских и Зырян; ее имеет почти каждая самостоятельная семья и при кочевании лодку возят наравне с остальным домашним инвентарем и собою на особых саних (xent'in). Потом в эти сани

выполнения более примитивны: подаются лодки более упрощенные, в виде узкого длинного ящика или корыта. Последние принадлежат бедным Самоедам.

Лыжи (lanbuan) также делаются из еловых, сосновых или кедровых досок. Длиною бывают до 1½ метра, шириною до 14—16 сантиметров. Нос не затнут специально, а получается в процессе обтесывания доски. Лыжи часто выкрашены красной краской, на них можно видеть и затейливые узоры. У подвески ремня клеются иногда куски красного сукна. Эти лыжи служат в домашнем обиходе при собирании дров, для катания детей. Другой тип лыж (хортана-lanbuan)—немного уже по длине, чем первый и при помощи клея (из оленьей головы и копыт) покрыт камысами-кожами от лба и с ног оленя. Эта форма лыжи заимствована у Зырян и служит при передвижении Самоедов-промышленников.

Сани. К предметам, необходимым при передвижении, относятся и сани (хан) длина которых 1—1½ мтр., ширина до 1 мтр. Главная часть саней—полозья, которые делаются из березы, черемухи и лвы. В полозьях прикреплены копылы. На одном полозе бывает от 2 до 4-х копылей, длина которых ¾ метра. Копылы двух полозьев соединены попарно особыми дощечками, а по верху по обоим краям полозьев приставлены жердочки с кузовом, при чем концы этих жердочек соединяются с передними концами полозьев.

Всего саней несколько и отличие их лишь в том, что мужские сани более громоздкие и длинные, женские сани—ниже, шире и сзади имеют спинку. Различаются также летние и зимние сани. Летние—сани менее громоздки, чем сани для езды зимою. В грузовых санях для перевозки тяжелых и более громоздких вещей больше копылей, полозья толще и длиннее, чем у саней предназначенных для обычной езды и перевозки легких домашних предметов. Перечислим теперь все виды известных нам саней:

1 Мужские сани—хан.

2. Женские сани—sabu; эти сани делают себе женщины сами. Мужчины, в силу того, что по традиции все женские предметы считаются нечистыми, к ним даже боятся соприкасаться. Женские сани всегда разукрашены красным или ало-красным грубым сукном.

3. Сани грузовые—под чумовые жерди, доски, одежду.

5. Сани с гробовидным ящиком для продуктов и чайных приборов.

6. Сани для перевозки лодки.

7. Сани узкие, но длинные, служащие для передвижения на собаках (Новая земля).

8. Сани для фетишей с 14 копыльями.

В процессе многовековой езды, повидимому, самый тип саней Самоеды оставили без изменений; не изменилась повидимому ни отделка, ни материал, даже самая конструкция. В Есиповской летописи (стр. 242, 1907 г.), мы находим близкое подтверждение наших слов: «Самоеды-же ездят на оленях, впрежени бывают в санки, а сани делают, как человеку можно сесть, от земли вышиною в полчеловека».

В старину у богатых Самоедов имелись сани из мамонтовых костей. Сани же с медными пластинками под полозьями у некоторых Самоедов обдорского района имеются еще и в наши дни.

В эпосе у Самоедов часто также упоминаются складные сани с медными полозьями и называются — *xaso-ŋōtotahan*, т. е. самодвижущиеся. Давнишняя встреча Самоедов с Зырянами и Русскими привела к тому, что поскольку Самоеды явились в Европейскую тундру, как кочевники-олелеводы, они должны были воздействовать на последних, после того, как те занялись оленеводством. Считается бесспорным, что названия оленей по возрасту, песта для гонки оленей, упряжь и даже выкрики, которыми пользуются Самоеды для приманки оленей, телят и пр. заимствованы Зырянами. Ими же заимствован ряд примет и суверенных запретов, связанных с оленеводством. Тип саней также заимствован и не только Зырянами, но и Русскими оленеводами; перенят у Самоедов даже гробовидный ящик для продуктов.

Письмо. Бирка. Счет. Астрономические познания.

Самоеды—народ бесписьменный. До революции их учили в школах читать и писать по-русски. В 19 веке в миссионерских школах они обучались писать по церковно-славянски. И теперь можно встретить Самоедов-стариков, знающих церковно-славянский алфавит и умеющих при помощи его писать свои фамилии и имена. В настоящее время в школах, детей обучают на русском алфавите, применяя его и к родному самоедскому языку. Но русский алфавит пригоден отчасти, так как в самоедском языке имеется ряд звуков, непередаваемых при помощи русских букв. Выработка алфавита для Самоедов—первоочередная задача культурно-просветительных органов. Самоеды, как и все другие народы Азии и Сибири с древнейших времен прибегали для обозначения своих долгов и обязательств и пр. к бирке¹⁾ деревянной дощечке или палочке длиною до 10—15 см, толщиною $\frac{1}{2}$ см. Нам приходилось видеть связки таких бирок, напоминавших бок спичечного коробка (по длине и ширине), имевшего толщину до $\frac{3}{10}$ сант. По-самоедски эта бирка называется—wol'uta.

На ней Самоеды при помощи ножа вырезают линии, которые напоминают римское письмо числовых знаков, но все же оно отличается. Так—I—1, II—2, III—3, IIII—4, /—5, /I—6, /II—7, /III—8, /IIII—9, X—10, *—100, *—1000. Сравнивая эти знаки и их применение, мы находим полное совпадение их с остяцкими знаками¹⁾. Но на вопрос, не заимствованы ли эти бирки Самоедами у Остяков, или, наоборот, Остяками у Самоедов—ответить пока трудно. На конце тамги-бирки Самоед ставит свой фамильный знак. Самобытные знаки сохранились у немногих Самоедов. Большинство же кочевников Малоземельской и Большеземельской тундр, вырезают вместо них русские буквы. В 19 веке Лепехину и Иславину

Лаптадер-тыгый. Т—род Выучей, Х—у рода Могей²). Лепехин приводит таких знаков значительно больше, но и они мало характерны и также смешаны с русскими буквами³).

Самоедам не были известны деньги. Они узнали уже после того, как в их быт внедрились металлы. Первый металл, с которым они раньше познакомились, было железо и свинец. Деньги называют также, как и железо—*ješe*, а бумажные деньги—*radar-ješe*, что дословно означает—«бумажное железо».

Известна Самоедам мера длины, называемая *tibe* и составляет приблизительно русскую меру—сажень, но получается от вытягивания рук. Из меры весов известен Самоедам—*tydsa*—напоминающий русский безмен. На этих весах им, повидимому, не приходилось часто вешать, а прибегали к ним в спорных случаях. Они брали палку, посередине ее привязывали ремень, и на концах прикрепляли предмет дележки и путем перекидывания получали горизонтальное равновесие концов палки. Это им показывало равные доли делимого предмета: жир, мясо, рыба, свинец.

Представление о времени тесно связано с их деятельностью. Годовой круговорот дней нашел свое выражение в той же хозяйственной деятельности, и в соответствии с ней познание сезонных явлений. Самоеды делят год на четыре сезона и также на 12 месяцев. Точного понятия о количестве месяцев, как правильно подметил еще А. Шренк, у Самоедов нет. Понятия о направлениях юга, севера, востока и запада сложились у Самоедов также под влиянием атмосферных явлений в природе. Так «осень» и «север» нашли выражение в слове *tyōgm*, *tyōg'oi*, зима и снег—в слове *tygō* и *tyw*. Восток и «утро»—в слове *xiw* (*xuvu*), «юг» и «день»—в слове *ja'e*. Запад и тепло—в слове *jibe* (*jibu*). Это связывание полисемантических слов сохранилось и в других областях языкового процесса, который тесно связан с хозяйственной деятельностью Самоедов.

В названиях месяцев окружающая среда преломляется также в тесном контакте с хозяйственной деятельностью Самоедов.

Январь—*jaō-jigij*—поворотный месяц в году к теплу.

Февраль—*ind'e-sije-nii*—малый месяц обмана; потому он так назван, что потепление чередуется с морозами.

Март—*garka-sije-nii*—большой месяц обмана: нельзя доверяться потеплению и в этом месяце; другое название—*varqō-jigij*—воронный месяц: улетевшие осенью вороны к югу, в марте

Май—powdy-jirij—месяц отела одногодичных самок.

Июнь—neŋaŋ-j—месяц появления комаров.

Июль—niŋga-j—месяц появления мошек.

Август—xoga-šelöbi jirij—месяц, когда у самцов сходит с рогов кожа с волосами.

Сентябрь—xoga-turöbi-j—месяц случки оленей.

Октябрь—nude-powd'ej-j—малый темный месяц.

Ноябрь—ŋarka-powd'ej-j—большой темный месяц с короткими днями, без солнца.

Декабрь—ŋimbi-jirij—орлиный месяц, название дано потому, что солнце впервые показывается в конце этого месяца на небе через вершины деревьев и «торчит», как орлиное гнездо.

В Большой и Малой тундре некоторые месяцы носят у Самоедов иное название: Апрель—xa'e-jirij—месяц, когда начинается ловля рыбы в озерах.

Июнь—jepto-jirij—месяц гусей; время, когда начинают линять гуси.

Сентябрь—jaŋxalen-jirij—рыбный месяц. Это название встречается у приокеанских Самоедов, которые сентябрь считают удачным для промыслов на морских рыб и зверей.

Август—ma'ŋan-jirij—месяц первого убоя оленей, у которых шкура годна на малицу.

Октябрь—xantabödaŋ jirij—месяц охоты без саней.

Рассматривая эти названия с точки зрения производственной мы видим, что зимние месяцы октябрь, ноябрь, декабрь, январь, февраль и март—выражает бездейственное приспособление к условиям природы, ослабляется производственный процесс человека, и наоборот—летние месяцы выражают заботу кочевника-Самоеда о преодолении трудностей в жизни своей и оленя, без которого трудно мыслима эта жизнь в условиях тундры.

Занятие в хозяйстве и промыслы.

С давних пор поскольку Самоеды перешли в некоторых местностях на оседлое положение, они стали иметь некоторое хозяйство. Оседлые Самоеды в наибольшем количестве встречаются в дельте р. Печоры, по р. Усе, а также на побережьях Чешской губы (см. и р. Неса, Пеша, Спопа, Ома и др.). Однако, земледелием Самоеды нигде серьезно не занимаются. В с. Колве (по р. Усе), где насчитывается до 700 оседлых Самоедов, из злаков сеется ими только ячмень. Из овощей сажают только картофель, который впрочем хорошо родится. Из домашних животных Самоеды держат лошадей, коров и по несколько овец. На зиму для этого скота запасаются сеном, прибегая к косьбе при помощи косы-горбатки и литовки. Сено собирается с заливных лугов¹⁾. Хотя, по мнению другого автора²⁾, Самоеды живут в этом селе более, чем 90 лет, но на земледелие смотрят, как на забаву и попрежнему их манит привольная кочевая жизнь.

Все остальные Самоеды занимаются оленеводством и промыслами—охотой и рыболовством и промыслами на морских зверей.

Оленеводство, являясь специфической формой хозяйства на севере, дает кочевникам все необходимое для жизни в условиях также особенных—тундровых,—чем другие более южные районы СССР. Оленеводством и в настоящее время занимается основная масса самоедского населения, составляющая более 2/3 оленеводов-кочевников. Эти кочевники обладают на территории Канин-мыс—Енисей (Туруханский край) количеством до 340.000 гол. оленей. Средняя величина стад у Самоедов, кочующих в разных тундрах и местностях значительно колеблется. На территории Евронейских тундр Самоеды обеспечены наименьшим количеством голов в стадах (от 20 до 2.000 гол. ол.);

В этих же районах преобладает процент кочевников, обладающих стадами—500—1.500 голов оленей. Факторами для выяснения степени снабженности тех или иных самоедских родов в пределах тех и других территорий являются, степень эксплуатации Самоедов пришельцами, неравномерное по величине и растительности (по качеству для пищи оленям) расположение тундр.

Накопившаяся литература по оленеводству, которое рассматривалось и освещалось, главным образом, с производственной точки зрения, дает также картину нехозяйственного отношения Самоедов к этому животному. Поэтому, незначительная волна эпизоотийных болезней (сибирская чума, ящур и пр.) наносит значительный ущерб хозяйству. До сих пор Самоеды не приступили к активной борьбе с болезнями и оздоровлению своих стад. А те семьи, у которых в результате разного рода причин, осталось меньше двухсот оленей, уже являются бедными. Такое стадо уже минимально обеспечивает семью. В результате незаботливого отношения к этому стаду происходит дальнейшее распыление и тогда Самоеды часто «или бросают оленеводство и идут на рыбные промыслы и охоту, или же вместе со своим стадом поступают к какому-нибудь богатому оленеводу»³).

Ниже мы остановимся на моментах, важных для этнографии. Прежде всего укажем, что Самоеды практикуют санную езду. Верховую езду на оленях они, повидимому, никогда не применяли. В эпосе сохранились указания на то, что такую езду практиковали соседи Самоедов—Тунгусы, которые еще и теперь ездят на оленях.

Промысловые Самоеды на Новой земле вместо оленей запрягают собак от 3 до 6 пар, но езда на собаках—явление последнего столетия. О более раннем использовании собак для езды у Самоедов нет никаких указаний.

Оленьи стада помимо пастухов охраняются и собаками, которых особо приучают, нежели собак для охоты. Приучение состоит в том, чтобы собака могла травить и загонять буйного оленя в стадо, а также не допускать волков. Для того, чтобы собаки нападали на волков, кормят их волчьим мясом и с ними устраивают облаву на волчьих щенят.

Почти при каждом стаде, независимо от количества в нем оленей, имеется пастуховская собака. Но там, где стадо числен-

Самоеды, кочующие в Западной Сибири и Б. З. тундре, приучают для пастбы оленей также малых волчат, держа их на цепи. Волчата, по мнению Зырян-оленоводов и Самоедов, оказывают помощь пастуху большую, нежели собаки. Самоеды убеждены, что ручному волку можно доверять стадо на всю ночь, а пастух спокойно может оставаться в чуме; что ручной волк будто бы сговаривается с диким волком и последний не смеет поэтому резать оленей из данного стада. Пастухом при стаде у некоторых Самоедов и Зырян служит еще и медведь. Самоед Тыседа, кочевник по Б. З. тундре, в 1927 г. имел ручного медведя, который избавил его, по его же словам, от простуживания на морозе в продолжение многих холодных суток. Приучение медведя дало скромный опыт и на будущее время. Теперь многие Самоеды уверяют, что при приучении, необходимо подразнить медвежонка 1—2 раза, а на третий раз уступить и поддаться ему так, чтобы он непременно повалил человека. Волк же этого не понимая, будет нападать на медведя, никогда не уступая ему, а последний, конечно, рассердится и растерзает волка... Самоеды стремятся также к скрещиванию собаки с волком и многие таких собак-пастухов уже имеют теперь и имели в прошлом.

Значение оленя для Самоедов и некоторых других туземцев безусловно громадное. Нельзя сказать, что если бы Самоеды лишились оленя, не смогли бы приспособиться к условиям тундры. Но необходимо подчеркнуть, что значительная часть Самоедов все же строит свое благополучие жить, именно благодаря оленеводческому хозяйству. Олень дает Самоеду одежду, жилище, пищу. При жизни он служит средством передвижения. Широкие равнины тундры доступны зимою человеку только благодаря оленям. Летом Самоеды также передвигаются в ту или иную область на оленях. Зимой олень перевозит на санях груз до 5 пудов. Два оленя запряженных в сани перевозят груз от 7 до 10 пудов, а летом на половину меньше. Живо встает одно противоречивое летописное указание о том, что, несмотря на незначительную грузоподъемную силу оленя, жители Печоры и на Мезени по распоряжению Петра I-го вывозили на санях, запряженных оленями, корабельный лес.

Из оленьих копыт, с костей, рогов и жил Самоеды варят клей. Оленья сани идут на изготовление свечей. При залив-

Из четырех способов охлаждения быков, применяемых Зырянами, Самоеды практикуют лишь два: 1) режут мошонку и отрывают жижу. На о. Калгуеве по наблюдениям И. Перфильева⁴⁾ разрез присыпают солью, 2) яички раздробляются зубами, палкой или камнем.

Ловить оленя из стада для запряжки, убоя и пр. случаев дело не совсем легкое. Существуют два способа поимки: 1) два—три человека окружают оленей, держась за одну веревку—аркана и поднимая ее до груди огораживают их. Веревка стягивается, круг уменьшается и на оленей накидывается малый аркан. 2) Ловят в одиночку, путем набрасывания аркана на рога оленей.

Самоеды имеют два аркана: 1) короткий, малый аркан длиною до 25 метров и 2) длинный аркан длиною до 50—60 метров. Аркан (*tuñze*) делается из сырой оленней кожи. Ее кладут на несколько недель под постель в парат. Когда шерсть выпадает, кожу сушат и из нее кроют узкие ремни. Кожа кроется в длину. Некоторые Самоеды снимают шкуру с оленя дулом. Кожа также выпаривается под постелью и после просушивания режется сплошной спиралевидной лентой. Аркан закручивается из четырех ремней. Упряжь состоит из лямки (*rod'er*), надеваемой на шею оленя и приделанной к ней постромки, которая «проводится олею меж ног и так-же постромка, будучи продета в две, прикрепленные к саням чурки (*neage*) посредством другой, подобной же лямки, надевается и второму на шею»⁵⁾.

Широкий пояс вроде седла шьется из кожи, называется *joine*, суконная полкладка—*noj-joiné*. Ремни (*ša*) для запряжки делаются из шкуры морского зайца. На лбу оленя привязывается узда с косточкой (*šan*); к ней протянуты по левому боку оленя возжи (*mati-iñe*).

В сани запрягаются для обычной легкой езды 2—3 оленя. Но запрягаются также 6—7 оленей. На Б. З. Тундре зимою мужчины запрягают—5 оленей, женщины—4. Впряжка рядом 3—4 оленей производится весьма просто. На шею каждого оленя надевается упряжь. От головы крайнего левого оленя идет возжа. Между ног тянется постромка от лямки к саням. Следующий олень припрягается коротким ремнем-связкой (*pelej-iñe*), которая проходит от пояса (седло) первого оленя к узде другого оленя. Постромки же от каждого оленя идут к саням особо.

часто не знают точного числа, но Самоеды с небольшими стадами отвечают также уклончиво в силу особых запретов, нарушение которых грозит падежом, болезнью и другими несчастными последствиями^{*)}). Олень считается созданием Нума и поэтому в обрядах занимает видное место. Если, после удара, при убое олень конвульсивно поднимает голову, это является предзнаменованием смерти человека. Такого оленя не едят и выбрасывают в сторону от убоя на растерзание хищных птиц и собак.

В пределах рода человек за кражу оленей жестоко карается. Виновный у Б. З. Самоедов должен платить за каждый украденный олень по количеству копыт (16) с прибавлением общей суммы укаденных голов^{б)}).

Придать оленеводству Самоедов промысловый характер, помочь им ввести зоотехнические улучшения в стадах, помочь организовать промысловые, кооперативные артели и хозяйства, провести укрупнение стад и коллективизацию—таковы конкретные задачи, проводимые в жизнь филиалами Комитета Севера.

Охота и промыслы дают Самоедам возможность значительно обеспечить свои жизненные потребности. Самоеды промышляют на песцов, лисиц, волков, горностаев, росомах, выдру и медведей. Из морских зверей бьют тюленя, моржа, морского зайца, нерпу и у берегов Новой земли ловится дельфин или белуга. Бьют также и белых медведей. Наиболее выгодный промысел из числа пушных зверей, это—песец, составляющий 30—40% всей добычи^{в)}). Общая добыча пушного зверя в тундрах Большой и Малой Земли в довоенные годы достигала не менее 20.000 зверей. В сезон при хорошем улове некоторые Самоеды добывают до 100 и свыше пушных зверей на 1 человека^{г)}). Из птиц-дичи бьют и ловят разными способами гусей, гагар, тетер, уток, глухарей, гаг и других, которые дают также большое подспорье хозяйству.

Остановимся на способах ловли тех или иных зверей и птиц. Морской заяц, тюлени, морж по мнению Самоедов весьма восприимчивы к различным звукам, шуму и любят прислушиваться, подплывая в ту сторону, откуда раздается звук или удары. У берегов Новой земли и Югорского Шара Самоеды, учтя это обстоятельство, бьют указанных зверей

ударяют палкой о медный котел, а его жена стреляет на подплывшего зверя. Или наоборот: женщина играет, а мужчина стреляет с лодки. Но моржа, как страшного зверя Самоеды боятся и, замечая его приближение, выходят стрелять на берег. В зверя стреляют посредством винтовок — Бердана. Ловят также вставными сетями около берегов.

В европейских тундрах теперь нет Самоедов, которые охотились-бы из лука. Уже путешественник А. Шренк отметил 80 лет тому назад, что таких Самоедов было незначительное число и они охотились из лука летом преимущественно на гусей и уток⁹). Шренк дает описание лука и стрел. Он говорит, что длина лука короче двух вытянутых рук. Стрелы длиною от 2 до 3 футов, с наконечниками из оленьей, слоновой кости и железа; с другого конца снабжены четверной бородкой из гусиных перьев¹⁰).

Картину охоты на белого медведя дает Ю. Кушелевский, говоря: «Самоедин, встретив белого медведя, стреляет в него из винтовки. Если сразу не убил, медведь увидит на себе кровь, тогда он бросается на самоедина; последний, имея при себе отличных скакунов-олений, старается убежать и наезде заряжает опять винтовку и, держа ее в готовности, подпускает медведя на винтовочный выстрел, останавливается, стреляет», врасплох Самоед спасается хитростью: «снимает с себя, — говорит Кушелевский — верхнее платье (гусь) и во время нападения медведя, бросает его против глаз медведя на землю. Медведь, засмотревшись на человека, никогда не перешагнет через «гусь», а потому кругом его бегают за Самоедом и этим ему дает случай опять зарядить ружье или топором дать меткий удар по порке, от которого медведь тотчас-же издыхает»¹¹).

На пушных зверей Самоеды ставят силки, кулемы. В Канинской тундре некоторые самоедские семьи имеют по 100—120 кулемов, настороживаемых при первом снегопаде перед отходом с мест летнего пребывания вглубь материка. Осматриваются кулемы весною¹²).

На всех тундрах широко применяется ловля пушных зверей загонами. Для этой цели Самоеды соединяются в артели по 30—50 человек. Они окружают на санях пространство преимущественно вокруг озера и постепенно суживая этот круг загнанных зверей бьют пепнями, стреляют в них из

часто не знают точного числа, но Самоеды с небольшими стадами отвечают также уклончиво в силу особых запретов, нарушение которых грозит падежом, болезнью и другими несчастными последствиями⁵). Олень считается созданием Нума и поэтому в обрядах занимает видное место. Если, после удара, при убое олень конвульсивно поднимает голову, это является предзнаменованием смерти человека. Такого оленя не едят и выбрасывают в сторону от убоя на растерзание хищных птиц и собак.

В пределах рода человек за кражу оленей жестоко карается. Виновный у Б. З. Самоедов должен платить за каждый украденный олень по количеству копыт (16) с прибавлением общей суммы укаденных голов⁶).

Придать оленеводству Самоедов промысловый характер, помочь им ввести зоотехнические улучшения в стадах, помочь организовать промысловые, кооперативные артели и хозяйства, провести укрупнение стад и коллективизацию—таковы конкретные задачи, проводимые в жизнь филиалами Комитета Севера.

Охота и промыслы дают Самоедам возможность значительно обеспечить свои жизненные потребности. Самоеды промышляют на песцов, лисиц, волков, горностаев, росомах, выдру и медведей. Из морских зверей бьют тюленя, моржа, морского зайца, нерпу и у берегов Новой земли ловится дельфин или белуга. Бьют также и белых медведей. Наиболее выгодный промысел из числа пушных зверей, это—нeсeц, составляющий 30—40% всей добычи⁷). Общая добыча пушного зверя в тундрах Большой и Малой Земли в довоенные годы достигала не менее 20.000 зверей. В сезон при хорошем улове некоторые Самоеды добывают до 100 и свыше пушных зверей на 1 человека⁸). Из птиц-дичи бьют и ловят разными способами гусей, гагар, тетер, уток, глухарей, гаг и других, которые дают также большое подспорье хозяйству.

Остановимся на способах ловли тех или иных зверей и птиц. Морской заяц, тюлени, морж по мнению Самоедов весьма восприимчивы к различным звукам, шуму и любят прислушиваться, подплывая в ту сторону, откуда раздается звук или удары. У берегов Новой земли и Юторского Шара Самоеды, учтя это обстоятельство, бьют указанных зверей

ударяют палкой о медный котел, а его жена стреляет на подпрыгнувшего зверя. Или наоборот: женщина играет, а мужчина стреляет с лодки. Но моржа, как страшного зверя Самоеды боятся и, замечая его приближение, выходят стрелять на берег. В зверя стреляют посредством винтовок—Бердана. Ловят также вставными сетями около берегов.

В европейских тундрах теперь нет Самоедов, которые охотились-бы из лука. Уже путешественник А. Шренк отметил 80 лет тому назад, что таких Самоедов было незначительное число и они охотились из лука летом преимущественно на гусей и уток⁹). Шренк дает описание лука и стрел. Он говорит, что длина лука короче двух вытянутых рук. Стрелы длиною от 2 до 3 футов, с наконечниками из оленьей, слоновой кости и железа; с другого конца снабжены четверной бородкой из гусиных перьев¹⁰).

Картину охоты на белого медведя дает Ю. Кушелевский, говоря: «Самоедин, встретив белого медведя, стреляет в него из винтовки. Если сразу не убил, медведь увидит на себе кровь, тогда он бросается на самоедина; последний, имея при себе отличных скакунов-олень, старается убежать и наезде заряжает опять винтовку и, держа ее в готовности, подпускает медведя на винтовочный выстрел, останавливается, стреляет», врасплох Самоед спасается хитростью: «снимает с себя,—говорит Кушелевский—верхнее платье (гусь) и во время нападения медведя, бросает его против глаз медведя на землю. Медведь, засмотревшись на человека, никогда не перешагнет через «гусь», а потому кругом его бежит за Самоедом и этим ему дает случай опять зарядить ружье или топором дать меткий удар по порке, от которого медведь тотчас-же пдыхает»¹¹).

На пушных зверей Самоеды ставят силки, кулемы. В Канинской тундре некоторые самоедские семьи имеют по 100—120 кулемов, пастороживаемых при первом снегопаде перед отходом с мест летнего пребывания вглубь материка. Осматриваются кулемы весною¹²).

На всех тундрах широко применяется ловля пушных зверей загонами. Для этой цели Самоеды соединяются в артели по 30—50 человек. Они окружают на санях пространство преимущественно вокруг озера и постепенно суживая этот круг загнанных зверей бьют палками, стреляют в них из

более. В болышеземельной тундре артель в 10 саней совершает 2—3 круга за день. В загоне принимают участие и женщины. Ловля загонном по большей части очень выгодна. На артель берут 30—50—100 и более зверей. Добычу делят между всеми участниками поровну. Случается так, что незначительная добыча продается тут-же какому-либо богачу и вырученную сумму участники делят поровну или еще тут-же эти богачи берут от отдельных участников за долги. Ловля песцов не всегда прибыльна. Хороший улов артелью бывает в те годы, когда в тундре появляется много мышей (piše), на которых песцы—большие охотники. Песец при обилии мышей не попадает в ловушки и только артельный загон дает возможность ловить их. В загоне попадают также лисицы и росомахи и волки. Но последних Самоеды ловят все-же в большей мере в одиночку охотой из ружья. Ловля гусей и др. водяной птицы также производится загонами в тот период, когда они линяют и не могут летать. Шренк¹³⁾ указывает, что на ловлю гусей отправляются с 1-го по 20-е июля (ст. ст.) три или четыре охотника с собаками, в лодках. Они поднимаются до вершины речки. Оттуда плывут вниз, заходя к другим небольшим притокам рек. На ночь гусей загоняют в чум. С утра опять плывут вниз и таким образом добираются до своего становища. Там гусей опять загоняют в чум. И в темноте 2—3 человека свертывают шеп гусям. При удачной ловле удастся загонять от 500 до 2000 гусей. При однодневном загоне одна семья бьет до 300—500 гусей. До революции Самоеды гусей солили и в бочках продавали Чердынским и Архангельским купцам по 25—30 коп. за 1 пуд., а перья по 8 руб. за пуд. Более организованные и систематические загоны птиц в тундрах при теперешних условиях могли-бы ускорить улучшение экономического положения Самоедов. Артельная ловля и сдача через кооперацию при наличии преданных этому делу людей, избавило-бы Самоедов от долгов и кредитов. Один этот промысел составляет не меньшую сумму, чем все товары, завозимые из города в течение года. Поэтому, при хорошей постановке работы местных кооперативов, не должны были-бы раздаваться голоса о задолженности Самоедов перед торг. организациями.

Самоеды, живущие у океана, путем загона ловят гаг, турпанов и загоняют их с моря на берег. Там реже загоняют их в чум: устраивают засады из 5—10 и более человек, кото-

Ловлю загонями разных птиц Самоседы практикуют в течение 4 недель, т. е. в течение всего периода, когда эти птицы неспособны к летанию. За летнее время Самоседы питаются также утиными и гусиными яйцами. Нам, однако, неизвестно, поступали-ли утиные и гусиные яйца на городской рынок. Летом почти каждая семья поедает до 3000 яиц. Их запекают в скорлупе, кладут в тесто, но яичницу (по-русски) не делают.

В одиночку Самоседы также много стреляют гусей. Если гуси или утки плавают на озере, то тогда с той стороны, откуда дует ветер, Самосед пускает зажженный плот из ивняка и травы. Гуси, замечая огонь и дым, приплывают к другой стороне озера, к берегу, а Самосед подкрадывается, — или другое лицо заранее уже сторожит, — и стреляет.

Гусей и других птиц ловят также при помощи капканов, расставляемых на гнездах. Куропаток стреляют и также ловят капканами и силками. Весною при спаривании куропаток, тетеревей и косачей, Самоседы делают соответствующее чучело (*čamčelko*), похожее на этих птиц и ставят его на пень вышиною $\frac{1}{4}$ метра. Чучело на пне привязывается, а перед чучелом настороживают капкан. Способ такой ловли особенно интересен для детей и женщин: им представляет большое удовольствие, когда тетерев подходит и начинает трепать чучело, скакать, кричать. Силки — петли (*jes*) делаются из ниток, оленьих жил и, прикрепленные на палочку, ставятся у кустарников. Этим способом ловят куропаток также б. ч. дети и женщины. Мужчины промышляют глав. образ. песцов, лисиц, но дичь стреляют и ловят попутно.

Волк — самый опасный враг для оленеводов — Самоседов, Зырян и Русских. Однако истребление волков ничтожно. Какое несчастье они причиняют оленеводу, можно судить по тем многочисленным жалобам кочевников перед разными путешественниками и исследователями. Трескин пишет: «стаи волков уничтожают, иногда чуть не половину какого-нибудь оленьего стада, истребляя за одну ночь все достояние какого-нибудь бедняка-Самоседа. Посясь в тундре широкими прыжками (большею частью в малых стадах), волки нападают на оленя сзади, прогрызают ему горло и потом съедают всего, оставляя одни кости»¹¹⁾.

Охота на волков сопряжена с опасностями и она ведется

Отраву состоит из смеси рубленого оленьего мяса или кусков ворвани и сулемы или растертого в порошок растения цикухи. Трескин сообщает, что некоторые кочевники растапливают до 40 отравленных кусков мяса. На отраву идут чаще всего молодые волки, а самка-волчица попадает в редких случаях. За годы революции Самоеды не раз выступали на губернских, уездных и областных Съездах Советов (в Архангельске, Устьицльме, Ижме, Устьсысольске, Обдорске) по вопросу о борьбе с вредителями-волками. Но до сих пор в этом направлении сделано мало реального. Борьбу с волками надо начать решительно и систематически, и тогда кочевники не только будут иметь в целости свои стада, но дадут доход и республике.

Рыболовство—которое в реках, озерах и на океане возможно только в летнее время, не имеет широкого промыслового характера. Самоеды ловят из рыб (ха́ле) осетра, омулей, муксуна, пелядь. (Сибирь) сига, голец, нельму, семги (лох), хариуса, (Европ. север) язей, налима, щуку, ершей (повсеместно). Для продажи по заказу промышленников-купцов Самоеды ловили до революции в одиночку, при чем каждый сдавал от 20 до 100 пудов рыбы,—объединялись в артели и тогда купцам—рыбо-промышленникам эти артели сдавали до 2000—3000 пудов. Такие артели до революции были организованы повсеместно и общая добыча рыбы в Европ. севере достигала 200.000 пудов, в Сибири (Обдорский район) до 240.000 пудов. Но доля поставки рыбы со стороны Самоедов составляет не более 20%.

При артельной ловле Самоеды приобретали невода у тех или иных рыбопромышленников и купцов. В одиночку они ловили при помощи маленьких сетей и «гымги»—морды, снаряда, перенятого у пришельцев. Из других способов можно указать на ловлю пешнями у кромки льда при замерзании рек и озер и ловлю через проруби, ранней весной. Когда в озерах начинается замор рыбы из-за отсутствия воздуха и др. причин, тогда достаточно сделать прорубь, и рыба сама скачивается на лед. Некоторые Самоеды применяют дорожки, удочки с приманкой. Но эти способы проникли к ним, видимо, через Зырян и Русских. Самоеды искони являются народом, который занимался оленеводством и боем пушных зверей. Впрочем, по мере утверждения оленеводства, Самоеды

водами. Это — сравнительно малый отрезок времени для истории целого народа. По нашим-же наблюдениям имеется некоторое основание предполагать, что Самоеды в древности были охотниками. Оленеводство-же, повидимому, переняли они у других народов Сибири. У кого же Самоеды могли научиться оленеводству? Оставляя этот вопрос открытым, мы отчасти склоняемся к выводам А. Н. Максимова, который пишет: «Оленеводство—общее культурное достояние всего самоедского племени, приобретенное им еще в ту пору, когда оно представляло одно целое, не разбившееся на две ветви—северную и южную и приобретенное на прежних местах совместного жительства в области Саянских гор»¹⁵). Далее автор той статьи, указывая на то, что первоначальный тип оленеводства был такой же, как у Тунгусов, говорит: «пусть Саянские горы будут крайний восточный пункт первоначального самоедского оленеводства, а Прибайкалье—крайний предел первоначального оленеводства Тунгусов, все же эти области очень близки между собой географически, и это уже дает известные основания думать об общности происхождения оленеводства Самоедов и Тунгусов»¹⁶).

В свою очередь эту общность оленеводства двух народов А. Н. Максимов сближает с урянхайским, камасинским и карагасским типом оленеводства. Дальнейший положительный ответ на поставленный вопрос повидимому даст уже сопоставление фольклорных и лингвистических данных.

Родовой строй.

В настоящее время Самоеды живут родами. Эти роды делятся у них на большие — *jerkaŋ* и малые, это так наз. роды-фамилии — *töŋz*, *tenz* — существующие в пределах большого рода.

У нас пока нет никаких данных, чтобы хоть приблизительно представить древность возникновения родовой организации, но образование маленьких родов нам понятно. Они своим происхождением обязаны, повидимому, благодаря быстрому расселению Самоедов, которые в течение 400—500 лет успели проникнуть из берегов Енисея до Кольского полуострова, и в результате этого расселения произошло раздробление больших родов.

Мы не располагаем также достоверными сведениями о количестве людей, входящих в тот или иной род. К материалам предшествующих исследователей и местных организаций необходимо отнестись весьма критически.

Приблизительно по этому вопросу известно, что в настоящее время на территории Б. Земельной Тундры отдельных родов живет более 10. Таковы: *tal'ej* (вор), объединяющий до 80 человек; *xetynsi* (название от водоворота в реке, где погибло много оленей, во время борьбы с какой то чужой народностью) — Хатанзейские: они объединяют до 300 человек; *vöŋe xan* (русс. Вапокан, т. е. собачьи сани), где числится более 10 человек; *šadej* — (идол) объединяющий до 50 человек; *poŋo* — песец, совр. русс. Ноготыся, который объединяет до 70 человек; *raŋan-šeda* — Ледковы; досл. жители на мысу морской губы), объединяющие, до 120 человек; *хагисі* — (русс. Карачей, т. е. кочевники не желающие встречаться с русскими и их бытом), они объединяют до 2000 человек, русс.

vaŋŋa—(совр. Ванюта, т. е. кореннастый), объединяет до 30 человек. taŋbaŋi (Тайбарей) происходят от оленеводов, имевших много чернолобых или чернокожих оленей. jepto-ŋŋi—(совр. Иптины)—гусиная нога. jabta—совр. Тонковы. keŋaŋ—совр. Неняковы-Комаровы.

П. Козлов считал, что Самоеды разделяются на шесть главных родов, имеющих несколько подразделений и получивших названия либо от имени родоначальников, либо от урочищ, при которых они кочуют и промысляют. Роды эти суть следующие:

1. Тысый, самый многочисленный, составляющий половину племени Самоедов Нустозерского ведомства и кочующий между реками Точьягою и Каротаихою. К нему относятся:

а) Явтысый (от слова ja—море), кочующий между теми же реками, при морских берегах.

б) Лаптандертысый (от лапта, пизменное место) кочующие на лапте, при р. Точьюге.

в) Ноготысый (от ного, песок), занимающийся преимущественно песцовым промыслом.

г) Паганседатысый (от пага, губа и седа, сопка), кочующие у Паганской губы, или Паганседа у Пыткова камня.

д) Сивседатысый (от сив, семь, и седа—сопка), кочующие у сопки Сивседа, у Заворотского носа, при вершине реки Песчанки.

2) Логей, также многочисленный и того-же ведомства, кочующий между рр. Каротаихою и Карою: к нему относятся:

а) Сядей-логей (от сядей, горный идол), кочующие по горам.

б) Уана-кан логей (от уан (vōne Г. С.), собака), в переводе собачий род.

в) Пырерка-логей—(от пыре—щука), занимающийся щучьим промыслом.

г) Вылка логей—называется по имени своего родоначальника Вылка.

3. Выучей, кочующие в разных местах Большеземельской Тундры; к ним относятся племя Выучей лаптандер, кочующее на Малоземельской лапте (пизменности, Г. С.).

4. Хатапзей—из лесовых самый большой род.

5. Валедей—малочисленный.

Самоедам Икемского и Устьцылемского ведомств и кочуют от р. Печоры до Кары, по южную сторону Большеземельного хребта¹⁾. Судя по всем приведенным названиям легко понять, что роды при их возникновении не были связаны с каким-либо тотемом. Ничто из указанных имен прямо или косвенно не дают нам повода утверждать относительно того или иного рода или рода—фамилии, чтобы они вели, или считали свое происхождение от рыбы, зверя или дерева и что они считают того или другого представителя северной фауны и флоры патроном, который, как это мы видим у Остяков, покровительствовал-бы или считался таким, которого нельзя прямо или косвенно убивать, или приносить им жертву, чтить их²⁾. Раздробление больших родов в малые роды или вернее в роды—фамилии произошло (см. выше) очевидно в историческое время. По отношению к роду Талей, мы и теперь можем сказать, что он возник всего 200 лет назад, от одной Самоедской семьи, точнее Самоседа, которого изолировал род за воровство оленей. Потомки его теперь составляют группу до 80 человек и известны, как малый род Талеевых, живущих частью на новой Земле и на Печоре. Большой род Барачей или хагисей,—живущий за Уралом, также распался на роды—фамилии, которых насчитывается теперь четыре. Исследователь Шренк, установивший в 1850 годах факт раздробления больших родов, делит всех самоедов на два племени—Логай и Ванойта³⁾.

Племя Логай разделяется на следующие роды:

1. Хатын зей: многочисленный род, распространяется по Б. З. Тундре. Они встречаются также на сибирской стороне, ближе к земле Остяков.

2. Наган зей (т. е. обитатели бухты), кочевья которых простираются до источников Колвы и до Морского залива Хайодепадара, отчего они и получили свое название (от Нага—залив); некоторые из них находятся во служении у Пустозерских Русских, с которыми они кочуют по тундрам.

3. Тайвори, кочующие около Хайодепадары.

4. Тысыйи, разделяющиеся на две ветки: а) нохотысыйи (Песцовые) и Ванокана (собачьи сани) представляют многочисленный род, кочующий около лесных границ ближе к Пустозерску и Большеземелье, где он большей частью находится в подданстве у Пустозерцев: Самоеды из этого рода

5. Садай, кочующий по обширной равнине, которая вдоль правого берега реки Колвы до Устьцыльми.

6. Нохо (нохо—песец) кочуют около Урала, где в особенности много песцов.

7. Падара хасово (Лесные Самоеды) кочуют около сев. Урала и нижней Оби.

8. Готвай, на сибирской стороне к югу от Хатынзей.

9. Седа, в Малой земле, где кочуют также Самоеды, составляющие род.

10. Вара.

Илемя Ванойта разделяется на роды:

1. Гуучи, многочисленный род, разделяющийся на две отрасли: Лаптандер и Ламдуй, из которых первая обитает на Малоземельской равнине (лапта), а последняя только на части Большой земли и Сибири, около северной оконечности Уральского хребта.

2. Валей странствует вместе с Зырянами по северным тундрам; но попадаются также в Капинской и Малой землях.

3. Шырерка (пырерка щука Г. С.) род, кочующий по берегам реки Кары.

4. Хыде—(тарелка Г. С.) состоит из Сибирских Самоедов.

5. Роды—Хороло, Сарадата, Гокдата, Яптик, также кочующий за Уралом у устья р. Оби.

6. Мыд, род, кочующий по Малой земле.

7. Ябене, небольшой род, кочующий в Малой Земле и разделяющийся на ветви—Апитсын и Варатсын.

8. Мендлово, происхождение его не удалось установить Шренку; кочует на сибирской стороне вместе с Самоедами из рода Гывай и Ягаггасовой (јап хасово—речные Самоеды Г. С.). Последние кочуют на правом берегу р. Оби, ближе к морю.

Среди Каменных Самоедов, кочующих от р. Соби вдоль по Уральскому хребту до Карского моря, А. Дунин-Горкович ⁴⁾ установил следующие роды:

Окатетта	3	вагаги	169	ревиз.	душ.
Худи	3	»	135	»	»
Серотетто	1	»	62	»	»
Хороле	1	»	58	»	»
Неречч	1	»	9	»	»
Лапсуй	1	»	69	»	»
Пуйко	1	»	21	»	»

Всех низовых Самоедов, кочующих между Обской и Тазовскою губами и на востоке граничащих с Юраками Енисейской губернии, он делит на пять групп: 1) кочующих по р. Ныды, 2) Тазовской губы, 3) у низовьев р. пура, 4) по р. Тазу и 5) степных Самоедов. Но из Самоедских родов ему были известны те, которые кочевали по левую сторону Тазовской губы. Эти роды:

Яптик	2 ватаги	65 ревиз. душ		
Неруй	1	23	"	"
Тогай	1	5	"	"
Аддер	2	45	"	"
Неняг	1	олен-	39	"
Ядви	1	ные	38	"
Езыаги	1		31	"
Югомпеани	2 ватаги	50	"	"
Тейма	1	6	"	"

Эти Самоеды, кроме 4 родов, занимаются рыболовством и звероловством, и свои промыслы продают в Обдорске и Сургуте. Дунину-Горковичу были известны и некоторые роды степных Самоедов—оленевонов.

Они кочуют между Тазовской губой и р. Енисеем. Это скорее остяко-самоедские роды:

Иштунгай	2 ватаги	75 ревиз. душ		
Яр	2	68	"	"
Янду	1	19	"	"
Точида	1	59	"	"

Сопоставляя по этим данным названия родов, мы находим совсем немного общего и только роды Неняг, Вацойта и Яптик, несмотря на их территориальную разбросанность, кажутся такими, что каждый из них некогда составлял большой род. В прочих родовых названиях, мы также не находим отражения об их тотемном происхождении и все они по происхождению топонимико-хозяйственные *).

Роды и мелкие роды—фамии являются вполне завершенными и самостоятельными агрегатами. Взаимоотношения между родами также обособлены. Основную грань между ними проводит понятие кровного родства. Количество людей, входящих в тот или иной род—фамилию, колеблется от 5 до 200. Но каждый большой род включает от 200 и до 1500 чел.

Роды в разное время между собой враждовали и воевали. Войны велись также одновременно между всеми родами; причем роды, живущие по эту сторону Урала, объединялись и выставляли большое, своего рода, союзное, сборное войско. Также поступали и зауральские Самоеды. Войны, как между отдельными родами, так и между объединенными родами двух территорий велись исключительно на экономической почве — за захват оленьих стад, за лучшую территорию.

Нападения производились всегда тайно, без предупреждения с нападающей стороны. Воклющие роды, попадая на территорию врагов, сначала убивали всех взрослых мужчин, затем детей, стариков и старух. Молодых женщин брали в плен и увозили с собою, а часто некоторые оставались на завоеванной территории и женились на пленниках. Войны часто кончались поголовным истреблением того или иного рода. Известно летописное (16 век) указание, что Лесовые и Югорские нападали на Тиманских Самоедов. Там сказано: «Тиманскую Самоядь побивают до смерти, и малых ребят воровски уносят и работать им на своих промыслах и зимою на тундре в их угодьях не дают и всячески изобижают и раззоряют»⁵⁾. Если же удавалось без сопротивления со стороны подвергнутых к нападению родов овладеть оленьими стадами, то война кончалась без пролития крови, но уводом оленей.

Руководителями на войне являлись шаманы, они-же богатыри. Шаманы, судя по эпосу, не боятся стрел, ножей и топоров. Война при помощи огнестрельных орудий им также не опасна. Пулю ловят руками. Пулю, попавшую в грудь или тело, шаман отводит, опуская руку к заду и показывая затем перед своим войском.

Войны и нападения одних родов на других до сих пор не прекратились. В 1900-х годах был совершен набег со стороны родов, живущих в Больше-Земельской Тундре, на зауральских Самоедов, перекочевавших в Б. З. Т. со значительными стадами оленей и по пути угнавших чужие олени у оставшихся родов. Как-бы в ответ на это нападение в 1910—11 гг. было совершено большое нападение со стороны Зауральских Самоедов. Им тогда удалось угнать из БЗТ до 60.000 оленей.

Роды, живущие в Б. З. Т., накопили наконец свои силы,

отбит. В свою очередь Зауральские Самоеды, чтобы отомстить родам за нападение в 1918 г., решили ударить в 1921 году, но это не могли привести в исполнение из-за недоговоренности между отдельными родами, которые к тому моменту оказались достаточно обеспеченными оленями и не желавшими воевать. В 1925 г. была новая волна со стороны Зауральских Самоедов, но опять-таки из-за недоговоренности между всеми родами война была оставлена. Эта недоговоренность привела к раздору между отдельными родами и вылилась в крупные кражи оленей у зажиточных. Эти последние, экономически сильные, опасаясь за свои стада оленей, в последнее время дают согласие на войну с родами Б.-З. Тундры и за полный захват¹⁾).

При затяжной вражде роды на оленьи стада противников напускают волков. Для этой цели достаточно сделать из кедрового дерева чучело волка по величине в маленькую куклу и подбросить к стаду врага.

Такое магическое воздействие на волков приводило, судя по рассказам Самоедов, к поголовному истреблению ими десятков тысяч оленей. Противная сторона, учуяв массовую гибель оленей, прибегает к такому же способу. Достаточно найти это чучело волка (или заново сделанное) и подбросить обратно среди стада вражеских оленей, волки направляются к ним. Если волки не найдут на указанном месте оленей, грызут собак, если нет собак, начинают перегрызать друг друга и погибают. Придавая такое магическое действие кедровой кукле, Самоеды всегда этим деревом заранее припасываются, и те, которые не имеют, ездят за ним в полосу оазисов. Это чучело «полезно» и в мирное время для сознательного истребления волков и натравливания их друг на друга. Легко объяснить реальную подоснову этого магического акта, к которому прибегают Самоеды. Очевиден тот факт, что то или иное магическое заражение при помощи чучела, совпадало во времени с эпизоотией, или также с перекочевкой стаи волков из других районов.

Для прошлых времен характерно было также то, что после войны Самоеды приносили в жертву одного из плен-

¹⁾ Эти сообщения мною получены во время двух своих командировок на Тобольский селер в 1925 г. и на Печору в Тундру в 1926 г., а также от слушателей — Самоедов Сев. факультета Л. В. И. Перво-

ников. Этого современные Самоеды не уже помнят, но в эпосе упоминается о том, что одного из пленников по указанию шамана задушили ремнем и увезли на капище богов. В эпосе же упоминается борьба родов из-за обладания женщинами⁶). Из внутренней родовой жизни нам известно, что каждый род имеет свой родовой суд. Суду приходится разрешать тяжбу между двумя семьями, между отцом и сыном, мужем и женой, парнем и девицей. Большое количество споров складывается также на почве оленей, кражи, калыма и часто из-за словесной незаслуженной обиды. Для решения спора Самоеды стараются выдвигать людей безупречных в общественном отношении и сравнительно обеспеченных. В крупных процессах судья почти не играет роли. Он зависим. Ему помогают еще 2—3 старика и шаманы. Они также как-бы отводят личное решение, полагаясь на существующие обычаи, но это решение «по обычаю» не всегда правильно, т. к. тут играют значительную роль происшедшие за последнее время, или существующие с давних времен, классовые расслоения. Не раз бывали случаи, когда работник—пастух жалуется на своего хозяина—богача. Суд часто решает дело в пользу этого богача, так как он подкупает в первую очередь шамана и затем судей.

При краже, убийстве виновника привуждают к клятве. Виновник должен перед судом рубить нос медведя или волка. В нужную минуту, если не оказалось шкуры медведя, прибегают к живому оленю, и таким образом символически замещают медведя. Виновник, отрубив нос оленя или медведя, не несет кары, но он не считается и оправданным. Если он умирает на охоте от медведя или волка, то полагают, что это лицо солгало при клятве. Мелкие дела, вроде ругани из-за незаслуженного прозвища, решает родовой судья единолично и обычно примиряет поссорившихся. Незаслуженное прозвище судья отводит, и тот, кто давал это прозвище подвергается к уплате 1—2 оленей или 1 собаки.

По эпосу можно судить, что человека, который совершил убийство и сознался в этом,—заточивали в древности в яму или зарывали в землю по горло и таким образом держали до смерти. Иногда через несколько дней освобождали и отдавали в рабство другому роду.

Нужно еще добавить, что среди Самоедов, несмотря на

оленьями без уплаты какого-либо процента, а часто дает небольшое стадо 20—30 голов—на безвозвратное пользование. Благодаря такой солидарности, многие безоленные Самоеды вновь, через несколько лет, становились оленеводами. Этого, повидимому, требуют и диктуют условия жизни в тундре. Оленеводческое хозяйство все-же в целом весьма шаткое в своей основе и, подверженное эпизоотиям и пр., легко может вывести из строя самого богатого оленевода. Но благодаря взаимной помощи удастся многим обнищавшим оленеводам стать снова кочевниками и таким образом поддерживать в известной мере хозяйственный уклад тундры.

Но подчеркивая этот факт, мы не можем скрывать и того, что разлагающийся родовой строй у Самоедов усиливает среди них линию классового расслоения. Последнее раньше покоилось на факте обладания большим или меньшим количеством оленей. Для последних 30—40 лет характерно, что среди Самоедов имеет место не только обладание большим стадом, но и превращение этого стада отдельными группами Самоедов в товар, дающий ценность и, следовательно, капитал.

Процесс превращения оленя в товар выделил и укрепил кадр кулаков и кадр пастухов.

Как в среде крестьянства СССР существует расслоение на бедняков, середняков и кулаков, так и в среде Самоедов и других туземцев это явление имеет место. Но поскольку объект собственности складывается по линии промыслово-оленеводческого хозяйства, линия расслоения и борьба имеют несколько иную форму, переплетающуюся часто со старым бытовым укладом.

Классификация родства и нормы брака.

Родство между двумя родами, возникающее на почве брака, не распространяется на всех родичей данной семьи. Родство по крови не передается и брачующимся. Зять может жениться на свояченицах и теще. Сноха может стать женой свекора, деверей. Браки в пределах рода не допускаются. Но при постоянном скрещивании через этот же брак возникают в пределах одного рода (и других) разные фамилии (малые роды) и давность кровнородственной связи с течением времени забывается. Женщина, по выходе замуж, носит фамилию своего рода, откуда она происходит: ее фамилию могут носить и ее дети. Чаще всего такую фамилию носят дети, перешедшие к ней при вторичном замужестве.

Из нижеприводимых терминов родства мы видим родственные степени по линии жениха (мужчины) и невесты (женщины). Самоеды различают категорию родства и свойства. Сохранив некоторые элементы общей классификационной системы урало-алтайской семьи (по Моргану: Туранской), Самоеды в наши дни проводят возрастную и половую группировку, как по мужской, так и по женской линии. Так, все братья—(мужчины) «моей» жены старшие по возрасту, чем она, называются *ηυпöб*, *ηυпöбан*, все старшие сестры «моей» жены — *хадö*. И, наоборот; все братья «моего» мужа старшие его по возрасту—*ηυпöб*, *jiri*; сестры—*хадö*.

Все младшие братья—«моей» жены моложе ее по возрасту—*јапа*, сестры «моей» жены младше ее—*пе-јапа*.

Подробнее это родство и свойство можно проследить из нижеприводимых терминов:

А. По отцовской линии:

jiri—прадед отца,
хадa—прабабушка,
jiri—дед

jiri—ст. брат отца (дядя),
 nika—мл. брат отца (дядя)
 xada—ст. сестра отца.
 naboko—мл. сестра отца.
 xada—жена старшего дяди,
 nana—жена мл. дяди,
 jiri—муж ст. сестры отца,
 ninedu—муж мл. сестры отца,
 rari, neje—дети ст. брата моего отца (мальчик, девочка),
 na, neini—дети мл. брата моего отца (мальчик, девочка),
 nja, nenja—дети ст. сестры отца (мальчик, девочка),
 na, neini—дети мл. сестры отца (мальчик, девочка).

Б. По материнской линии:

jiri—прадед матери,
 xada—прабабушка,
 jiri—дед матери,
 xada—бабушка матери,
 jiri—братья дедушки по матери (и бабушки),
 xada—сестры дедушки по матери (и бабушки),
 jiri—отец матери,
 xada—мать матери,
 jiri—ст. брат матери,
 tid'e—мл. брат матери,
 xada—ст. сестра матери,
 neje—мл. сестра матери,
 xada—жена ст. дяди по матери,
 naboko—жена мл. дяди по матери,
 jiri—муж ст. сестры матери,
 tid'e—муж мл. сестры матери,
 tid'e—дети ст. брата матери (мальчики, девочки),
 neje—дети мл. брата матери (мальчик, девочка),
 nini, nenini—дети ст. и млад. сестры матери (мал., дев.).

В. Ближайшее родство:

nise—отец,
 nebä—мать,
 xarka-nu—ст. сын,
 nud'uku-nu—мл. сын,
 q.-neinu—ст. дочь,
 n.-neinu—мл. дочь,
 nakö—ст. брат,
 rari—мл. брат,
 naboko—ст. сестра,
 neje—мл. сестра,
 nakö—ст. брат
 rari—мл. брат
 naboko—ст. сестра
 neje—мл. сестра

} При общей матери, но от разных
 } отцов и наоборот.

Г. Родство по линии мужа («я»—женщина).

jiri—свекор,
 xada—свекровь,
 jiri—ст. деверь,

jo-šel — жена ст. деверя.
 meje — жена мл. деверя.
 janö — муж ст. золовки.
 ji — муж мл. золовки.

ji — ст. брат
 jiri — мл. брат
 xadö — ст. сестра
 xadö — мл. сестра

Свекоры и свекрови,

hi, hei — дети ст. деверя (мальч., дев.),
 hi, hei — дети мл. деверя (мальч., дев.),
 hi, hei — дети ст. золовки (мальч., дев.),
 hi, hei — дети мл. золовки (мальчик и девочка),

janö — братья
 he-janö — сестры
 janö — братья
 he-janö — сестры

жен деверей,

мужей золовок,

padö — сноха старшая
 meje — сноха младшая
 kaxovo — мой муж, буквально — мужчина.

Так называют „меня“ отец, мать,
 братья и сестры моего мужа,

Д. Родство по линии жены («я» — мужчина).

xunöb, jiri — тесть,
 he-xunöb, xadö — теща,
 xunöb — шурия старший,
 padö — шурия младший,
 he-xunöb — свояченица ст.
 he-pado — свояченица младшая,
 he-xunöb, xadö — жена ст. шурина,
 he-janö — жена мл. шурина,
 šel — муж старш. свояченицы (свои),
 (meje) šel — муж мл. свояченицы,

xunöb, jiri — ст. брат
 jiri — мл. брат
 he-xunöb, xadö — ст. сестра
 xadö — мл. сестра

тести и тещи,

padö, he-pado — дети ст. шурина (мал., дев.).
 „ „ „ — дети мл. шурина (мал., дев.).
 „ „ „ — дети ст. свояченицы.
 „ „ „ — дети мл. свояченицы,

janö — братья
 he-janö — сестры
 janö — братья
 he-janö — сестры

жен шуринов,

мужей своячениц,

pinedu — зять старший
 tij — зять младший
 he — моя жена (буквально — женщина).

так называют „меня“ отец, мать,
 братья и сестры моей жены,

Е. Дополнительная группа терминов:

šaka — отчим,
 hešä — мачеха,
 he padö — падчерица (ст., мл.),
 padö — пасынок (ст., мл.),
 janö — „сват“, так называют друг друга отцы жениха и невесты.
 he šadö — сватиха, так называют мать жениха мать невестину

Уже простое сопоставление родственных терминов дает нам возможность говорить о весьма древней форме семейно-брачных отношений у Самоедов. До крайности упрощено родство и свойство. Всего семь классификационных форм со всеми коллатеральными (боковыми) связями. Это — я — «отец», я — «сын», я — «дед», я — «внук», я — «муж», я — «зять», я — «тесть», я — «сват».

Термины «тесть» и «свекор» раньше совпадали с термином «дед».

Такая же картина получается и по женской линии: термины теща и свекровь также восходят к понятию «бабушка». В обоих случаях происхождение данных терминов надо считать более поздними в связи с дифференциацией кровнородственных отношений, сложившихся в результате ограничений внутри самого рода или вернее родов. Таким образом, слово «хада» означает, что все женщины старше по возрасту, чем «моя» мать, т. е. бабушка по отцу, бабушка по матери, старшая сестра по отцу, старшая сестра по матери, жена старшего дяди по отцу, жена старшего дяди по матери, сестры дедов по матери и отцу и жена шурин старше «меня» по возрасту, — остаются в том положении, чем все «мои» младшие родственники, т. е. все старше для «меня» являются «бабушками». Однако, делению на возрастную группировку Самоседы не придают особенного значения. Она имеет важность лишь для выявления старшинства при гостеприимстве и вкладывается в нее понятие уважения старших. Но со зрелого возраста парни и девушки становятся во всем равноправными, и существующее деление на возрастную группировку легко стирается. Наоборот, эта возрастная группировка по женской линии совершенно отходит, сохраняется лишь по мужской линии. Напр., младший брат женится на старшей по возрасту девушке, чем жена его старшего брата. В таком случае она будет уже считаться по возрастной группировке мужа младшей невесткой, так как ее муж является младшим сыном в семье свекора.

Очевидно, возрастное деление раньше имело у Самоедов свое место и его происхождение может быть увязано с групповой жизнью в последней стадии, уходящей ближе к форме пуналуальной семьи рода, где произошло разграничение и ограничение в силу возобладания, — по мнению Энгельса, —

мачехой и женятся-ли они большей частью по смерти отца или нет, или еще после того, как ее дочери уже являются женами у вступающих с нею в связь, т. е. ее зятьями. Обычно это бывает тогда, когда зять отрабатывает в доме (роде) жены калым. Теща вступает с ним сначала в тайную половую связь. Сын может также отнять жену у отца при его жизни. Старший брат может жениться на жене младшего брата. И также может поступить и поступает младший брат. Братья могут просто обменяться женами, причем тут должно быть получено согласие со стороны самих жен и при том обоих.

Случаи такой формы взаимного обмена мужьями и женами конечно редки. Отмечая эту поголовную связь мужчин и женщин между родами, мы еще напомним, что раньше повидимому допускались браки и в пределах одного рода. Характерно то, что шаманы и теперь вступают в половую связь даже с родными сестрами.

Двоюродные братья и сестры, если они принадлежат к разным родам также могут жениться. Брак возможен на третьем поколении также при условии принадлежности брачующихся к разным родам. Дети от общей матери, но от разных отцов, а также происходящие от одного отца, но разных матерей жениться не могут. Но их (детей) дети, живя в разных родах, могут уже вступать в брак. Эти указания близко стоят с вопросом о кузенном браке. При расспросах у учащихся Самоедов на Северном факультете Л. В. И. мне удалось слышать, что, например, сын (по линии матери) может жениться на ее сестре, что также ее дочь (по линии матери) может быть сосватана за ее брата. Но такие браки бывают очень редко. Здесь мы опять-таки имеем дело с границами родов. И тогда надо допустить, что форма брака между сыновьями и дочерьми по линии матери и ее братьями и сестрами, принадлежащими к разным родам, была некогда распространенной.

Наряду с изложенным, мы еще встречаемся и с такой формой брака, существующего у Самоедов: многие старухи и старики выращивают себе молодых супругов. «Помолвка» происходит в тот момент, когда мальчик или девочка (большей частью сирота из чужого рода) еще совершенно беспомощны или еще лежат в пеленках. До зрелого возраста, дающего уже возможность вступить в брак «супруг» или «супруга» живут

старуха не доживали до зрелого возраста избранных. После их смерти имущество переходит в пользу молодых. Элемент снохачества в этой форме брака, несомненно выступает на первый план, но здесь есть также некоторая доля «ужичества» и усыновления, которое, как известно, не всегда (и особенно усыновление) совершаются с целью брачной жизни. Такая связь обуславливается скорее социальным рефлексом общест-венности, одна из сторон которой лежит в коллективной помощи и другая—желании видеть свое хозяйство в целости в будущем.

Третья форма заключения брака, это — умыкание. Оно происходит при двух обстоятельствах. Первое — если жениху последовал отказ со стороны родителей невесты и второе — без какого-бы то ни было ведома родителей. Родные невесты устраивают погоню и часто возвращают девушку. Если жених не отказывается от нее, то должен платить калым, а невеста получает часть приданного. Калым женихом уплачивается и в том случае, если невеста, будучи увезена насильно, сама возвращается в свой род. Ее возвращение считается хорошим поступком и одобряется родными. Если же она не возвра-щается в род, то в приданном ей отказывают. Невесту можно вернуть и похитить обратно в свой род через год и более, словом до того времени, пока у нее от сожительства с лицом, похитившим ее, не появляется ребенок. Мужчина должен в таком случае платить родителям жены калым, хотя и в меньшем размере. Брак путем похищения в наши дни встре-чается весьма часто. Обычно перед похищением жених доби-вается согласия девушки.

Четвертая форма брака, хотя и мало распространена, но все же существует. Она заключается в стоворе двух отцов, происходящих из разных родов, перед родами своих жен, о женитьбе их детей. Также могут стовориться и их жены, а мужья никогда им не препятствуют. Обычно стовариваю-щиеся не знают, у кого из них будет сын или дочь, или будут у обоих мальчики или девочки. Если родились у обоих мальчики или девочки, стовор не приводит ни к каким обязательствам. Отец, у которого родился мальчик, вносит в виде калыма родителям девочки 1 или 4 быков-олений (смотря по его состоянию). Этот калым считается собствен-ностью невесты и она с 8—10 лет, разъезжая на своих саних,

телям дополнительный калым. Если же она решается уходить от мужа, то последний в праве не давать ей этих быков, но если первым уходит муж, то быки переходят в собственность жены. Форма такого бракосочетания также сохранилась и в сказках.

Наконец, весьма широко распространена форма многоженства. Женщина-же лишена этих прав. Первая жена второбрачника может оставаться у него, но уже не на правах жены, а бабушки. Она обслуживает новой жене (tatuksi), присматривает за ее детьми и все это переносит покорно. Ведь часто является такая жена сама второбрачницей и старухой. Раньше богатый Самоед имел три и четыре жены. Теперь встречаются лишь двоеженцы.

Семейная жизнь и положение женщины.

Жизнь семьи пестра, извилиста в свете бытовых переживаний и интересов отдельных лиц и она достойна внимания писателей. Мы попытаемся здесь подчеркнуть трудовые и магические элементы в жизни и быту Самоедов.

Родители и другие члены семьи весьма рады появлению ребенка. Рождение ребенка особо ничем не подчеркивается, но если соседи начинают приставать к отцу ребенка, он ставит им 2—3 бутылка вина и вместе с ними сам угощается. Даже для матери ребенка, которая обычно в это время помещается в особом чуме, одна из женщин несет чарку вина. И мужчины, и женщины хотят иметь мальчика, но если родится девочка, относятся к ней также хорошо. Как родится ребенок, ему дают имя. Самоеды в большинстве дают детям свои имена, хотя и считаются православными. Имена у Самоедов самые разнообразные и даются они по всякому поводу. Лепехин¹⁾ приводит такие имена, как Вошь, Кабан, Май, Сентябрь и др. Нами записаны еще и такие имена: Комар, Чайка, Камень, Ерш, Лебедь, Гусь, Буран, Мороз, Орел, Жертва, Красный, Кривой, Теленок, Сани, Бык, Нож, Сахар, Лошадь, Пожар, Огонь. Все эти имена даны в связи с каким-нибудь событием или явлением, происходившим или случившимся во время рождения ребенка. Так имя Лебедь дано потому, что отец ребенка впервые в том году в тундре заметил весною лебедя. Камень (ра, рё) дано потому, что мать его родила около сопки в поисках оленей. Имя Гусь (japto, jerpto) дано потому, что он родился тогда, когда его отцу удалось загоним поймать много линных гусей. Имя Лошадь оттого, что оба—и отец, и мать перед его рождением видели во сне лошадь. Имя Ерш (ġag) дано потому, что бабушке-повитухе показалось, что ребенок был похож на ерша, и т. д.

При родах участие старших женщин и особых повитух

дают роженице разные зелья, травки и окуривают ее тамом от можжевельника и пр. Ребенка моют теплой водой. Если родилась девочка, ее выносят из чума на улицу и там оставляют на несколько минут. Какой обычай соответствовал реально в древности этому весьма интересному пережитку—трудно судить. За ребенком Самоедки ухаживают весьма внимательно. Отец ребенка делает для него люльку—деревянный или берестяной (в 2—3 ряда) коробок, длиною не более $\frac{3}{4}$ метра, шириною $\frac{1}{2}$ метра, с невысокими краями, к которым прикрепляется одеяльце из пыжика. В люльку вместо постельки кладут высушенный белый мох и после загризения его выбрасывают.

Мать Самоедка кормит своего ребенка грудью более 1 года, иногда и до 2-х лет. Перфильев говорит, что на о. Колгуеве Самоедки не дают пить ему даже водицы, говоря, «мяса не ест, так и пить не хочет»²⁾.

Уже на третьем году начинают подкармливать ребенка сырым оленьим мясом и хлебом. Ребенка кормят обычно, как он заплачет. Сухой мох в люльке весьма по-нашему гигиеничен, т. к. он не дает запревать телу ребенка. В чуме люльку с ребенком Самоедки носят на руках, а на воздухе люлька привязывается за спину.

Уже с 6—7 лет детей приучают править оленями и ловить их арканом. С десяти лет мальчики могут пасти целые стада оленей и силками и капканами они ловят куропаток и ипую дичь, и зверьков. С 13—15 лет дети становятся настоящими работниками в семье.

В добрачном возрасте, парни и девушки, принадлежащие к разным родам, никогда не говорят друг с другом. Между ними не бывает также никаких совместных увеселений, гуляний. При встрече девушка не должна на него смотреть. В вынужденном разговоре она отвечает отрывочными словами, опустив голову³⁾. Но если этот парень поженится на одной из ее сестер, она при нем уже держит себя свободно. Дети же двух семейств, но происходящие из одного рода, могут вместе беседовать, работать и ночевать. Вообще же молодые люди не могут при людях с девушками ни шутить, ни пове-

³⁾ И замужние женщины закрывают свои лица от мужчин. Замужняя женщина закрывается от старшего деверя в течение 3-х лет.

селиться. Малейшее прикосновение к девушке при людях осуждается старшими. Иногда сами девушки судятся с парнями перед родовым судом. Виновные парни подвергаются выговору и вынуждаются просить прощения у девушек, путем передачи через лиц из судебного состава подарка—платка или 3—5 ф. сахару, кренделей, или масла, или пшена. Девушка не должна отказываться от этой платы. Однако, отношение к женщине у Самоедов этим не ограничивается. Забере-

Рис. 4.

Самоедки в Институте Народов Севера.

меневшая до замужества женщина в своем роде считается преступницей и на ней мужчины, живущие в другом роде, избегают жениться. В этом случае Самоеды полагают, что она может быть соплась с мужчинами из своего рода и, нарушив установленную родом традицию, подверглась кровозмешению. Мужская половина в ее семье должна принести в жертву оленя и очиститься через дым можжевельника.

Она может выйти замуж в род своего мужа или в третий род. Она также может вернуться в свой род, но выйти замуж в своем роде ей запрещено.

После зрелого возраста женщина терпит ряд ограничений. Так, она не должна появляться при мужчинах с босыми ногами. Ей нельзя переступать через веревку, нитки, домашние вещи, через сани и даже через дерево лежащее на боку. При менструации, как и при родах, она считается нечистой. Женщине нельзя ходить по сопкам; нельзя подходить к идолам и на капище богов. Запрещено участвовать (кроме колдувы) при жертвоприношении. Нельзя ей есть медвежье мясо, нельзя шагать через костер, нельзя переступить «синикуй», нельзя топтать или садиться на шкурки со лба оленя, на шкуру медведя, волка, лисицы и песца. Мужчина, встречая в пути женщину, откладывает свою поездку и возвращается домой. Таких запретов уйма и нами далеко они не исчерпаны.

При родах она должна жить в особом чуме или родить на улице. Если роды происходят в жилом чуме, мужчины должны его покинуть до того момента, пока чум не будет освящен. Освящение чума производится таким образом: обычно пожилая женщина берет железный лист и кладет на него кусочки бобровой шерсти, кишку жертвенного оленя, можжевельник. Все это сжигается и пока горят эти вещи, дымом окуриваются чум и роженица. Кроме того можжевельник особо подбрасывается на костер в чуме. Дымом из такого состава окуривают роженицу в течение недели. Окуриваются еще и сани, и олень. Перед отправкой на новое место сама роженица еще раз окуривает и свои сани и запряженных оленей. На женщину ложится с ранних лет всякая домашняя работа. Они часто делают сани для езды, умеют работать и обращаться с топором и ножом не хуже, а некоторые лучше, чем мужчины. Женщина шьет одежду и обувь, достает дрова, разводит костер и варит обед, печет хлеб, стирает, хранит съестные припасы и продукты (солёные впрок, копчение рыбы, мяса), ухаживает за детьми. Помогает мужчинам при отборке оленей для запряжки, делает арканы. При кочевании ей же приходится разбирать чум и ставить его на новой стоянке. Женщина в свободное время охотится на куропаток, стреляя не хуже мужчин. Она же ставит и силки, обучая в то же время этому делу своих детей.

чает он своим детям и женщинам. Еще в 18 веке было отмечено, что мужчины-Самоеды очень ловко умели отказываться от выполнения других работ кроме охоты, ссылаясь на то, «чтобы руки оттого не тряслись и в поспешности испрошенного стреляния поменательства-б не сделалось»³⁾.

В жизни супругов бывают и измены с обеих сторон. Если дело не кончается разводом, то изменившую жену, муж крепко наказывает — морит голодом, бьет и стегает ремнем. Лицо, обольстившее чужую жену, также карается обиженным мужем. Последний при встрече останавливает обольстителя и отбирает у него 1—2 оленей, не спрашивая его. Тот, сознавая свою вину, не решается особенно спорить. (Малозем. тундра). Все исследователи, обратившие внимание на семейные взаимоотношения Самоедов, отмечают, что мужчины более ревнивы, чем женщины, что мужчины весьма необходимы со своими женами, что женщина - Самоедка в семейном быту бесправна, принижена и опутана сетями традиции, и в разделении труда она несет огромную заботу и выполняет уйму работ, которых не хочет знать мужчина и мало ценит труженицу.

Обращает внимание положение женщины с юридической и экономической стороны. Женщина в роде мужа может выйти замуж, кроме ранее перечисленных лиц, за братьев и двоюродных братьев мужа и за всех других мужчин, принадлежащих к роду мужа. Она может выйти также за любого из пасынков. Она также может вернуться в свой род по собственному желанию и после смерти мужа, но выйти замуж в своем роде ей строго запрещено, как запрещено жениться в своем роде и мужчине; она может выйти в новый род.

Экономически женщина кажется свободной, но существует и некоторое ограничение. И это ограничение, пожалуй, обоюдное для мужчины и женщины. Если муж бросает жену и женится на другой женщине, жена свободно располагает приданым. Муж данного им ее родителям калыма просить не в праве. При разрыве, последовавшем со стороны жены, если от нее остались дети, муж вправе не возвращать ей приданого, но он также не получает калыма, данного ее родителям. Женщина, остающаяся с мужем, старых оленей, числящихся за ней, как приданое, отдает мужу на убой, а взамен от него получает других оленей, которые (и приплод) является ее собственностью.

ходят его детям, если детей—нет, то жене. Такая вдова (sogo—ne; вдовец—sogo) всегда находит мужей и скорее, чем девушки, живущие при родителях. Если лицо имело двух жен, то его дети, после его смерти, от первой и второй жены делят оленей поровну. Матери также сохраняют за собою свои приданные олени. Если женщина - вдова выходит замуж в род мужа, тогда жених не платит калыма (хотя бы ее детям). Но она везет с собою свое приданное. При вторичном выходе в брак через прежний род, мужчина платит ее родителям калым и она от родителей получает также добавочное приданное. Если он не платит калыма, женщина также выйдет за него без приданного.

В чуме при совместной жизни с родителями, братьями и сестрами молодожены живут дружно, и сообща выполняют работу. Но последовавший брак других братьев уже вызывает ссоры. Происходит раздел. Каждый сын обзаводится своим чумом. Отец наделяет каждого определенным количеством голов оленей. Если в стаде отца много (1.000—1.500) оленей, сыновья получают до 500 и более голов. У оленеводов принято в целях удобства разбивать большое стадо на группы по 500 и 600 голов. Иногда такую группу пасут сыновья. Отделяясь от отца, они часто получают в свое пользование пасенную ими группу оленей.

Единственный сын уживается с отцом и наследует все стадо. Но разделы бывают также и между ними. Оставаясь у отца, он должен его и его семью содержать. Он становится хозяином, но советами отца он не должен пренебрегать. Мачеха также часто остается на всю жизнь у пасынков и те обязаны ее содержать.

С в а д ь б а.

Внешнее оформление свадьбы в каждом отдельном случае может быть несколько иным и, например, свадьба и обычаи в Малоземельской тундре иные, чем в Б. З. Т., а в Обдорском районе еще больше особенностей. Поэтому, мы здесь отмечаем весьма немного из обрядов, которые, главным образом, относятся к Самоедам Б. З. Т.

Девушку выдают от 16—18 лет, но часто также в 14 л. возраста: и есть девушки, которые вступают в брак после 20 и 25 лет. Также колеблется возраст брачующихся мужчин. В брак можно вступать 3—4 и более раз.

Если у жениха (пану) и невесты (mejeiko; katty Енис. Сам.) нет ни родителей, ни родных, они женятся по взаимному сговору без калыма, приданого и соблюдения иных обрядов.

Имея интерес к браку (ḡōḡu) жених сначала сообщает об этом своим родителям. Отец жениха приглашает своих братьев и соседей на совещание. На нем выбирается желаемая невеста и намечается сумма калыма. Тогда же намечается сват (ḡōv) или сваха ḡōv-ñe), которым поручается вести переговоры с родителями невесты. Форма подарков—красное сукно, из которого можно сшить покрой для малицы, шкура лисицы и песца. Подойдя к дверям жилища, сват открывает ее и подбрасывает один из подарков в чум. Изнутри двери придерживаются родными невесты. Если подарок не понравился, то его выбрасывают обратно на улицу. Сват проталкивает другой подарок. Если не принят и третий подарок, сват или возвращается к жениху и там снова устраивается совещание, или, если были намечены на первом совете другие девушки, он отправляется к ним. Если подарок принят, свата впускают в чум и угощают. Подарок, состоящий из сукна, режется на куски на глазах свата и раздается членам семьи. Если же

ее отца. Уже с момента угощения начинается разговор о возможности брака. Отец невесты приглашает также своих братьев и соседей. Весь разговор вертится вокруг калыма и приданого.

Размер калыма в зависимости от экономической обеспеченности той или иной семьи колеблется. А. В. Куронтев в калыме видит стоимость невесты и говорит, что в Канинской тундре средняя цена за невесту 8 оленей, — в Тиманской и Малоземельской—10—12 оленей, а в Б. З. Т.—12—15 оленей ¹⁾. Но в Б. З. Т. дают и до 50 оленей.

Выгода толкает отца жениха искать невесту у более или менее равно обеспеченного соседа Самоеда. В состав 50 голов калыма входят обычно до 20 быков, 10 важенок, остальное—молодые олени и телята.

В свою очередь богатая невеста везет целый новый чум ²⁾ (mja) и всю обстановку, как-то: постель, одеяло, подушки, котлы, чашки, чайники, железный лист под костер. Для мужа она должна привести пшмы, малицу, до 10 п. муки, 5—8 туш мяса оленины, чаю до 1 килогр., сахару до 8 килогр. масла до 8 килогр. и кренделей до 16 килогр. (1 пуд). Затем, почти ежегодно, до зрелого возраста детей, невеста-жена совершает разъезды по родным братьям отца и получает разные подарки.

Если же жених не мог заплатить калыма, то он должен впоследствии отрабатывать у тестя от 1 до 3 лет. Если же уплата калыма была произведена полностью, то некоторые зятья, оставаясь у тестя, работают у него, как полноправные члены семьи и взаимоотношения между тестем и зятем складываются по лучшему, без ссор, что часто не бывает при прямой отработке за калым. А. Воронов говорит о Самоедах Томской губернии, что только заключение договора о калыме дает жениху право начать брачное сожитие и что только после уплаты всего калыма муж имеет право требовать от жены о переходе ее в его чум и вести ее приданое ²⁾. Это верно и по отношению Самоедов Больше-земельской тундры.

Жених и невеста во время свадьбы не принимают обычно никакого участия ни в подготовке к встрече друг друга, ни гостей. Исключены также подарки друг другу. Жених после пира оставаясь в жилище невесты ночует отдельно. Отправляясь

в чуме жениха, невеста не заботится о приданом. Все за нее делается ее родными. В чуме жениха невесту встречает его мать, которая в первую ночь стелет для нее и сына постель и укладывает их спать. Только со второго дня, невеста вступает уже в хозяйство. Она варит обед, кипятит чай, производит уборку в жилище, а вечером стелет постель. На свадьбу приглашается также шаман. Он угощается, а затем шаманит, вызывая духов, которые должны через него предсказать о будущей жизни жениха и невесты.

Особого веселья на свадьбе нет. Невеста не причитывает. Она наравне с другими угощается. Часто во время угощения удалые из гостей занимают всех рассказыванием сказок. После каждой сказки врывается веселье от общего разговора.

Многие еще при первом рассказе засыпают. Но поют и песни. Приведу одну песню, в которой восхваляется отец жениха отцом невесты:

С Павлом-хозяином
У нас две головы,
Но сердце (чувство) одно.
На земле мы никого не боимся.
Одного боимся—
Высокого бога (нума).
Другого боимся—
Подземного вора:
Смерти боимся.
Кроме них,
Никого не боимся.

Бывает и пляска. Летом она переносится на улицу.

При мужчинах обычно женщинам петь нельзя, но на свадьбе, когда все пьянеют в пляске и пении не отстают и женщины.

Кастрен указывает еще на игру девушек в прятке мужской шапки и на то, что во время пира, если сходятся там враждующие лица, они в пьяном виде мстят друг другу³⁾.

Многими авторами отмечены и такие моменты, относящиеся к свадьбе. Тот же Кастрен пишет, что новобрачным в чуме невесты дается сердце оленя—символ прочного брака. Когда пьют вино, жених получает первый бокал вина не от тестя, а через своего свата. Жених, приезжая за невестой не

врывается в чум. Перфильев сообщает, что на Колгуеве во время свадьбы происходит стрельба и гонки на оленях. В чумы приглашаются все соседи жениха, если же пируют у невесты — соседи невесты. Жених к свадьбе ставит 3—4 чума для гостей и себе с невестой⁴⁾. Существует обычай выхватывать невесту с саней: кто вытащит, тот ее целует. Поэтому, когда невеста садится в сани, родители крепко привязывают ее к саням.

Отправляясь к жениху невеста сама не управляет оленями, а мать жениха. Она же около чума своего сына снимает с нее покровы и вводит ее в чум.

Существует еще много других поверий, связанных со свадьбой у Б. З. Самоедов. Так, невеста по своей нужде не может слезть с саней, а должна терпеть до приезда в чум жениха. Если в пути (к невесте, или уже к чуму жениха) что либо сорвется, или происходит поломка саней, это считается признаком несчастья и перед тем, как отправляться, внимательно осматривают и сани, и упряжь.

У Самоедов свадьба большей частью приурочивается к зиме. Летом браки заключаются значительно реже. Самоеды объясняют это тем, что зимою как будто-бы меньше работы и больше времени можно пировать и передвижения зимою легче устраивать.

В процессе соприкосновения Самоедов с Зырянами, Остяками и Русскими происходит скрещивание. Многие Самоеды женаты на Зырянках-ижемках, на Остячках и на русских женщинах. Но такие браки происходят большей частью в оседлых местностях — Колве, Обдорске, Пустозерске и др. На Самоедках Русские женятся очень редко, чаще Зыряне и еще чаще Остяки.

Магия.

(Следы магических запретов).

Хозяйственная деятельность Самоедов протекает с отдаленнейших времен в рамках определенной географической среды, вернее на базе экономики субарктической зоны и сочетается с конкретным отношением, как к материалу, так и к процессу использования его. Эта примитивно-производственная деятельность формировала и самих аборигенов, их мышление, которое из века в век фиксировало конкретную обстановку—флору и фауну Севера.

В этом смысле мир фауны негативно отразил и самого человека с его примитивной техникой, с его приспособляемостью, нежели его активное наступательное преодоление окружающей природной обстановки. Отсюда—отступления, отсюда—беспомощность, отсюда—наделение зверей, птиц и рыб качеством подчас более сильным, чем сам человек. И отсюда—магия, как элемент, облегчающий процесс приспособления человека к среде и отсюда же—запреты (табу),—раскрывающие первобытную форму деятельности в борьбе за существование. Эти запреты, по мере того, как Самоедам удается преодолеть того или иного зверя, птицу, ослабляются. Недозволенное становится доступным, дозволенным, отвоеванным. Но прежний процесс мышления еще недостаточно фиксирует то или иное достижение. Старое мышление вытесняется лишь после многих повторных конкретных успехов. Все это мы видим на примере Самоедов и из их отношения к представителям фауны севера. *Медведь* в представлении самоедов не есть бог, дух или тотемный предок. Он читается, как сильнейший представитель фауны, который Самоеду стал попадаться чаще, как последний приобрел ружье. Именно потому, что он сильный зверь, и потому, что в одиночку при встрече

Об этом свидетельствует двойное название медведя у Б. З. Самоедов. Первое название (wark) более древнее и так называют его только при присяге или клятве, а другое название— (xebid'e) более позднего происхождения, и этим именем медведя может называть всякий Самоед в любое время. На шкуру медведя нельзя ложиться. Шренк сообщает, что даже клочек волос от белого медведя нельзя трогать, — иначе грозит Самоеду несчастье¹⁾. Мясо медведя в пищу стали употреблять только в последнее столетие. Женщинам и теперь оно запрещено есть.

Волк (sarnik), *лиса* (t'one), *песец* (poio), *заяц* (hawo)—создания чорта. Шкуру волка нельзя класть под постель и нельзя на нее ложиться. Женщине запрещено класть под себя шкуры лисицы и песца. Зайца стали употреблять в пищу после того, как Нум очистил его. Он был (по легенде) бойким зверем и поедал даже оленей и всякую падаль. Он по предложению чорта должен был залезть на небо и украсть у Нума одну рукавицу. Зайцу удалось подняться на небо и он уже возвращался с рукавицей в зубах. Нум заметил и ударил по животу этой рукавицей. Заяц упал на землю и у него появились два новые ребра. От того, что он долго падал, испугался и с тех пор стал самым трусливым из всех зверей. С тех пор людям стало возможным употреблять его в пищу.

Собаки (wobiko) первоначально была голая. Нум поставил ее караулить первых людей. Пришел к ней чорт в образе человека и сказал: «я дам тебе шубу,пусти меня к людям». Собака озябла и попросила дать ей шубу²⁾. Отсюда то отношение к собаке, что ее язык чистый, мясо ее можно есть, а шерсть поганая. Если собака лижет руку, посуду—не опасно, но хватать ее за шерсть не следует, или если гладить ее, то необходимо вытереть руку обо-что-либо.

Кошку—узнали Б. З. Самоеды через Русских. Но считают, что ее создал также чорт. У кошки шерсть не поганая, но—язык. Самоеды называют ее русским термином «хоска».

Олень (ty, tō; ote, ate-Остяко-Сам)—создание Нума. Олень идет в пищу, его шкура—на одежду. Кишки оленя, как амулет сжигаются и дымом окуривают чум, после родов женщины и после похорон умершего человека. При убое нельзя рубить голову через крайний позвонок это приведет к гибели

ивные стадо будет разбегаться. Олень чахнет—болезнь, неудача личная или в стаде. Чихающего оленя бьют Самоеды палкой³). Женщинам запрещено чистить шкурки со лба оленя, а также пришивать ими подошву к женской обуви. Кастрен сообщает, что на свадьбе новобрачным дают съесть сердце оленя⁴), что означает символ счастья.

Гагара (шшэ) по представлению Самоедов некогда была человеком, и что она теперь, как люди, из трех снесенных ею яиц, одно бросает в воду. Самоеды думают, что она таким образом приносит жертву водяному духу, чтобы последний разрешил ей ловить рыбу. Гагара и гачььи яйца Самоедами съедаются, а мясо же они едят при нужде. Раньше Самоеды совсем не ели мяса гагар и гач.

Чайку и турупанов (хабъ) также не едят. Чайку запрещено убивать. Чайка предсказывает погоду. Она, по мнению Самоедов, всегда летает против ветра. Куда она глядит, оттуда и ветер дует.

Кукушка (ху'и) некогда была красивой женщиной. Она имела двух дочерей. Раз она сидела и шила платье, и проглотила наперсток. У дочерей попросила пить, но воды в чуме не было. Дочери побежали за водой на реку, но по дороге стали играть и забыли про несчастье своей матери. Она рассердилась на них, превратилась в птицу и улетела из дому. С тех пор она стала кукушкой и не любит детей. Свои яйца бросает в чужие гнезда, как и куда успеет. Другая вариация этого сказания такова, что кукушка, будучи женщиной, проглотила наперсток и умерла. Дети ее не пожалели. Но духи взяли ее тело на луну и там оживили. Оттуда она прилетала птицей—кукушкой. Наперсток у нее все-таки остался в горле, т. е. (по рассказу Самоеда Ядне) «она и теперь говорит, как человек, но наперсток мешает. Оттого и коротки и непонятны ее слова». Кукушку убивать нельзя. Увидеть кукушку—перед худым. Если два человека ее видят—один из них скоро умрет.

Воробей (юшиг) и *паук* (пібеса)—создания чорта. Они были духами и говорили, как люди. Паук живет на кладбищах и собирает волосы с мертвецов и из злых волос тклет паутину. Сохранился еще и такой рассказик: «воробей сказал пауку: «мертвые ожили-бы». Паук ответил: «если мертвый оживет, то (из чего) я буду плести». Их убивать нельзя.

Орла (Gimbi), совы и ястреба и других приморских и тундровых птичек также нельзя убивать.

Кырыска (kijaw)—питается тундровыми мышами и падалью. Она умеет и плеваться, как человек и поэтому Самоеды считают, что в прошлом она была женщиной и злой колдуньей. Ее за это наказал Нум. Убивать ее нельзя.

Ворона, ворону и сороку (xagho, gaha, sawhe) убивать также нельзя. Все они колдуны. Колдуют ружье. Их может убивать человек, который готовится стать шаманом. Воронье сердце он съедает и после этого ему становится понятным язык зверей и птиц.

На Новой Земле залет всякой степной птицы или птицы ранее неизвестной Самоедам—воспринимается, как признак несчастья.

У Самоедов существует предубеждение, запрет, по которому нельзя вообще осматривать раны на трупах добытых зверей и птиц: плохой улов в будущем. Но рану на трупе волка осматривают и на нее плюют ⁶⁾.

Самоеды объясняют этот прием тем, что плевок «злым сердцем» может заразить труп, и другие волки, нападая на него, также заразятся и умрут. О волке, как о страшном вредителе оленьих стад, мы уже говорили. Тем понятнее для нас становится значение *слюны*, как магического средства борьбы против опасных зверей.

Щука имеет два названия—*ругег* (rugē) и *šatugei* (иносказ: «кусач»). Под первым именем нам известен маленький род Самоедов—Пырерко. Но это название не тотемное, а дано им по другой причине. Щуку создал чорт. Щука жила раньше в море и была размером и видом, как морж. Щука плотала людей. С нею вел борьбу бог грома—*хеһе* и стрелял в нее из лука. Концы стрел оставались в ее теле, это—вылообразные кости, которые и теперь имеются у каждой щуки. *Хеһе* победил щуку, а Нум разрешил ее употреблять людям в пищу. Щучьи зубы служат амулетом у Самоедских знахарей и шаманов. Хотя, почти совершенно сходные предания о щуке сохранились у Зырян и Остяков, но, тем не менее, мы не решаемся утверждать о заимствовании той или иной стороной ⁶⁾.

Налим (noje)—создание чорта. Налим был обжорой и съедал всех, кого встречал и ростом был огромного размера. Нум его уменьшил и во рту на его язык ткнул копьём, и

Рычи (tyrzi) — рыба, создание которой также приписывается чорту. Самоеды ее в пищу не употребляют.

Камбалла (pelha) — также создание чорта. Хече, также, как и нажима, усмирил ее стрелами и после этого люди стали ее почитать.

Во время оды, рыбы кости собираются в кучу, это дает удачу в ловле на будущее время. Разбросать кости — неудача.

Характерно, что деревья не играют такой роли, как одушевленные предметы. Нет у них о происхождении деревьев особых преданий, ни особого почета или наделения их магической заразительностью. Из дерева и камня делаются божки, но тут играет роль не дерево, а лишь его ярко-бросающиеся на глаза признаки. Дерево должно выделяться своей вычурностью, косматостью, толщиной. Камень выделяется остроконечностью формы, цветом, блеском, а также шаровидностью. Шаман, когда выбирает дерево для бубна, он видит его во сне и ищет его годами, независимо от того сосна-ли это, ель, кедр или береза. Он должен найти именно сродный контур дерева, виденного им во сне. Чучело в виде волка на отвод стаи волков в другое место, делается из кедрового дерева, потому что кедр является твердым деревом.

Магия.

(Приметы, сны, лечение болезни).

Из другого ряда тех или иных сформированных представлений, корнящихся в повседневном быту Самоедов, мы выделяем приметы и сны. Они по существу могут быть отнесены в область тех же запретов, являющихся или обладающих всеми признаками магии. Всякий запрет, приснившийся сон, примета, которые человека в нормальном его состоянии сдерживают от тех или иных поступков или толкают его совершить что-либо, включают в себе два элемента — положительный и отрицательный. Положительное заключается в свою очередь в том, что всякий запрет направлен в пользу одного человека или коллектива; отрицательный момент в запрете тот, что он нарушает и изменяет направление или интересы запретного объекта. Сны и приметы обладают теми же признаками, что и запреты на зверей, птиц, рыб. Разница возможна лишь такая, что магическое у них (приметы, сны) выражено в более пассивной форме, хотя заразительность (и самом сходстве и противоречии, во взаимных связях объекта и субъекта) бывает часто более эффективна, чем при прямых запретах. Приметы и сны, это — посредники, облегчающие примитивному человеку принять то или иное решение в процессе борьбы с различного рода духами, злыми людьми, животными, сезонными атмосферными явлениями. Сны и приметы также облегчают разгадать планы противника, избавляют от возможных невзгод и лишений, в которых человек может очутиться в последующее время. Поэтому, сны и приметы в известной мере заставляют человека думать о будущей судьбе: мысли примитивного человека забегают таким образом вперед и этот полет мыслей дает человеку возможность конкретизировать свои желания и поступки. Приметы в своей части являются зачатками науки и приближаются к ней тем ближе,

Приметы и сны, записанные нами у Самоедов, повидимому, стоят в связи с указанными замечаниями. *Приметы*

1. Воробей, купаясь, наклоняется на север—холод; на юг—дождь и тепло.
2. Чайка. Куда глядит—оттуда ветер.
3. Нос чешется—слезы.
4. Ладонь чешется—подарок.
5. Левая башка*) болит—вспоминают по худому.
6. Правая башка болит—вспоминают по хорошему.
7. Вечером свистеть губами нельзя—злые духи ходят и нападут.
8. При еде нельзя качать ногами—бадняком будешь.
9. После еды нельзя растягиваться—пищей черт наестся, а человек опять поесть захочет.
10. В левом ухе шум, свист или звон—перед покойником.
11. Звон в правом ухе—хорошие вести.
12. Ресницы чешутся—встреча со знакомым человеком.
13. Из двух кусков хлеба (мяса) есть—родня голодает.
14. Через брусок нельзя шагать—моча будет выделяться и гонять во двор.
15. Ярко-белый цвет облаков—к холодной погоде.
16. Красный цвет облаков—к теплу.
17. У заката солнца облачко—будет плохая погода, ветер.
18. Чистое небо на горизонте у заката—к хорошей погоде.
19. На костре дерево пишиг (от сырости Г. С.)—плохое в стаде.
- Костер отгораживается со стороны дверей поленом.
21. Писк в дровах утром—непредвиденная перекочевка на новое место.
20. Писк в дровах вечером—волки в стаде будут.
22. В желудке „урчит“—глиста появилась.
23. Блоха родится в песке.
24. Вши живут и рождаются в теле человека и вместе с потом выходят на одежду.
25. Замазаться кровью оленя—к несчастью.
26. Разбить чашку, тарелку—гроза, буря.
27. Сломать халей при еде—горе.
28. Бубен уронить—неудачи пойдут.
29. Потерять в дороге идола—надо вернуться в чум: несчастье.
30. Звезды (метеорит) падает чаще на землю—пожар.
31. Звезды падают чаще на воду—ветер.
32. Северное сияние любит свистки человека.
33. На пути встретить женщину—несчастье. Мужчина должен вернуться домой.

С н ы.

1. Пожар во сне—неприятность, суд.
2. Снег падает—болезнь.
3. По льду ходить—болезнь.
4. Оленей видеть—густой снег.
5. Воронью лошадь видеть—дождь, тепло.
6. Рыжую лошадь видеть—слабое тепло.
7. Лошадь кусает руку—судиться, судить будут.
8. Олень кусает руку—выиграть дело на суде.
9. Красивая женщина целует—заболеть.
10. Красивый человек целует девушку—болезнь.

12. Идти по вознистой реке — несчастье.
13. Потоп видеть (наводнение) — смерть.
14. Строить новый чум — к беде.
15. Чум разваливается — к беде.
16. Седого старика видеть — к хорошему. Никомай угодник.
17. Волков видеть — сырая погода.
18. Стрелять из ружья — печальная весть, новости.
19. Лису видеть — пожар.
20. Лису поймать — заболеть приеучкой.
21. Стадо гусей видеть — свадьба.
22. Лебедей видеть — свататься ко мне придут.
23. Видеть покойника, похороны — к теплу.
24. Тонуть во сне — стать самостоятельным, свободным. Примета пастухов-работников.
25. Убить человека — удача на охоте.
26. Плакать — обрадоваться перед чем нибудь.
27. Петь — плакать.
28. Вино пить — болезнь.
29. Деньги — болезнь.

Самый процесс высыпания у Самоедов настолько конкретен, что его опи считают, как и Зыряне, за нечто такое, когда человек питается, насыщается. Подобно тому, как Зыряне говорят «un-röt šedödnü, т. е. «добывать сон — питание», в. «высыпаться», так и Самоеды говорят: «ñeñä ma'eš», т. е. «наестся сном». Сон мыслится, как некое питательное средство, как пища. Когда человек спит он как-будто что-то ест. Архаичность такого представления о сне, как о пище, говорит с очевидностью о том, что самоедский и уральские языки стоят еще весьма близко от ступени прямого магически-производственного характера речи, языка и, следовательно, мышления. Однако понятие о сне, как о сновидении уже и в самоедском и в зырянском языке дифференцировалось от сна, как процесса питания. Сон в смысле сновидения по-самоедски — *judañä*; по-зырянски — *vöt*.

Лечение болезни, и представление о ней у Самоедов также весьма примитивны. Так, болезнь «корь» они называют *ñagmög—xadö*, т. е. корь-бабушка. Она сидит в больном человеке. Ей говорят: «корь-бабушка гости, по шибко не давай болеть человеку». Больному дают ягоды, красное вино и, все то, что он просит. Но, Самоеды уверенно думают, что это не больному идет в пользу, а болезнь-бабушка просит. Если не идти навстречу желаниям больного, бабушка рассердится и погубит больного.

Оспу также называют *meñi-xadä*, т. е. оспа-бабушка.

бушкет. Больному дают все-все, что только он может захотеть, хотя желания его на деле весьма ограничены. Он просит белый хлеб, сахар, русское масло, водку. Чтобы умилюстивить холеру-бабушку, семья ставит чум на холме и переносит туда больного. Сами же, кроме того, устраивают специальные обеды на улице и, выпивая, часть водки наливают в пищу и на костер. Больному подают суп, разбавленный вином. Мясо и прочее также заливают при подаче ему вином.

Боги, духи и жертвы.

Говоря словами Н. Харузина, мы могли-бы религию Самоедов охарактеризовать таким образом, что она близка к тому представлению, когда «все явления и предметы видимой природы суть существа человекоподобные, имеющие вместе с тем все страсти, которые господствуют над примитивным человеком» ¹⁾.

Эту мысль богато иллюстрирует в своем труде ²⁾ ученый Лехтисало, путешествовавший среди Самоедов в 1911—12 и 1914 гг.

В Космогонических сказаниях Самоедов нашло представление о происхождении неба, земли, луны, солнца, звезд и также самих богов и духов. Лехтисало пишет: «Самоеды верят, что земля определенно стоит, а небо вертится. На краю земли опускается небосный рубец. Земля имеет семь этажей, таких же 7 небес одно под другим движутся. У моря в устье реки водоворот, где вода уходит под землю, а потом снова возвращается к главному морю и к истокам рек. Звезды суть кудри или волосы на крыше неба. В небо можно попадать через отверстие на солнце» ³⁾.

По понятиям Самоедов вначале, кроме воды, ничего не было, а жил только один великий Нум и еще одна птица. Эта птица была злая, завистливая и впоследствии стала *ча* (Аа) чортом, живущим теперь под водой. По другой версии Нум и—Гылика (чорт) жили все время вместе и одновременно родились. Они появились еще тогда, когда ни земли, ни воды не было, а была только тина, жидкая глина. Бог и чорт родились от женщины, которая жила в этой тине. Одну женщину Б. З. Самоеды называют *јашени-ругутсе*,—подземной старухой. Она живет на второй земле, и выходит оттуда по зову духов, которым, в свою очередь, поручает ее вызвать шаман. Духи шаманские называют ее—*хадёко*—бабушкой.

Самоедки шьют специальное платье и в него окутывают. Когда выросли ее сыновья Нум и Ылика, по ее просьбе Нум создал две земли—белую и красную. Красную землю он подарил своей матери, и она теперь живет на ней.

Нум и Ылика всегда между собою враждовали. «Однажды так заспорили. Ылика говорит: «я сильнее тебя и сумею все делать». Нум сказал: «если, ты силен, создай землю!». Ылика схватил тину. Она просочилась у него сквозь пальцы. Ничего не вышло. Нум взял тину и выжал ее. Вода просочилась, а в руке у него осталась сухая глина. Так вода стала отделяться от земли. Образовалось море и реки, источники, водопады и ручьи. Глина стала сухой землей».

По представлению Колвинских Самоедов, встречаемые теперь в тундре горные речки, водопады, подземные воды и источники все еще выделяются из тины с того момента, как Нум выжал первую горсточку жидкой земли.

Нами записана еще одна версия о Нуме и Ылика. «Все, что создавал Нум, создавал и Ылика, но всегда в два раза больше. Нум рассердился на него и спихнул его с неба. Ылика падал на землю тридцать лет и создал себе вторую землю и там поселился со своей матерью».

Ю. Куселевский ¹⁾ приводит такую вариацию: «Нум сотворил первоначально землю, воды, рыб и птиц, которые и в настоящее время одни только летают к Нуму. После этого Нум сотворил разные растения, животных, наконец сотворил собаку и Самоеда; оба они были голые. Собака стерегла Самоеда от дьявола, который завидовал счастью Самоеда на земле и старался всячески сделать ему большое зло».

Всего земель по представлению Самоедов имеется три. Первая земля та, на которой живут люди, белая земля, вторая—красная, ее создал чорт, а по сказаниям зауральских Самоедов создал Нум и подарил своей матери. Третья земля—темная; на ней живут смерти. Под белой землей лежит красная, под красной—темная. Белая земля стоит на кресте, а прочие две земли ни на чем не стоят и плавают, передвигаются. На мой вопросы «а крест на чем стоит?» получены несколько ответов—1) «не знаю»; 2) «на воде»; 3) «крест привязан длинным невидимым арканом, другой конец которого лежит на небе».

Нум живет на небе, в вышине. Кастрен говорит: «Нум

По нашим расспросам далее выяснилось, что Нум создал определенные ему «по вкусу» приходящие планеты и зверей, как-то солнце, небо, первую (белую) землю, оленя и собаку. Крещеные Самоеды говорят, что Нум создал и ангелов. Чорт создал волка, щуку, ворона, зайца, лису, песцов, медведя, кошку, моржа, звезд и красную землю. Кастрен пишет, что «звезды почитаются частями Нума и называются нумы, т. е. Нуму принадлежащие»⁶⁾

Можно было еще привести ряд противоречивых записей и сообщений у других авторов, касавшихся этого вопроса. Чем же объяснить эти противоречивые сообщения? Ответ будет решающим, если мы допустим, что религия Самоедов покоится на древнейшем укладе представлений о мире космическом, органическом и неорганическом. Мировоззрение Самоедов насквозь анимистическое, одухотворенное. Весь мир окружен безчисленными духами, которые и управляют им, живя в космосе. У самоедов не выработалось даже ясного представления об их собственном происхождении, нет у них зверей или иных тварей—покровителей. До этой стадии (тотемизм) их мышление не дошло. Но в то же время у Самоедов нет еще конкретного представления и о верховных почитателях религии. Они живут в мире фактов, ежедневного опыта, связанного с анимизмом и ее разветвленным видом—магией. Перефразируя мысль, высказанную еще Э. Б. Тэйлором, мы приходим к такому заключению: Самоеды «в мельчайших подробностях окружающего мира видят проявления личной жизни и воли»⁷⁾. Поэтому у них не было надобности абстрагировать и доискиваться предельных понятий—первоначальных почитателей, «создателей» мира и самого человека. Если эта идея о едином творце мира и человека все-же нашла или находит место в мировоззрении у Самоедов, то ее следует скорее признать занесенной через православные мифы о боге, его матери, и русском чорте⁸⁾.

Обращаясь к этимологии термина «нум» мы узнаем, что под этим-же словом фигурируют—«небо», «звезда», «высь», «радуга», «заря». Корень этого слова, ни—«стоять», «стой», «остановиться» показывает, что труд создал антипода человека—нума. Повидимому весь «мир» первоначально выражался словом «ну», которое было одноэлементным и только

протика, труд, деятельность вырабатывали двухэлементные понятия *ниш-гу*—звезда, *ниш-рану*—радуга (=высокий подол, божья одежда) и *ниш-паго*—небо (=божья постель).

Самоедский язык в семантическом разрезе его изучения находится на магическо-производственной стадии и следовательно ступень развития мышления и представления о боге (богах) является весьма примитивной и древнейшей.

Далее мы видим, что Нум сам по себе является существом пассивным.

Но он имеет своих бесчисленных помощников—духов. Ближайший и активнейший помощник это—*хе́хе*—бог молнии, который ведет борьбу со злыми духами. Гром это—шум, когда *хе́хе* едет на санях, запряженных несколькими оленями и стрелает злых духов. Самоеды находят стрелы этого духа. Это—острые ножевидные камни, попадающиеся на берегах рек, сопок, у озера или моря. Злые духи при громе прячутся в дуплах деревьев и б. ч. в воде. Нами записан такой рассказ: однажды Самоед видел, как молния свалила дерево, словно срезав его по середине. Верхняя половина дерева упала далеко в стороне от ствола. Самоед испугался и побежал в чум. Приходит он другой раз и замечает у корня острый камень. Это стрела *хе́хе*. Самоед бережно понес его домой, а затем поставил рядом с капканом у норы песка. На следующий день—увидел, что попался песец. Острый камень стал на его глазах важным, священным, и Самоед обмазал его соломь кровью. Из других духов—феодалов наиболее видными слынут: *рōdōra—jegu*—(=лесной хозяин), обитающий в лесах. Он имеет свою семью,—жен и детей. По рассказам Самоедов, он ворует женщин и детей и преимущественно детей женского пола. Он даже жепат на женщине, которую понес давно-давно, как вихрь. У него имеется много духов-помощников.

Второй дух—*jīd—jegu*—водяной хозяин, злой; он сносится со злыми шаманами и шлет долгие сильные ветры с запада. Он является также главным врагом *хе́хе*, который направляет свои стрелы преимущественно на него, на его духов-помощников и злых шаманов.

Третий дух—*jam-jīd-jegu*—хозяин моря. Самый грозный злой дух. С ним борются Нум и *хе́хе*, но он никогда не выходит на воздух или на землю. Когда он злится на

Saru-jeru—хозяин дождя. Он является помощником Нума и редко-редко сердится на людей.

Ty-jeru—хозяин оленей. Функция этого духа охранять оленей от болезни и тундру от оледенения, бороться с духами—носителями болезни. Он также помощник Нума.

Помощниками-духами у Аа (Гылика) выступают—мелкие духи, которых бесчисленное количество. Они обитают в воздухе и на земле. Сообщение Вепиамива о том, что эти духи делятся на высшие и низшие, добрые и злые, что соответственно этому представляются ввиде белых (высших), зеленых и черных (низшие, злые духи)⁸⁾, нам установить не удалось, но мы допускаем такое сообщение, как возможное представление у Самоедов малозем. тундры. Осколками такого представления, повидимому, являются—и белая, красная и темная (черная) земли, упомянутые нами выше. Из заметных, в эпосе фигурирующих злых духов появляются *sudbe-vösöko*, старик-людоед, который идет также на зов злых шаманов; *vagi-xoga*—дух преследующий пастухов и собак. Он показывается людям б. ч. в образе красного оленя.

Насколько примитивно представление о всяких духах, настолько-же реальна и примитивна борьба с ними выраженная в жертвоприношениях. Для добрых духов Самоеды не только приносят жертву, но передают их реальный образ, который выразился в создании идолов семейных и племенно-родовых. Чтобы умилостивить их, коллективно строят для духов капища. В отношении семейных идолов Кастрен пишет:—«у северных Самоедов всякое семейство имеет бесчисленное множество фетишей, хранимых в особых саях, которые следуют за ними во всех кочевьях. В Томской губернии, как говорят, каждый из Самоедов, придерживающихся еще язычества, имеет своего особенного бога-хранителя и покланяется только ему одному: умрет его поклонник, и кумир почитается умершим и бросается в воду»⁹⁾.

На Ямале Самоеды укрепляют своих фетишей к передку парты¹⁰⁾. Семейные идола хранят в синикуе (передняя часть в чуме против дверей) и время от времени, после удачной охоты, мажут им губы кровью или оленьим жиром. На новой земле сядеев возят на сапях, состоящих из 7 копыльев (на 1 полозе 7, и другом). Семейные идола почти у всех групп Самоедов ставятся к носу сидков лодышек. Тех идолов, если

просил продать у Самоеда свой фетиш, Самоед сам не решаясь развязать с саней. Тогда А. Шренк сам должен был его развязать и взять с собою. А Самоед, выпивая водку, приговаривал, что он не продал его за один стакан водки, а у него его украли ¹¹⁾). Капища устраиваются на скалах, холмах, у озер, рек, на островах и других возвышенных местах. Этих капищ—великое множество. Там вытесаны десятки и сотни каменных идолов. Все капища созданы в честь Хече и Нума. Художник А. А. Борисов видел и передал на полотно племенное капище, лежащее на северо-восточной оконечности о. Вайгача. Вот, что он пишет: «я опрометью бросился осматривать эти интересные места и наткнулся между двух скал на огромную грудку идолов. Она была так велика, что, если-бы потребовалось перевести ее на другое место, пришлось-бы нагрузить 30—40 возов. Кругом божеств, в особенности с западной стороны, лежало множество оленьих черепов с рогами и черепов белого медведя. За несколько шагов от них попадались огромные кучи топоров, ножей, цепей, обломков якорей, очевидно взятых с судов, потерпевших аварии, гарпунов, обломков от ружей и замков, пуль и пр. и пр. Сюда самоеды идут за тысячи верст, чтобы здесь, у подножия жилища властелина полярных пустынь принести в жертву оленя и кровью его окропить святиню» ¹²⁾).

О количестве идолов, имевшихся на родовых или общеплеменных капищах свидетельствуют миссионерские отчеты, из которых видно также хвастовство, что им (миссионерам) удавалось сжигать по 200—300 и более идолов. В 1827 г. на о. Вайгаче ими «сожжено 420 деревянных истуканов со множеством привесок, разноцветных суконных лоскутков, ушей от медных котлов, пуговиц и других украшений. Кроме того сокрушено еще было на Вайгаче 20 каменных идолов» ¹³⁾). Деревянные идолы были воткнуты в землю и имели длину 1 фут. Каменные сядэи имели небольшую толщину и вышину от $\frac{1}{2}$ до 1 метра. «Голова у всех этих идолов сделана была не круглая, а с двух сторон двумя гранками заостренная и сведенная вверх острым концом. На середине грани вырезаны были рот и нос, а на гранях глаза. В середине тела у некоторых, для означения пупа, вбито было по железному гвоздю» ¹⁴⁾). Побывавший на о. Колгуеве за последние годы И. Перфильев сообщает, что там идолы находятся в часов-

Отчасти можно было уже догадаться о характере самой жертвы. Персонально из духов приносятся жертвы: Нуму — белый олень, Ылике — олень или собака, хозяину морей — собака, железные предметы, которые бросаются Самоедами в море. При переезде на Вайгач жертва сопровождается стрельбой. Кровную жертву приносят также ту-диги.

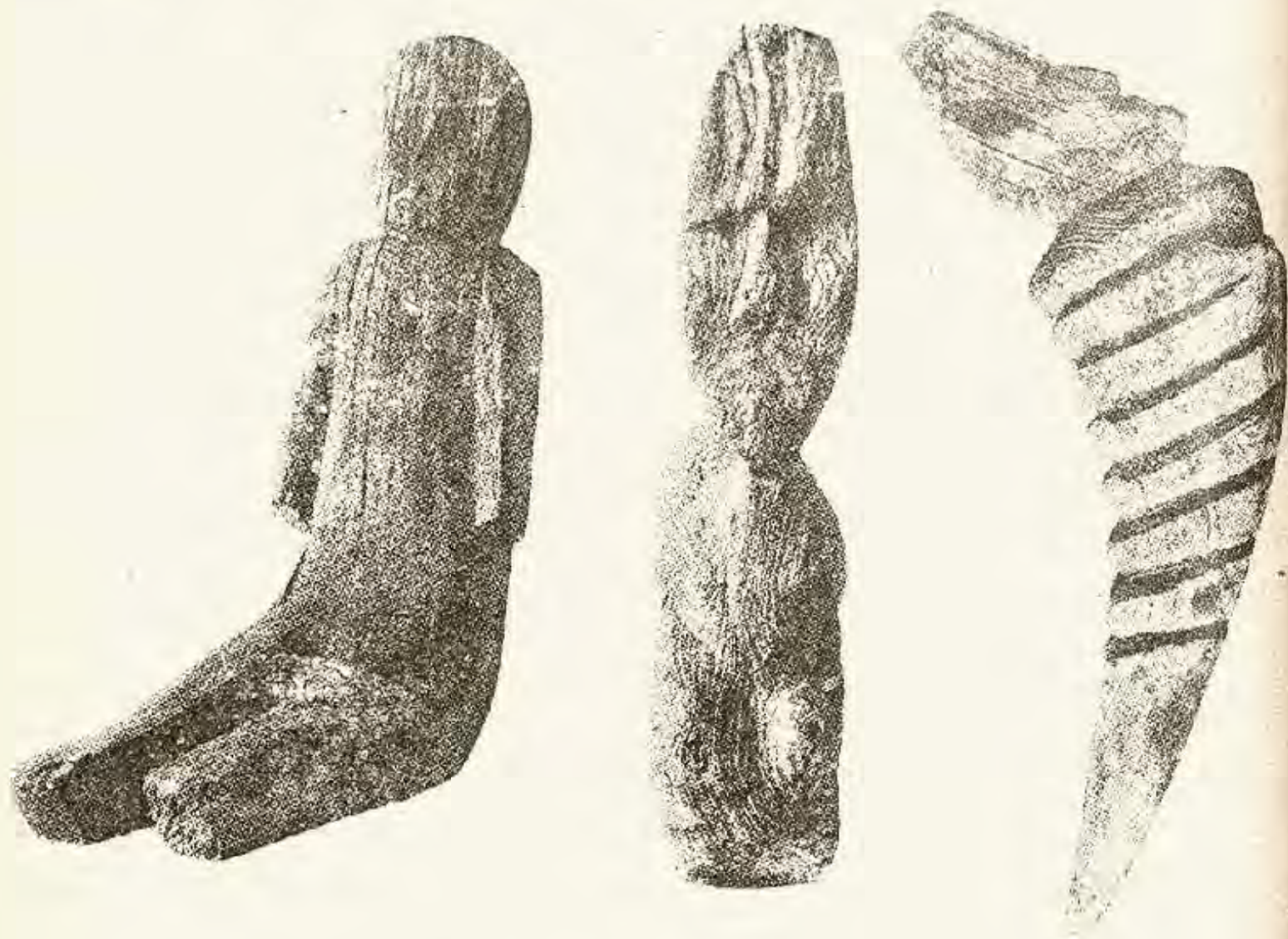

Рис. 5.

Идолы. По В. М. Житкову.

Все другие духи получают цветные ленточки, лоскутки, илочки, бляшки, пуговицы, медные и серебряные деньги и пр. Соответственно приношению, жертву можно делить на большую и малую, или на кровную и безкровную. При кровной жертве почти всегда присутствует шаман. Малая жертва дается каждым Самоедом и Самоедкой отдельно и б. ч. в одиночку. Кровная жертва почти всегда связана с интересами коллек-

Она, таким образом, приносится с целью, чтобы избавиться от нашествия оленей, болезни людей, чтобы прекратилась пурга, или ветер изменил бы свое направление; чтобы в тундре не случилась гололедица, мох не покрылся бы льдом. Если в семье сильно заболевает взрослый человек, также приносятся семьею кровная жертва—олень. Убивают его за чумом, у того места, где лежит больной.

Мясо оленя при всех жертвоприношениях участниками поедается. Голова животного вешается на кол или дерево. Шкуру также часто вывешивают, но оставляют и у подножия сядэев. Кровью оленя каждый участник мажет губы идолов. Когда пьют водку, из горлышка бутылки или чашки, для сядэев выливают несколько капель. При жертвовании морскому духу, убитую собаку целиком бросают в море. Так из века в век из поколения в поколение малокультурные Самоеды ведут «борьбу» с природой и его стихией. Мир космических явлений им далеко еще не понятен, но это не значит, что Самоеды не хотят понять, распознать ее. Они познают ее через магию, частную и коллективную.

Шаманы и шаманство.

Конкретная обстановка, в которой приходится жить Самоедам и примитивный хозяйственно-познавательный процесс этой среды отразились на их предоставлении, как сверхъестественные явления. Но, по мере познавания на практике того или иного предмета или процесса, мир сверхъестественный уступал свое место своему антитезису. Сочетание этих двух форм вылилось в новое представление, такое, когда мир сверхъестественный стал более достигаемым и доступным в своих частях и сами люди также отвели себе определенное место в цепи предметов и явлений, которые уже более не являются вышестоящими, чем сам человек с его трудовой деятельностью.

Полосу, недоступную для познавания, повторяем, заполняет магия, и ее конкретные носители — колдуны и шаманы. Колдуном в той или иной мере у Самоедов может быть каждый человек — мужчина и женщина. Ряд магических запретов, сопровождающих или регламентирующих отношение человека к миру фауны, флоры, болезни и пр. совершаются в отдельности каждым человеком. На долю шамана остается магия коллективная, хотя, конечно, он также выполняет магию отрицательную или табу.

Кастрен пишет, что у Самоедов «делаются тадибеями весьма легко. Искусство это наследственно: *magus non fit, sed nascitur*»¹⁾.

Но шаман наследственно не старается передать свои «знания» членам своей семьи. И даже наследственное предрасположение того или иного индивида не всегда делает его шаманом. Шаманами становятся лица, имеющие кроме психического предрасположения и еще интерес к шаманскому делу, расчет, основанный на том, что они выделятся на

сами более легкого обеспечения себя экономически, что мы и видим у Самоедов. Шаман Ледков из Тильвиски стал именно потому шаманом, что в этой профессии видел «легкую жизнь», и он легко был подкуплен русскими кочевниками и действовал в 1925 году против интересов своих сородичей.

Церемонии, которые содействуют на глазах массы, стать шаманом, тесно связаны с фокусничеством или, как это называет Фрэзер, отрицательной магией (табу). В Б. З. тундре человек, пожелавший стать шаманом, говорит, что ему во сне появились духи, которые просили его стать таковым. Появу это лицо также должно выполнить ряд «необходимых» обрядов, напр.: убивает ворона и когда последний еще конвульсивно поддергивает ногами и телом, будущий шаман съедает его сердце (печень?). Это дает ему возможность понимать язык зверей и птиц. Он также ест ягоды с можжевельника, который Самоедами назван вороньим корнем — ханпи — роу. Дым от сжигания этого деревца, также является атрибутом в том смысле, что будущий шаман глотает его, нюхает, скачет через костер, разведенный из этого дерева. Впоследствии на таком костре он греет свой бубен и колотушки. Другой шаман в течение семи дней питался грибом — мухомором, оленьими кишками и калом. Шаман должен носить длинные волосы, не обрезать ногтей. Один шаман, живущий на Ямале, по рассказам Обдорских Зырян, носил на голове, привязав к своей косе волосы, снятые с покойника. Шаман посит их будто бы с тех пор, как он решил посвятить себя шаманству, тогда же он поселил несколько почей на кладбище колдунов. Вполне возможно, что и косы, которые он носил, были им обрезаны с головы какого-нибудь шамана. О том, что старый шаман перед смертью передает свои знания и силу молодому или ученику, нам это неизвестно, и едва ли существует такой прием на самом деле среди самоедских шаманов. По мнению Самоедов бывают двоякого рода шаманы — добрые и злые, сильные и слабые в смысле возможности выполнения и удовлетворения желаний и просьб массы. Добрые шаманы не умирают, а на старости лет поднимаются на луну, которая является их обиталищем. Злой шаман умирает на земле, перед смертью страшно мучается. «Собственные» духи мучают и терзают его тело. Сильные шаманы могут воскрешать мертвецов. Такие шаманы «летают по воздуху, плавают под водою,

Один колдун Б. З. тундры часто превращался в волка и в щуку. Шаман Иротото (по легенде) превращался в ворона и наблюдал над тунгусским богатырем, похитившим его жену и оленье стадо ³⁾. Шаман слышит и разговор, если речь идет о нем, на каком бы расстоянии не были эти люди, упоминающие о нем. Шаман о. Колгуева, по сообщению студента - этнографа Семерикова, мог слышать то, что о нем говорили, только в ясную погоду. Учащиеся самоедки Ледкова и Талсева отказывались говорить об известных им шаманах по той причине,

Рис. 6.

Шаман и его духи. Б. З. Т. Рис. Ольги Вилка.

что шаманы услышат их разговор и когда встретят этих учащихся, могут им сделать зло или даже убьют. Они же меня уверили, что шаманы слышат разговор, относящийся к ним при любом состоянии погоды. На войне в старину шаманы (они же и богатыри) предводительствовали и воевали в первых рядах. По рассказам их не берет никакая стрела, топор или нож. Стрелы врагов он вылавливал руками и обстреливал ими врагов. Стрела, проходившая сквозь тело шамана не оставляла при ранении никаких следов. Один Колгуевский шаман вызывал наводнение и, всем людям, которые при этом присутствовали, казалось, что они на самом деле тонут и

ваются и поэтому Самоеды охотно исполняют его просьбу, которая заключается б. ч. в принесении жертвы.

Иславин говорит о шаманах, как о лекарях. Они даже вскрывают живот больного. Наросты и чиреи срезают ножом или откусывают зубами ⁶⁾. Шаманы вылечивают больного человека. С него болезнь изгоняется и посылается на волков. В Самоедских легендах часто-часто упоминается о шаманах,

Рис 7.

Шаман с реки Авама и его духи. Рис. Ел. Ямкиной.

которые воскрешали мертвых. Чтобы показать свою ловкость, они специально будто бы убивали человека на глазах толпы, изрубали его на мелкие куски, а потом воскрешали. В одной

Добрые шаманы, повторяем, по мнению Самоедов бессмертны и живут на луне. В одном предании говорится: некий шаман имел двух жен, они обе были также колдуньями. На старости лет шаман решил вместе с женами отправиться на луну. Они запрягли оленей и сели в сани. Олени потащили их на луну. Однако им стало тяжело. Они свисли в воздухе. Ни туда, ни сюда не едут олени. Шаман тогда спросил: «кто одет в старую рубашку»? Одна из жен вспомнила, что на ней была старая рубашка. Шаман рассердился на эту жену и вытолкнул из саней. Она упала на утес и прошла сквозь землю. На утесе образовалось озеро величиною с могилу. У этого озера нет дна. На озере зимою и летом сидит одна утка. Стрелы летят мимо нее и теряются. Утка все там же остается». Называли шамана—Вырер. И скала теперь носит его имя—Вырер-седа, а озеро Вырер-то⁷⁾. Кастрен 80 л. назад на р. Усе (Печора) записал аналогичную легенду с вариациями: 1) что жена, одетая в старое платье, имела детей и сама с охотой вернулась на землю, говоря «лучше мне жить на земле в печали, да со своими детьми», 2) что обе жены и дети были взяты на небо. Но один из сыновей шамана вернулся впоследствии на землю и рассказал Самоедам о многоженстве, оленьих стадах, о прекрасных пастбищах и т. д.⁸⁾.

Легко видеть здесь, насколько конкретна и живуча эта версия о бессмертности шаманов.

На луне, по представлению Самоедов, всегда стоит теплая погода, лето. Шаманы там более не стареют. Все одеты в новую одежду. Никогда не болеют.

Доброго шамана даже самый усталый олень будет везти дальше, а людей нет. Олени знают, кого они везут...

Злые шаманы всегда причиняют людям страдание. Они насылают на людей болезни, даже убивают. Злой шаман ловит часто ту болезнь, которая была изгнана добрым шаманом с больного, и посылает на других. Если добрый шаман сильнее злого, последний сам заражается в момент ловли и умирает. Злой шаман насылает болезни на стада оленей, направляет волков. Колгуевский колдун Ардеев, старик в возрасте 102 лет, не будучи злым, рассердился на оленевода Большакова Прокофия и навел на его стадо волка, который преследовал кочевника повсюду и, несмотря на имевшуюся шведскую винтовку, не был убит. Но шаман умер на земле.

Шаманки—женщины обладают теми-же качествами и способностями, какими мужчины—шаманы. По мнению Самоедов, они также бывают добрые и злые. Шаманки-женщины могут участвовать при жетвоприношениях, что не дозволяется рядовым женщинам⁹).

Приходится подчеркнуть то обстоятельство, что отношение Самоедов к шаману иное, нежели, например, у Остяков. Самоеды не особенно считаются с советами шамана; в его чудодейственную силу верят, но ему, как носителю этих черт не придают большого значения. Если-же то или иное предсказание шамана не «сбывается», то он теряет свой авторитет. Поэтому, всякий шаман имеет свое стадо оленей. Теперешние Самоеды говорят, что сильных шаманов нет или осталось их очень мало. Интересно отметить, что такие ответы получали все другие исследователи, побывавшие не только среди Самоедов, но у Остяков, Тунгусов, Зырян, Вогулов и др. народностей. В данном случае характерен факт «ответа», сходного, как в прошлом, так и в наши дни. Не та же-ли черта сохранилась и среди современных культурных людей, которые говорят о таинственном прошлом и людях совершенно также, как и примитивные Самоеды. В чем же тут дело? Вопрос, повидимому, будет ясен, если сказанное представить в связи с магическими пережитками в мышлении современных культурных наций и их отдельных носителей, которые под давлением социального неравенства ищут спасения в иллюзиях «золотого века» культуры греков, «догосударственного Общества» и пр., пережитых человечеством ступенях культуры, отнюдь на самом деле не «золотой» и «счастливой».

По мнению Самоедов шаман был-бы бессильен что-либо сделать, если-бы ему не помогали духи—*tadébeo*. «Он только толмач мира духов; все его могущество,—по наблюдениям Кастрена,—заключается в том, что он может приходить в со-общение с духами... и получать от них нужные сведения. Подобно Самоедам, тадебции упрямы, лукавы и своенравны. Иногда, они вовсе не слушаются тадибея; иногда обманывают его ложными предсказаниями. Старых-же тадибеев решительно дурачат»¹⁰).

Духи появляются на зов шамана в образе человека, волка, ворона, медведя, гагары, старухи и др. животных и птиц. Все они—обитатели луны.

Все духи по представлению Самоедов имеют черную или темную окраску.

Шаманы входят с духами в близкие сношения. Духи часто «избавляют» бедствующих шаманов от голодной смерти, приводя им стадо оленей, также «приносят» жир и даже «несут» хлеб. В свою очередь при жертвоприношениях шаман дарит своим духам обильные куски мяса и кровь оленя. Шаман называет духов товарищами—йа, что также указывает на близость или даже равенство в положениях.

Под влиянием православия между примитивной верой и христианской происходит скрецивание, смешение—и даже борьба. Так, Шаманы и духи противники христианских мифов, все-таки боятся креста—атрибута восточных культов. Нами записан следующий рассказ: «Один раз шаман камлал в чуме. Там присутствовала женщина с крестиком на шее. Шаман вызвал духов, но те никак не могли проникнуть в чум. Когда шаман вышел из чума, духи напали на него и избили. Шаман еле выздоровел. Духи не попали в чум из-за крестика».

Другой рассказ таков:—крещеная Самоедка пригласила шамана к больной дочери. Шаман будто-бы заранее предупредил, чтобы к моменту камлания крестик был вынесен из чума. Самоедка не послушала, и действия шамана остались без результата. Духи же его крепко избили.

Сравнивая камлание (samdas), т. е. шаманство при помощи бубна и колотушек у самоедских шаманов, поражаешься сходностью этих обрядов с подобным камланием у других сибирских туземцев. Бой колотушкой в барабан, выкрики, приемы присядки, качания, приплясывания и даже самые материальные атрибуты—барабан, колотуки, шаманский жезл, почти совершенно сходны, как у Остяков, Остяко-Самоедов, Тувгусов. Это сходство шаманских приемов отмечено было еще Н. Харузиным, который путем сопоставления (сходства) проследил почти у всех Африканских, Австралийских и Американских народов, стоящих на примитивной ступени культурного развития ¹¹⁾.

Остановимся еще на этих материальных придатках шаманства.

Бубен или барабан (penzer); его имеют не только отдельные шаманы но и многие отдельные семьи. Если случайно появляется шаман, он пользуется семейным бараба-

жению. В Большеземельской тундре (Колвинский район) шаман, по сообщению самоеда Ванюта, видит во сне дерево — елку, определенной формы. Оно идет за ним и само просится: «сруби меня, я твое дерево» (maĩsim maďaď!) Шаман ищет это дерево и часто не находит больше года. Из этого дерева он делает круг в виде решета и рукоятку в диаметр решета. Оно покрывается шкурой жертвенного оленя. На Колгуеве под барабан идет обязательно шкура дикого оленя ¹²⁾. Из другого сообщения мы видим, что бубен «делается самым тадибеем. Одна сторона его, вместе с боками, обтянута кожей убитого самим тадибеем оленьего теленка, а другая остается открытой. Внутри пензера по середине проведена перскладина и от ней в один из боков другая: перскладины эти служат вместо рукоятки. На обеих перскладинах вырезывается по семи идольских лиц» ¹³⁾. Размер бубна, по описанию Кастрена, $\frac{3}{4}$ арш. в поперечнике и $1\frac{1}{8}$ в высоту ¹⁴⁾. Шренк видел бубен размером $1\frac{1}{2}$ фута в диаметре и 4 дюйма вышиною; одно основание обтянуто кожей, а другое открыто и снабжено двумя крест на крест положенными палочками, служащими ручкой ¹⁵⁾. Иславин сообщает, что вместо барабана у Самоедов Малоземельской тундры служил «медный таз, ствол ружья и вообще все, что издает металлический звук» ¹⁶⁾.

Принимая во внимание, что первоначальный бубен состоял только из палочки, сообщение Иславина, следует считать в этом отношении особенно ценным. Бубны-же с рукояткой в поперечнике или крестообразной рукояткой являются уже новейшими и близки к остяцким барабанам.

Колотушкой (penkõts) к бубнам служит у одних шаманов заячья лапка, у других собачья или оленья, у третьих просто палка, обшитая таинственной кожей рассомахи (Малозем. тундра) ¹⁷⁾ Перфильев пишет, что ударник колгуевских Самоедов представляет еловый кочет с двумя ветками, как римская цифра «пять», или как «ижица» ¹⁸⁾.

Перед камланием шаман надевает особую одежду и шапку. В одном сообщении от 18 века мы читаем: «на голове у него (шамана) белый венец, а лицо покрыто одною частью рубашки, на которой навешаны многие малые зубы и ребра рыбы и звериные» ¹⁹⁾.

В Большезем. тундре и на Ямале встречается шаманская одежда, сшитая из оленьей замши в виде кафтана. С краев и

писал в середине 19 столетия, что «костюм тадибей красив и страшен; он состоит из замшевой рубашки (самбурча) с красною суконною каймою, с таким же выпунками по всем швам и эполетами на плечах, из такой-же яркой материи. На глаза и на все лицо спущен лоскут сукна, потому что тадибей проникает в мир духов не телесными глазами. Голова не покрыта; только узенькая лента из красного сукна проходит по затылку»²⁰). Имеется другое указание, что шапка—обязательный атрибут шамана. Тадибей, потерявший шапку, отвечает своєю головою перед духами. Вениамин сообщает, что шапка у мезенских Самоедов состоит из красного сукна или другой материи, длиною в 8, а шириною в 5 вершков. Шапка эта надевается на голову: полосы по краям образуют тулью; передний лоскут покрывает лицо шамана. Края боковых лоскутов навешаны бляшками, пуговицами, зубами медведя и другими привесками²¹).

После наших наблюдений и расспросов выяснилось, что шапка является важной частью шаманского облачения. Без нее шаман не может обходиться. Потерять шапку или костюм, или даже железный кусочек с бубна, значит ослабить подчинение духов. После камлания шаман внимательно следит за частями своего костюма. На костюме, барабанах и колотушке имеются изображения духов; эти изображения скреплены часто ввиде отдельных выкованных образов птиц, зверей и пр. И достаточно потерять одну из изображений (не говоря уже о целой шапке), чтобы сразу же стало необходимым припесение жертвы духам. Иначе, помимо лишения управлять духами, шаман может совсем перестать быть им.

Однако, как духи его обманывают, так и он часто их дурачит. Достаточно, по мнению ряда авторов, предложить ему водку, и он даст и бубен, и шапку и пр. предметы. Вытрезвится и начинает обманывать своих духов разными выдумками, что кто-то украл его костюм и даже спровоцирует своих духов: «не они-ли украли». Умилостивляя их водкою (для чего выливает на идолов или на огонь 1—2 рюмки водки), он фактически опохмеливается. Однако, социальная роль современного шамана все-же велика на глазах Самоедов. И несмотря на то, что они (шаманы) должны фактически иметь свои олепы, стада, свой чум и пр. в вопросах переустройства быта по-новому, самоедская масса часто идет по их

Борьба с шаманами и их проделками возможна путем широкого и глубокого проведения экономических, санитарно-гигиенических и школьных мероприятий через вовлечение в эту работу сознательных групп самоедского населения, глав. образ. промысловых и батрацких (безоленных) слоев.

Представление о смерти и загробном мире.

Представление о смерти у Самоедов весьма своеобразное и примитивное. Они считают, что смерть есть существо, которое показывается людям в виде незнакомого человека, в образе волка и огня. Перед болезнью многие люди, по рассказам Самоедов, видят на своих одеждах маленькие огоньки, величиною с человеческий глаз. Они блещут и исчезают, как искра. Многие пытались поймать эту искру, но безуспешно: искра исчезала. Но, если удастся поймать эту искру, то это значит убить смерть, и тогда человек становится бессмертным. Но видеть такой огонек—быть обязательно больным. При всякой болезни человека, около него ходит смерть, хавсе. Смертей столько, сколько людей на земле. Бросается в глаза двусмысленность этого интереснейшего афоризма, но он понимается Самоедами именно в том смысле, что смерть есть некое реальное существо. Все смерти глухие. Они живут на темной земле.

У Б. З. Самооедов сохранились легенды о смертях. Мы здесь одну такую легенду, записанную со слов Самоедки У. В. Лодковой, решаемся привести для иллюстрации: «Когда-то появился на белой земле незнакомый человек. Он прошел сквозь красную и белую землю и попал к людям. Он превратился в маленького ребенка. Его нашла одна Самоедка, приютила и вырастила. Ребенок быстро рос и выглядел силачем. Он начал убивать Самоедов. Много Самоедов погибло от его руки. Но был великий шаман. Он узнал, что богатырь, это—смерть. Шаман заворожил, и духи, прилетевшие по его зову, поймали богатыря и связали его медными прутьями. Люди по требованию шамана принесли медный котел с 7 ручками. В него бросили богатыря, налили до краев воду, а под котлом развели большой костер. Семь дней варили богатыря. Но он

Шаман продолжал молить духов. Людям он сказал: «он — не человек. Смерть. Он — пришелец из третьей земли. Варите его в котле еще семь дней».

Еще семь дней его варили. Богатырь обварился. Вода из котла выпарилась. Богатырь лопнул и его кровью снова наполнился котел. Кровавый суп был (стал) в котле. Шаман сказал: «увезите теперь котел на скалу богов, на кладбище моих товарищей шаманов, что у моря. Вылейте со скалы этот суп в море!». Семь человек взялись за ручки котла. Поднять не могли. Три брата у шамана и четыре человека хотели нести. Но котел не был двинут с места.

Тогда шаман позвал свою сестру — колдунью, они вдвоем понесли котел на священную скалу и вылили из котла кровавый суп. Образовался ручей-поток и побежал в море.

Там богатырь ожил. Превратился в щуку. Он так сказал: «я прибыл к вам из третьей земли. Я не верил, что вы меня можете победить. Я буду появляться среди вас внезапно и тайно. Щука уплыла в глубину моря».

В этом мифе слышится отголосок определенной ступени развития родового строя Самоедов. Он (миф) мог возникнуть уже на стадии резкой дифференциации между родами, или в ту эпоху, когда Самоеды уже представляли в языковом отношении вполне самостоятельную этническую группу и, в процессе войн и столкновений с другими народностями, образно сумели передать свои реальные невзгоды, апеллируя в загробный мир к незнакомцу-богатырю, представшему им в виде духа смерти.

Вполне можно объяснить и случай, когда человек видит на одежде искры. Медицина сказала-бы, вероятно, что в данном случае человек, которому мерещатся огоньки, уже охвачен каким-нибудь воспалительным процессом. Но огонь, как предвестник смерти этнологически может быть прослежен у ряда примитивных народностей.

Самоеды верят также, что человек умирает от порчи со стороны злого колдуна. Моя ученица У. Л-ва рассказала мне, что ее отец умер именно по воле колдуна, имя которого известно ей.

Если же человек умирает на охоте от зверя, считают, что он был преступником или вором. Но во всех случаях умирания людей смерть, как реальное существо, стережет человека и ра-

к покойнику. Это — страх перед покойником, зарегистрированный почти всеми исследователями (Кастрен, Шренк, Митдендорф, Вениамин, Иславиц и др.) среди всех самоедских групп. Покойник (хальмер) в данном случае является в представлении Самоедов, посетителем того существа — смерти, которое может оставить его (труп) и накинуться на живых людей. Поэтому, понятна та спешка, с какою Самоеды торопятся избавиться от покойника и принимают меры к предотвращению новых болезней и умирания, «меры» и приметы, которые восходят по своей примитивности (брусок) к ступени магического периода верований и представлений.

Загробный мир, по убеждению Самоедов Б. З. тундры, находится под землей, что даже живые люди могут узнать при желании, что из себя представляет этот мир и как живут там люди, у которых прекратилось существование в этом мире. С целью узнать все это, рядовые Самоеды отправляются на кладбище в полночь и ложатся на гроб. Они слышат будто-бы шум и голоса людей. Из загробного мира от знакомых умерших людей будто-бы Самоеды получают письма. Так, Василий Ардеев, житель Б. З. тундры получил в 1924 г. три письма из загробного мира. Эти письма он получил на кладбище у гроба своего б. друга. Сам Ардеев, также пишет туда ответные письма.

Интереснее всего то, что каждый человек, по мнению Самоедов, может слышать, оставаясь на кладбище, и узнать о потустороннем мире и жителях, но строго запрещено что-либо говорить другому. Ардеев, также не сообщил никому, что «писали» ему из «того света». Если бы он, или другие что-либо сообщили другому, то они сами умерли-бы быстротечным порядком. Нам приходилось слышать и другие наивные рассказы. Оседлая Самоедка из с. Тильвисочное (по р. Печоре) умерла только на один час. Попала в загробный мир и там дети приняли ее за чорта, а собаки подняли страшный вой. Эта женщина страдала припадками, и смерть ее на один час, по видимому, есть ни что иное, как очередной случай припадков. Но соседи поверили ее словам и теперь сами, веря в это, сообщают другим. Она же действительно скоро умерла. Самоед из той же местности также тяжело заболел и казался мертвым, и члены семьи хотели его умыть и похоронить, хотя

монгольские кости. Видел он и Самоедов, у которых несли хоронили с серебряными наконечниками. После этих слов он сразу умер и был похоронен в глубокую могилу.

Другие смельчаки, которые после своих рассказов также мгновенно умирали, сородичам сообщали, что им удалось видеть своих знакомых и родных, что живут-де они такой же жизнью, как жили до смерти на земле.

Шаманы также рассказывали о жизни в загробном мире; о том, что многие Самоеды там также имеют много жен, огромные олени стада, ездят только на бслых оленях и пр.

Как ни фантастичен этот сказ, но он все-же дает возможность решить один важный вопрос, а именно: Самоеды не боятся покойников в такой степени, как это казалось другим исследователям, и второй вопрос—опасаются Самоеды не столько от покойника, сколько от предполагаемой возможности перехода смерти, как реального существа, на живых людей. Это допущение выясняет третий вопрос—отсутствие культа умерших или предков.

Отношение к покойнику.

Умерший человек вызывает у живых людей страх и желание поскорее избавиться от него, похоронить. Существует запрет не произносить его имя. Но шаману называть покойника по имени дозволено.

Самоеды, считающие себя в номинале православными, а также оседлые Самоседы под влиянием Русских и Зырян (р. Колва) труп умывают. На Ямале и в других местах Сибири, Самоеды этого обычая не знают. В Большезем. тундре по рассказам Самоедки Ледковой, покойника моют теплой водой. Труп женщины моют женщины, труп мужчины—мужчины. Когда моют женский труп, мужчины выходят на улицу и, наоборот, при умовении мужского трупа удаляются женщины. Труп плотно обвертывается в ткань, так что по мнению Житкова производит впечатление мумии¹⁾. Самоеды, живущие у р. Кара, с покойника не скидывают даже одежду, которая на нем была перед его смертью, а сверх того его завертывают, зимой в оленью шкуру, а летом часто в бересту. Шренк указывает, что поверх одежды Б. З. Самоеды привязывают труп ремнями²⁾. На Колгуеве по словам Перфильева на мертвеца надевают рубаху из коленкора, из пего же шьют пояс и пижму³⁾. В Б. З. тундре на покойника также надевают белую коленкоровую рубашку. Одежда, снятая с покойника, закапывается в землю. Сжигать платье покойника нельзя: оно по мнению Самоедов Б. З. тундры заражено болезнями и эти болезни вместе с дымом могут распространиться среди живых людей.

Взрослого покойника в Б. З. тундре кладут в гроб из досок. На Ямале гробами служат также половники лодок и бочки⁴⁾. Для маленьких детей гробом служит люлька, а часто спитый мешок из шкуры старого оленя.

В гроб у изголовья и у ног покойника кладут нож, трубку,

есть колени — вытирать пот в загробном мире во время еды и чаепития⁵⁾. В гроб женщины кладут иглу, нож, жилы оленя, лоскутки, словом такие предметы, в которых она будет нуждаться в потустороннем мире.

Труп выносят не через двери, но через отверстие, сделанное для данного случая в стенке противоположной от двери. Голову покойника зашивают в суконный или ситцевый кусок материи, а затем тело кладут в гроб. Обычай выносить покойника через особую дыру чума объясняют Самоеды тем, чтобы покойник не мог-бы попасть в чум. Покойника таким образом обманывают; он не найдя закрытого хода, уходит назад в могилу. Ночью, ложась спать, Самоеды кладут за дверь брусек, а изнутри топор (Нов. Земля). Покойник боится этих предметов и также не в состоянии через них перешагнуть. Гроб везут на кладбище, где только это возможно, на оленях и редко несут на руках.

Кладбища у Самоедов находятся на возвышенных местах. У каждого малого рода имеется свое кладбище. Имеются кладбища и общеродовые.

Могила роется неглубокая, до 1 метра и менее. Гроб лежит почти вровень с поверхностью земли. Оседлые Самоеды на Печоре роют могилу, таких-же размеров, как и у Русских. Древняя форма погребения была такова, что гробы совсем не закапывались в землю, а лежали на ее поверхности, что наблюдается и теперь у Заобских Самоедов. Повидимому форма погребения была одинакова с тунгусскими и долганскими обрядами.

Если умирает ребенок, его в зимнее время с люлькой вешают на дерево, а зарывают в землю в летнее время или вовсе не хоронили раньше⁶⁾.

Носилов сообщает, что мертворожденных детей Самоеды вообще не зарывают в землю, а хоронят в дупле дерева. Самоеды, по его мнению, хотят обречь ребенка от соприкосновения с землею, где его труп может стать грешным⁷⁾.

Могила окружается забором из досок. На досках оставляют громоздкие вещи, которыми пользовался покойник при жизни, это — сани, хореи, запасное платье, ложки и чашки, топор и проч.

Все эти вещи должны быть поломаны, т. е. в загробном мире ими придется пользоваться в иных целях и. таким обра-

Иславина, значит, что Самоеды хотят символически выразить смерть человека с закатом солнца ⁸⁾).

На могиле взрослого покойника часто закалывают оленя или двух оленей, которые тащили гроб. В Б. З. тундре, эти быки-олени специально покупаются у соседа. Иславин сообщает, что заколение оленя производится жестоким, мучительным приемом; кончат «ему в задний проход заостренный шест,

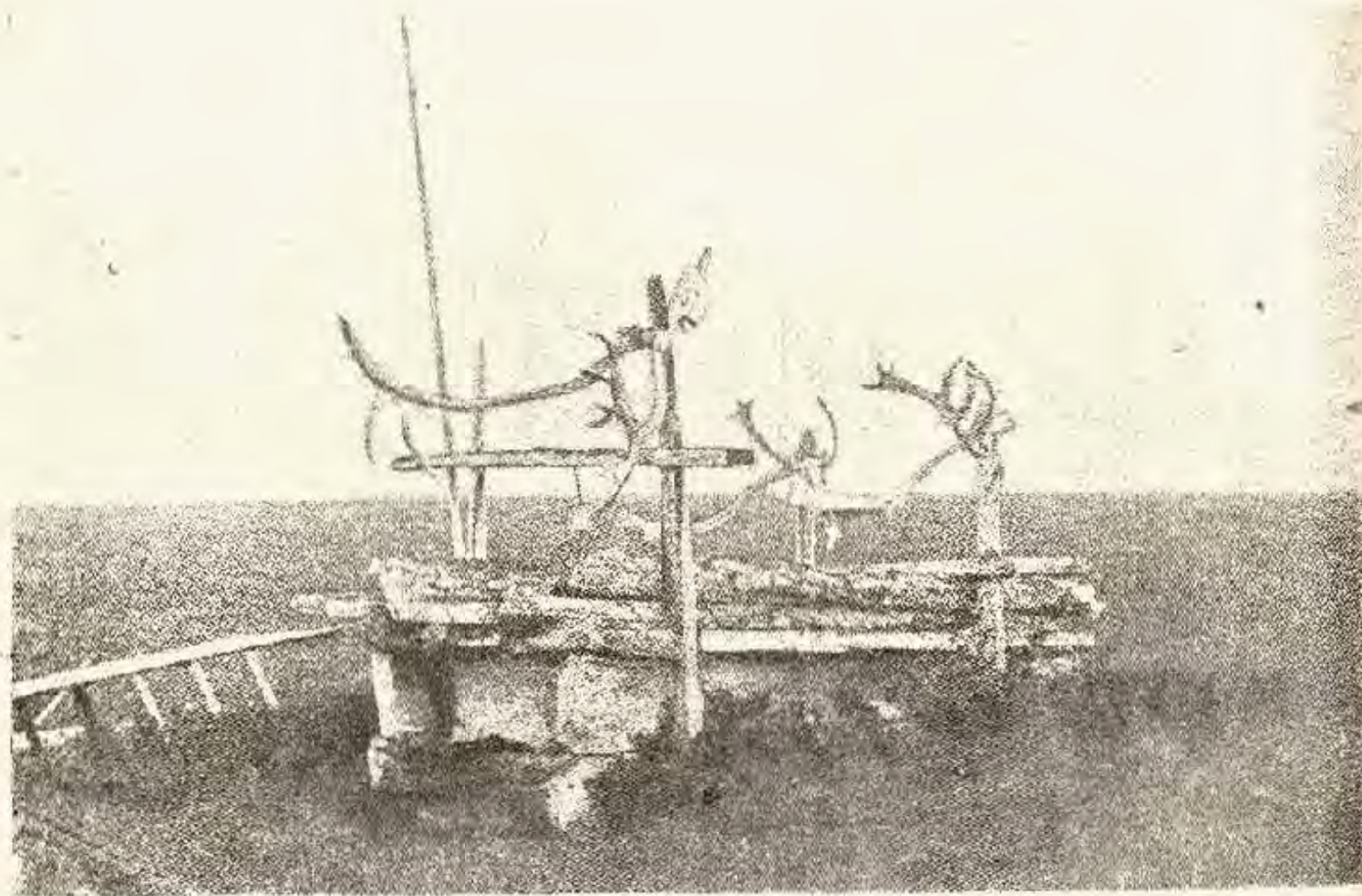

Рис. 8.

Могилы самоеда в тундре. По К. Д. Носилову.

и если сразу удастся им положить оленя на месте и животное не покажет никакого движения, то это радостное предзнаменование означает, что никто из среды их не умрет в скором времени» ⁹⁾. Голова и шкура оставляются на могиле, мясо поедается на могиле. Остаток увозят с собою.

От могилы принято отходить задом на перед. Затем садятся в сани и уезжают в чум. Те, кто нес гроб или помогал делать, также те, кто умывал покойника, запалывают рукава и подол своих одежд, переходя через костер

среди оставшихся может случиться несчастье и они будут, кроме того, страдать будто-бы головной болью.

Особых поминок впоследствии на могиле не бывает. Совершают их только оседлые Самоеды под влиянием Русских и справляют все-же редко. Эти-же Самоеды ставят кресты над могилами. Над могилой женщины принято у Имадьских Самоедов вешать на шесте колокольчик, а в тех местах, где Самоеды соприкасаются с Енисейцами и Тунгусами, выставляют деревянные чучела в виде птиц; иногда эти чучела действительно представляют застреленную птицу, у которой вынуты внутренности и вложен кусок дерева, — во что прикрепляется кол. По представлению Самоедов, покойник сохраняет в потустороннем мире все человеческие потребности. Ему там суждено заниматься теми-же делами, что приходилось выполнять на земле. Однако, покойник, будь он глава семьи или хозяйка, все-же скоро забывается. В. В. Передольский указывает на то, что покойника заменяет у восточных самоедских племен, особый деревянный болванчик — пенат, который тем более чтится, если его создание совпало с какой-либо удачей на охоте. Этот божок становится чтимым и в последующие годы и ему приносится жертва, в виде помазывания его губ оленьей кровью или салом. В этом факте Передольский видит следы почитания или культа умершего. Живой факт того, что существует табу относительно произношения имени покойника, свидетельствует об отсутствии культа умершего, но также и страх перед покойником, который по представлению Самоедов, живущих на о. Колгуеве, окончательно покидает землю через сезон (но не через 6 недель, как пишет И. Перфильев) или 3—4 месяца, после погребения. Но с разрешения шамана, Самоеды уже через несколько лет могут при необходимости называть имя покойника. Этнологи пытались объяснить этот факт таким образом, что в нем кроется боязнь вызвать духа ¹¹⁾ (Фрезер), который причиняет живым людям зло. Это объяснение, повидимому, приближает нас к разгадке данного факта с связи с представлением о смерти.

И г р ы.

В часы досуга примитивный человек уделял свое внимание играм, которые сами по себе отражают его трудовую деятельность.

Самоеды свой досуг также отдают играм, увеселениям. Насколько можно верить обозревателю СИБ. Ведомостей, еще в первой половине 18 века Самоеды имели при коллективных играх трубки и рожки. «Их веселье состоит,—писал автор примечаний СИБ. Ведомостей—в игрании на долгих трубках и рожках, которые, что до голосу надлежит, на пастушьи рожки походят, потом в пении или паче в вытии, которое всегда одним голосом идет, также в свистании по птичью и в ржании по лошадиному. При сей музыке и то делается, что они всегда парами друг против друга становятся и по переменам ногами в ноги друг против друга бьют: отчего такой звук происходит, что они от того весьма особенное веселье чувствуют»¹⁾.

Среди современных Самоедов трубки и рожки в виде пастушеской свирели не найдены. Едва-ли они были и в 18 веке. Игры-же у них действительно носят коллективный характер.

Любимая игра—перегонки. В ней участвуют мужчины и женщины, молодые и старухи. Перфильев указывает, что на Колгуеве он видел стариков, принимавших участие в бегах и при игре в ланту (последняя заимствована у Русских), которым было лет 50—55²⁾.

Начало игры при бегах (savukorč) таково, что берется палочка, заостренная с обоих концов и каждым из участников бросается вверх. Тот, у которого палочка не воткнулась в снег, должен погнаться за остальными и ловить. Если он плохой бегун, его доводят до усталости.

Играют также в мяч (haskorč). Оболочка мяча шьется из оленьей замши. Внутри кладут таячку, камешки и куски дерева.

кожи. Пропилили и резиновые мячи. Участники игры делятся на две партии. Каждая партия роет себе яму. Затем становятся в круг и бросают с руки на руку и кто поймает мяч, тот со своей партией идет прятать; прячут они его под пазуху, в рукав и должны добраться до ямки другой партии и положить в нее. Противная же партия упорно защищает свою яму и старается поскорее разузнать о том, у кого спрятан мяч и выбивает. Если мяч удалось положить в яму, игру начинают сначала, иначе первой группе снова приходится прятать мяч и если ей еще раз не удастся подкинуть его в яму другой партии, игра считается проигранной в пользу второй группы.

Широко распространена также игра в «олень»; в ней также участвуют взрослые и дети. Один из участников, оставшийся после счета до пяти с прибавлением к ним нескольких слов, должен ловить остальных при помощи аркана. Поймавши 2—3 человек, он связывает их арканом и шутит: «ну, мои хорошие белые олени, слушайте хозяина», а те дают такой бег, что плохой «хозяин» сам запутывается в аркане и вызывает общий хохот и остроты на себя. Эта игра называется «tohōnō-sanōkorō».

Любимая игра, это перегонки. Взрослые женщины и мужчины становятся в ряд и должны бежать расстояние часто более $\frac{1}{2}$ километра до условленного места.

Кто первый прибежит, тот считается выигравшим и о нем много говорят, как о хорошем бегуне. Детям он особенно служит любимой темой в разговоре, и они сами, подражая взрослым, устраивают такие же бега. Столнутся несколько человек и они непременно затевают какую-либо игру. Но почти всегда они начинают с простого подталкивания друг друга и толкаются так, чтобы каждый обязательно падал. Кто падает с неловкостью, с кувырканьем, скользя или еще как-нибудь иначе, тот награждается веселым гортанным хохотом.

Состязание в стрельбе также является игрой, и принимают участие мужчины и женщины. Меткий стрелок в почете. Дети подражают взрослым, но упражняются при помощи лука и стрел.

Среди детей в возрасте 8—12 лет любимыми из игр считается прятка шапки в кустах или в снегу. Прятать может вышедший первым по счету. Из следующих прячет тот, кто первый отыщет шапку. Эта игра настолько увлекает детей, что

Играют также в повязку. Кто по счету остается, ему напускают на глаза повязку и прячутся. Тот ищет и если один из играющих все-таки успеет пройти до условленного места раньше, чем лицо с повязкой, то первый выручает всех других товарищей, а этому снова закрывают платком глаза и прячутся. Если никому не удалось выручить «своих», то закрывается замеченный первым.

У маленьких ребят и девочек также имеются свои игры и главным образом, игрушки—куклы. Кукла делается с головками из гусиных, утиных, гагачьих, лебединых носов. Они прикрепляются на кусок дерева, который зашивается доскутками, оленьей шкурой и пр. Дети часто берут в руки крылья гусей, уток и, бегая в запуски, машут ими и визжат, и получают себе удовольствие в подражании летанию этих птиц. Игрушками также служат заячьи, гусиные гагарьи и другие лапки. Девочки нанизывают для себя на нитку гагарьи и утиные носы и носят их на шее, шурша и подергивая.

Взрослые с давних времен научились, повидимому, у Русских играть в шашки. Называют эту игру—*peska — sanokoté* (т. е. игра в пешку). Имеется для этой игры специальная доска в 64 квадрата. Пешками служат пуговицы, маленькие деревянные кубики и даже кубики, слепленные из хлеба. Шренк ³⁾ видел печечную доску, на которой было 72 клетки (9 × 8) и они были вырезаны на две тарелки для еды. Нельзя не сказать, что здесь, мы имеем дело с преувеличением.

Игры и самый материал для детских игрушек, дают полную возможность судить о том влиянии среды на Самоедов. Игры направлены к тому, что даже в минуту веселья, они подчиняют ее к интересам преодоления стоящих перед нами различного рода трудностей. Кидание аркана при игре на людей совершается с такой же активностью, как и при ловле оленей. Гагарьи и утиные носы—непосредственно берутся из природы.

Суровая природа, бедная природа находит свое отражение у отсталых в культурно-техническом отношении Самоедов и заставляет их реагировать на нее и в обычной работе, и при играх. Но отражая природу арктики, Самоеды в процессе ее познания укрепляют, «переделывают», тренируют и самих себя.

Самоеды давно отмечены, как люди сметливые и умеющие

следам пологивей Самосед спредает время, по данному месту. Названия местечек, холмов, ручья, речек точно рисуют характер места. Звезды служат компасом в пути. Привычка оленей бежать против ветра, также уловлена Самоседами и они ею руководствуются, как компасом при передвижении и ориентировке в том или в другом незнакомом районе.

Народный фольклор.

До настоящего времени народное творчество и язык Самоедов совсем слабо изучены. Фольклор собран также в незначительном количестве. Собираание фольклора было начато еще в XVIII веке, но только в середине 19 столетия он стал известен в своем характерном виде. В XIX веке собирали такие ученые, как Гастрен и А. Шренк, а также Будспц. В XX веке серьезного подхода к исследованию Самоедов не производилось. Если кто и сделал это, то оно не нашло выражения в печати. Отрывочные записи производили на русском языке Житков, Жилинский, Носилов, Кушелевский и Лехтисало. За последнее время появились заметки по самоедскому фольклору тобольского краеведа Лопарева и зырянина—исследователя в области музыкальной этнографии П. А. Анисимова. Собранный последней группой исследователей материал во многих случаях стилизован и не дает подлинного представления о самобытности фольклора Самоедов, но сюжеты все-же схвачены верно.

Мы должны подчеркнуть, что и Самоеды обладают богатейшим фольклором. Наиболее характерен самоедский легендарно-исторический эпос и сказки, которые полны сложнейшей драматизацией, комизмами, остротою сравнений. В фольклоре нашло место глубокое и яркое изображение мира социальных действий и взаимоотношений, мира животных и самой природы арктики. Почти каждый Самоед является творцом и певцом своей жизни. Песню он сочиняет на ходу и по любому поводу. Прилет гусей, охота на лисицу, ярмарка, ссора с женой, рюмка вина, кусок мерзлой крови, острый новый нож, новая рубашка—вот темы для песен.

Вот песня, на лету сочиненная Самоедом ледовым,
жителем Новой Земли:

Мы гуси, гуси тонкошейки, глупые
гуси.

Мы гуси, гуси красноножки.

Мы весной прилетаем

С юга на далекий север,

На далекий океан.

Мы гуси, гуси летим высоко

Высоко над дремучим лесом,

Над гладкой тундрой.

Мы, гуси, гуси, серые гуськи,

Мы летим над озерами

И над рекой, и над людьми.

Когда мы над людьми летим,

Тогда от людей приходят

Горячие, горячие пулочки,

И наши гуськи вдруг

Закружатся, закружатся

И падают на землю.

Мы гуси, гуси, серые гуськи,

Мы все-таки вперед и вперед

Летим и летим.

Мы, гуси, гуси, много же видим
людей,

Лютых зверей, лютых птиц,

Все на нас нападают,

Все нам страшно.

Нам, гусям, жить плохо.

Мы, гуси, гуси, серые гуськи.

Нам гусям, очень трудно жить.

Мы прилетаем к океану.

Везде снег, нигде нет

Ни одного кусочка черновинки
(земли) луговой.

Мы сядем на снег

Голыми ногами. Холодно.

Ищем еду. Нигде нет травинки.

Опять полетим на новое место,

Туда прилетим—там еще хуже.

Мы, гуси, гуси, серые гуськи

Вот дождались тепла.

Так рады!

Трава выросла,

Везде раззеленело,

Мы стали очень хорошо жить,

Мы, гуси, стали себе

Гнездышки ставить.

Снесли яиц.

Мы гуси, гуси, серые гуськи.

Мы стали очень весело жить.

Из яиц вышли цыплята (детки).

Опять беда случилась:

Мы стали линять.

Мы более не можем летать.

Мы, гуси, гуси, серые гуськи,

Много беды видим,

Много страхов видим.

Мы гуси, гуси, гуси, серые гуськи.

Осенью новые крылья будут,

Опять полетим. Очень рады

Бываем и весело кричим.

У нас, у гусей, дети не хотят

За море лететь.

Мы бьемся, возмемся (и)

Все-таки добьемся до конца.

Полетим на далекий юг.

(Вот) Мы, гуси, поднялись высоко,
высоко.

Попрощались с милым севером.

Очень рады, очень благодарим

Новую землю. Очень весело.

Кричали:—га-га-га-га

Ла-лак, ла-лак, ла-лак.

Вот песня про оленя, любимейшего животного у Самоедов.

Милый мой олень,

Любимый мой олень,

Серенький мой,

Быстроногий мой,

Северный мой.

Милый мой олень.

Какие у тебя рога милые.

Милый мой олень.

Как у тебя ушки милы.

Как у тебя носик мил!

Милый мой олень,

Какой у тебя хвостик милый!

Милый олень!

Куда ты ходил, серенький мой?

Где ты бродил, серенький мой?

— Милый хозяин!

Я ходил далеко-далеко.

На тундре, на горах

Я бродил по травистым лугам.

Что же ты искал там?
 — Милая моя хозяйка!
 Там я искал вкусный мох.
 Еще искал на лугах
 Сладкую травку.
 — Милый оленек, саренький,
 Мой оленек, как ты не боишься?
 Там серые волки ходят,
 Тебя (если) съедят?!
 — Милая моя хозяйка
 Куда же я денусь?
 Я хочу есть.
 — Милый мой оленек,
 Ходить-то ходи.

Только осторожнее.
 Милый мой оленек
 Как ты мил, как ты дорог!
 Милый мой оленек!
 Какой ты красивый
 Милый мой оленек,
 Поди, погуляй по зеленой траве.
 Милый мой олень!
 Поешь свежего мху.
 Сладкую травку.
 Только долго не ходи!
 Приходи домой.
 — Ладно (хорошо) моя хозяйка.
 Я поем и приду домой.

Песня про тундру.

Зимнею порою
 Куда ни взгляну —
 Везде пусто,
 Везде белое поле.
 Только снег белес
 На озере валяну —
 Только лед синее.
 На гору взгляну —

Только камни чернеют.
 Милая тундра,
 Белое поле.
 На море взгляну —
 Только лед торчит.
 На небо взгляну
 Облако белее.
 Милая тундра.

Песня про северное сияние.

На небе сверкает
 Черная полоска,
 Красная полоска,
 Белая полоска.
 Синяя полоска.
 Черная полоска.
 Вдруг — как солдаты
 На войне дерутся. —

Лучи заиграли
 Яркими кольями,
 Яркими шилами.
 Как оленья стада,
 Испугались и забегали
 Белая полоска,
 Красная полоска,
 Черная полоска.

В песенном творчестве не отстают и женщины. Со слов
 Самоедки У. В. Ледковой нам удалось записать песенку про
 сову, песенку, сочиненную матерью Ледковой: —

Взглянем, взглянем на гору.
 На горе сидят совы;
 Как столбыки расставлены.
 — Совушка, совушка!
 Почему ты на одном месте си-
 дишь?
 — Милые мои, вижу я потому,
 Что дождичку мышку.
 Выйдут мыши из норки.
 Хотят похрюкать (то есть)

— А куда денешься?
 — Я их съедаю.
 — А почему маленьких обижать?
 — Потому, что мне велено их есть.
 Мне больших ловить трудно.
 Если понадутся — больших ловлю,
 Чем же буду питаться
 Кроме них?
 Я только мышами, воробьями.

Эпос и сказки рассказываются и мужчинами, и женщинами. Профессионалы-сказочники славятся по всей тундре. Сказочник поет речитативом, и его пение продолжается в течение 1—2 суток. Эпос особенно длинен. Самоеды — большие любители героического эпоса и готовы слушать сказочника днями, забывая про охоту, стада оленей. Самоеды давно заметили, что их пение отличается от русских и в языке имеют два слова. Одно слово хупас — означает пение по-самоедски, а пение русских — jangörs, т. е. русская песня, которая им напоминает рев зверей; буквальный перевод этого слова значит «петь, как мамонт». Термин этот применен потому, что русская песня поется громко, крикливо, полным голосом и весьма протяжно, тогда как пение у самоедов тихое, скороговорное. Мелодии построены на однообразных переходах кварты и квинты и заполнены синкопами, которые сохранились, как известно, отчасти лишь в старинных русско-народных мелодиях.

Самоедский эпос мы уже привели частями в соответствующих главах этой книги. Здесь мы позволяем привести дополнительно 2—3 сказки, сохраняя при этом ритмику языка.

Воробей.

Воробей жених на конце длинной березы ревет. Мышка — невеста около двери разгуливает. Железные кусочки на косо назат тянут ее голову. Воробей-жених в свой чум ушел. Руку на руку сложил. Горюет. Воробей — старуха, она так говорит: «Любимый, болен что-ли?». Воробей-жених, он так говорит: «у меня нет мышки-невесты. Я хочу жениться на ней». Мать ему говорит: «когда ты мышку-невесту в жены будешь брать, твой хвост прилипнет: у мышки дверь в снегу». Он слов матери не послушался. Мышку-невесту в жены взял. Мышь-старик говорит зятю воробью: «ты один год у нас поживи!». Воробей-жених остался жить. Так живет два темных месяца *). На глаза показалась мятель. Снег кружится. Воробей-жених, он так сказал: «мышка-невеста в чуме дымно. Направь дым на улицу. Выведи!». У воробья-жениха хвост прилип к дверям на снегу. Мышь-тесть толкнул на него железный лист. Мышка-невеста, она сама прыгнула к жениху. Она так сказала: «отец твой зять-воробей помер».

Мышь-старик прыгнул через огонь к зятю. Его он слет Кости на улицу выбросил. Пришла весна. Тысяча воробьев прилетела. Они так говорят: «Мышь-старик, где наши товарищи?». Мышь-старик он так говорит: «воробей-зять от головной боли помер. О железный лист стукнулся». Тысяча воробьев воевать стали с мышью. Мышь-старик тоже собрал 1.000 мышей. Силы стали равные. Долго-долго воевали. Воробей-мать горько плакала.

Чайка.

У чайки кто-то товарища ранил. У больной чайки голова качается. Ее товарищ колдун ищет. Сову встретила. — «Сова, быть может, ты колдун?». Сова сказала: «Я ничего не знаю». — «Филин-старик, ты не колдун-ли?». Он так сказал: «Я ничего не знаю». — «Ворон, может быть, ты колдуешь? Мой товарищ ранен». Ворон говорит: «я — колдун». Прилетели к больному. Ворон говорит: «сделай балаган!» Чайка спила балаган. Больного товарища затащила туда. Ворон сказал: «вытяни шею и кричи вверх. Я твоего товарища вылечу». Чайка вытянула шею и вверх кричит. Ворон съел больную чайку и улетел тайком. Чайка все вверх кричит. Потом перестала. Зашла в балаган. Только кости да перья валялись в балагане.

Два брата.

Мой брат сказал: «тебя пора женить. Мы возьмем тебе в жены одну из трех сестер из рода Варант». Я сказал: «Я знаю этих трех сестер: они детей будут любить, как гусыня». Тогда брат сказал: «Тогда бери в жены одну из трех сестер из рода Нанду». Я так ответил: «Трех сестер из рода Нанду я знаю: они пимы шьют и кривые выходят». Брат сказал: «нет, так женись на одной из сестер из рода Ваендо». Я так сказал ему: «трех сестер из рода Ваендо я знаю: у каждой из них один глаз меньше другого». Брат, он немного рассердился на меня. Он так сказал: «Тогда возьмем чертову дочку. Она-то жирная». Я ответил: «Если жирная, надо взять ее». Брат сказал: «Она не человек, нет. Она черт». Я так сказал: «Взять надо. В зимние дни и холодные ночи тепло надо». Брат, он так сказал: «Она не

белолобые олени потащут». Тогда пригнали оленей. Брат запряг пять белых, я запряг себе четырех белолобых. Поехали мы крутыми горами. Остановились. Брат сказал: «Чорт-богач на свою землю ушел, за свои ляжки держась». Мой брат (тогда) закричал: «Чорт-богач, где ты?». Мерзлая земля раскололась. Оттуда вышел чорт на двух мамонтах. Он их вместо оленей держал. За ним вышла чортова дочь. За ней сто мамонтов (jug janhorgi) вышли. За ними тридцать чертей (Гылика) вышли. У расколотой земли они расположились. Тут остались Чорт-богач сказал: «у меня зять, он пусть со мной живет». Мой брат сказал: «Пусть живет, я тоже тут буду жить». Потом чортова дочь, она мне так сказала: «Мой отец даст тебе два мамонта приучить. Ты сможешь? Ты не сможешь. Твой брат осилит их. Тебя я запрячу». Она меня запрягала. Мой брат стал приучивать двух мамонтов. Он приучил двух мамонтов. Куда их направит, туда и идут они. Тут жили мы три года. Один раз брат сказал: «В свою землю нам пора отправляться». Я так сказал: «Чортовой дочке ехать постоянно на четырех белолобых будет плохо». Она услышала мои слова и рассердилась, руками дернула за возжи направо. Она так сказала: «Я никогда не поеду». Я (ей) так сказал: «Чортова дочь, совсем-то ты не сердись на меня, во сне мы с тобой товарищами (друзьями) будем». Мы поехали к себе. Доехали. На одной сестре из трех рода Ваендо я женился.

Скороговорка.

Носами
опять.
пятаками
опять.
Семь
опять,
братьев
опять,
ловят
опять,
тянут
опять
рыбку
опять,
рыбочку
опять,
добыли

Чайки
опять
плотать (будут)
опять.
в чум
опять.
придут
опять.
Огонь
опять
около
опять
брюха
опять
заспогит
опять.
Невестка (сисхэ)
опять.

Малицу
опять
К
опять
Посели
опять
Бросает
опять
бывает
опять
Енянг
опять
брат (ихний)
опять
говорит:
опять

Бросашь
опять
Когда-либо
опять
При-
несут
опять
мягкий
опять
кусок
опять
печени
опять

В приведенной скороговорке сказалась особая гибкость творчества языка. Все содержание скороговорки таково: «носами, тяпками семь братьев ловят, тянут рыбку. Рыбочку добыли. Как чайки глотать будут. В чум пришли. Огонь около вих засветила невестка. На малицу к постели бросала она кости.— «Бывает» (вставки в рассказе). Енянг—брат говорит: «бросашь?» (с предупреждением). «Когда-либо они принесут еще мягкий кусок печени». Характерное в этой скороговорке то, что после каждого слова и часто в середине слова вставляется слово «опять». Это словечко разбивает смысл и затрудняет быстрое произношение. Тот, кто несколько раз произносит правильно эту скороговорку, считается очень способным человеком во всех отношениях.

Детский фольклор также богат небольшими сказочками, прибаутками, головоломками, скороговорками и пр. Здесь лишь приведем несколько загадок.

1. Холм с семью дырами.
2. Идет, идет, до берега дойдет — исчезает.
3. Летом со шкуркой, — зимою — береста.
4. Два Латсар (Латсар — олень с белой шерстью спереди) друг друга догоняют, но догнать не могут.
5. Угреватая (подкожные личинки) шкура дикого оленя.
6. Двое на лыжах.
7. Два собаки на небо лают.
8. Живое мясо кусает?
9. У холма двое саней припрудились.
10. Две песчовые норы.

Голова.
Волна.
Олений рог.
Глаза.

Небо и звезды.

Отвесные палки-
крюки для кот-
лов в чуме.
Посы саней.
Кольцо.
Уши.
Ноздри.

15. Старуха из ста заплат.

Сумочка женская
(туше).

16. Костяная головка, железный хвост.

Шест-харей.

17. Лицо старухи узко, лицо старика широко.

Женские и муж-
ские пимы.

Вот в немногих словах тот кусочек собственного творчества и мира переживаний, преломленных в сказках и загадках. Как видит читатель, живая динамика образов воплощается в причудливых и смелых сочетаниях с окружающей средой и человеческой деятельностью. Аборигенты севера, Самоеды, вовсе не бездушны, вовсе не такие замороженные мумии, как это казалось некоторым бытописателям. Мир социальный, мир духовного творчества у них также пестр и красочен, как и у всех других народов мира.

Тексты—образцы. *)

1. Песня.

Северное сияние.

nuwánnö jalöworrö
parid'enö seherörha,
narjanö seherörha,
söröko seherörha,
tanzinenö sehararha,
paridénö seherarha,
lörköpt. xanzer palytönö
sajnoł vahanö sajnorqö
ty sanykulyd
jabrenö narehanö,
jabrenö pinimint'ahanö.
xanzer ty-mandal
sejdohaje nowtalyd
söröko sehery,
narjanö sehery
parid'enö sehery.

2. Песня.

Тундра.

syrömalitönnö
xyna niw syl
jendabanö pusto (pys.)
jendabanö söröko vy.
töri syrö morena.
ton sylöquw—
töri salöba tanzine.
xojni sylöquw,
töri pö parid'e.
jevanzö vy,
mörinanö laptö.
janad sylöquw,—
töri jily salöbö.
nuwna sylöquw.—
tir mörina.
jevanzö vy!

- Самоеды живут на севере.
2. pydu jamdöröbi nide-jawnö, arkö-jawnö,
они кочуют на Малой тундре, Большой тундре
 3. pydu tamnö jile xehe-jahanö, jedöj-jahanö-i
они еще живут на Вайгаче, на Новой Земле и
pö-tahanö,
за Камнем (Урал. горами).
 4. mal nenča jamdöröbi töhöpö,
все Самоеды кочуют на оленях.
 5. nenča-ročöñö tanä sovojilene-i vijilene.
среди Самоедов есть богатые и бедняки.
 6. nenča jile xartu mjaköñö,
Самоеды живут в своих чумах.
 7. mjadu mjambi ne',
чум строят (ставят) женщины.
 8. nenča rowogčö qaiböj čamzöm, xalem-i paam,
Самоеды едят сырое мясо, рыбу и хлеб.
 9. pydu čörpi ty-vöjem,
они пьют оленью кровь.
 10. xawovo' möčö mälčem' ne'—rapum,
мужчины носят малицы, женщины—паницу.
 11. čöhönandu möčö pili ty-penhat.
на ногах носят обувь из оленьих лап.
 12. nenča xadöbi nohon, ton, sarmiköñ. xebide-i čani
Самоеды ловят песцов, лисиц, волков, медведей и других
sarmik
зверей
 13. jawhewhewö-jilene nenča xadöbi čattim, päkm,
у моря живущие Самоеды бьют мор. зайца, нерпу,
tiwtejm-i, jaw-xebide,
моржа и белого медведя.
 14. tagem nenča jile.
так Самоеды живут.

ПРИМЕЧАНИЯ.

Страна и население.

- ¹⁾ А. Н. Макейков—Какие народы живут в России, М. 1919, стр. 62.
²⁾ Тундры Арханг. губ. и Авт. обл. Коми. Арх. 1924, стр. 15. ³⁾ Отчет
Тобольского окрисполкома, Тоб. 1924, стр. 3. ⁴⁾ Народность и родной
язык. Кратк. сводки переписи 17 дек. 1926 г. Изд. Ц. С. У. М. 1928,
вып. IV, и „Северный район“, Ц. С. У. М. 1928. ⁵⁾ Тундры, стр. 15.
⁶⁾ Прибавление сделано мною. ⁷⁾ Шренк, А. Путешествия, т. I, стр. 565.
⁸⁾ Материалы для геогр. и стат. опис. России. Арх. губерния. СПб.
1865, стр. 114. ⁹⁾ Жилинский—По Сам. берегу, Арх. 1919, стр. 22.
¹⁰⁾ Патканов, С. К. Список Народностей, КИПС. Петргр. 1923, стр. 4.
¹¹⁾ Руденко, С. Антропол. исследов. Инор. Сев.-Зан. Сибири. Петргр.
1914, стр. 20, 25—26.

Прародина, язык и самоназвание.

- ¹⁾ Castren, A. M. Kleinere Schriften, I, стр. 119. ²⁾ Штернберг,
Л. Я.—Кастрен—алтаист и этнограф. Сб. памяти М. А. Кастрена. Л.
1927, стр. 47. ³⁾ Штернберг, цит. соч., стр. 48. ⁴⁾ Hehn Der Kunst d. sib.
Völkern. L. 1921, стр. 137. ⁵⁾ Н. П. Поппе-Кастрен-исследователь Само-
едов, сб. им. Кастрена, стр. 73. ⁶⁾ Кастрен—Путешествие, М. 1860,
стр. 473. ⁷⁾ Castren Grammatik d. Samojedischen Sprache, СПб. 1854.
⁸⁾ Setälä-Zur Frage der Verw. der fin-ugr. und Samojed. Sprachen JSFO.
XXX 1913—18. ⁹⁾ Heiki Paasonen-Ostjak. Wörthb. H. 1926, 29. A. Ahl-
qvist-Wog. Wörterverzeichnis, H. 1891, 12. ¹⁰⁾ A. Schrenk, I, стр. 552.
¹¹⁾ Фишер, Sib. Geschichte, т. I, стр. 118. ¹²⁾ Ив. Лепехин—Путеше-
ствия, ч. IV, стр. 218. ¹³⁾ Lehrberg-Untersichte über ält. Geschichte d.
Russlands, стр. 64. ¹⁴⁾ Шренк, т. I, стр. 556. ¹⁵⁾ Георги. Описание наро-
дов, ч. III, стр. 4. ¹⁶⁾ Носилов, К. Д. На Новой земле. СПб. 1903,
стр. 326. ¹⁷⁾ Крутковский В. М. Очерки Турух. края. 1898. ¹⁸⁾ А. А.
Борисов—У Самоедов, стр. 72—79.

История.

- ¹⁾ Летопись Нестора по письм. списку, стр. 145, 146. ²⁾ „Летописи“
т. III, 133. ³⁾ Истор. сочин. Иоанна Плато-Карпини. СПб. 1825, стр. 159.
⁴⁾ А. Н. Пыпин—Ист. рус. Этнографии, т. 4, стр. 185. ⁵⁾ Анучин К.
История ознак. с Сибирью до Ермака. М. 1890. ⁶⁾ Текст взят мною
из упом. кн. Д. Н. Анучина, стр. 6—12. Знак выделения, скобки () и
слова в скобках введены в текст Д. Н. Анучина мною. ⁷⁾ Платонов.
С. Ф. Прошлое Русск. Севера. ПТР. 1923, стр. 72. ⁸⁾ Анучин, стр. 46.

...не сохранилось в рукописном сборнике Соловецкой библиотеки. Сборник в 1890 г. хранился в Духовной академии в г. Казани.

14) Сообщение Самоедки У. В. Ледковой. 15) Платонов, цит. соч., стр. 10. О термине „нотько“ см. мою Древний Зыр. деп. вчети „Этнограф.-исследователь“ № 1, стр. 17. 1927. Ленингр. 16) „Житие св. Степана“ написанное Епифанием Премудрым, СПб. 1897, стр. 9. 17) Карамзин Ист. Гос. Росс., т. 6, стр. 181. Изд. журн. „Север“ СПб. 1892. 18) Карамзин, т. 6, стр. 181—182. 19) СИБ. Летопись, СПб. 1907, стр. 7. 20) Бахрушин, С. В. Ист. оч. засел. Сибири „Об. очерки по ист. колонизации Севера в Сибири“, в. 2. П. 1922, стр. 24—25. 21) Платонов, цит. соч., стр. 75. 22) Акты Археогр. Эксп. т. I, стр. 182—4. 23) Пропуск в документе см. Акты А. Э., стр. 182, в. I. 24) Акты исторические, т. II, стр. 466. 25) Акты исторические т. II, стр. 27. 26) Акты Арх. Эксп. т. III, стр. 180 и 220. 27) Акты исторические т. V, стр. 7 и 366. 28) Тоже, стр. 7, 366. 29) Акты Арх. Эксп. т. IV, 445. 30) Г. Старцев—Остяки. Л.-д. 1928, стр. 131—136. 31) По моим записям от Самоедки У. Ледковой. 32) Иславин, Самоеды. СПб. 1847, стр. 19. 33) Карамзин, в. IX, прим. 670. 34) Иславин, стр. 20. 35) Бартенев, В. На крайнем Северо-западе Сибири, стр. 134. 36) Дунин-Горкавич, Тобольский север, т. I, стр. 123—124. 37) Ефименко, Л. А. Юридич. обычаи. Сб. „Нар. юридич. обычаев“. СПб. 1878, т. I, стр. 161—162. 38) Полн. Собр. Зак., т. IV, 369—374. 39) Тоже, т. 21, стр. 508 и 511. 40) П. Кеппен, Хронолог. указатель, стр. 416. 41) Этно. сб., в. IV, стр. 53, СПб. 1858. 42) Платонов, ц. соч. 72—73. 43) *ibid*, стр. 79. 44) *ibid*, стр. 73. 45) Ефименко, Завол. Чудь. Арх. 1869, стр. 84. 46) Описание Санкт-Петербурга и Кроншлота в 1710—11 годах. Перев. с нем., изд. Импер. публ. б-ки, СПб. 1860, стр. 33. 47) *ibidem*. 33, см. также П. Н. Столпянский—Старый Петербург. 1915, стр. 27. 48) „Русский архив“ за 1872 г., № 6. Москва. 49) Петр Великий на Севере, сб. под ред. А. Ф. Шидловского. Арх. 1909, стр. 154. См. еще „Москвитянин“. 1842, ч. VI, № 12, стр. 396; Арханг. губ. вед. 1876, № 4 и „Русский архив“ № 7. М. 1872, стр. 1333. 50) Со слов самоедов Ядвие, Ледковой и Талеевой. См. также К. Ф. Жаков ТОГАЙ—„Под шум сев. ветра“. СПб. 1913, стр. 145—158. 51) Лажечников. И. И. Медной дом. 1835, I изд. и 1928. 52) Материалы для истории Ак. Наук. СПб. 1887, т. IV, стр. 276—278, 367—368. 53) П. Столпянский—Улыбки и гримасы старого Петербурга „Новости“ (газ.) 9—IV—1923. 54) „Ведомости СПб. полиции“ за 1848 г., № 40. 55) Столпянский—Улыбки. 56) Он-же. 57) Некрасов—крещенские морозы. 58) Этногр. сб. IV, 69. 59) Полн. Собр. Зак., т. 39. 60) Этно. сб., стр. 72. 61) Тоже, 53, 54. 62) Мартынов, С. В. Печорский край, СПб. 1905, стр. 25. 63) К. Шабунин. См. Зеленин—Описание рукописей учев. Архива Р. Г. О., т. I, 1914, стр. 18. 64) Зеленин, Д. К. „Описание“, стр. 17. 65) Бартенев, цит. соч. 65. 66) Советский Север, т. I, изд. К-та Севера. М. 1929, стр. 229.

Жилище.

- 1) Примеч. СПб. Ведом. 1832, стр. 116. 2) Носилов, цит. соч. 269. 3) Анушин, ц. соч., стр. 50. 4) Перфильев.—Краткий очерк самоедского быта на острове Колгуеве. „Северное хозяйство“. Арх. 1928, стр. 88. 5) Он-же. стр. 88.

Одежда.

Пища и напитки.

- 1) Енисейская Летопись в „СИБ. Летописи“, СПб. 1907, стр. 212.
2) Перфильев, 89. 3) См. описание еды в романе Милли Кэзеркетт-Самоводь, стр. 38. 4) Шренк, I, 481. 5) Жилинский, цит. соч., стр. 21.

Письмо. Бирка.

- 1) К. Вейде—От бирки до алфавита. М. 1923, стр. 88. 2) Г. Старцев—Остяки, стр. 43—44. 3) Иславин, ц. соч., 45. 4) Лепехин. Пут. т. IV, стр. 285—8.

Занятия в хозяйстве и промыслы.

- 1) А. Архипова—село Кольва. Журн. „Комп-му“, 1925, № 10—11, стр. 111. Устьемосольск. 2) Пер. Б.—Поселки на р. Усе. Изв. Арх. Общ. из Р. С. 1910, № 14, стр. 17—20. 3) Захаров. Тундра. М. 1928, стр. 16. 4) Перфильев, цит. соч. 90—91. 5) Иславин, 41. 6) Г. Старцев—Голосневода. Комп-му № 4—5, 1927, стр. 38. 7) Тундры, 22. 8) Тундры, стр. 22. 9) Шренк, I, 246. 10) Н. Трескин—Северный край, стр. 30—31. 11) А. Н. Максимов—Происхождение оленеводства. „Ученые Записки“ Ин-та Истории, т. 6, 1928, стр. 18. М. 12) *ibid*, 27—28.

Родовой строй.

- 1) П. Козлов, материалы, стр. 269 и Этн. сб. IV, стр. 51—52.
2) Г. Старцев—Остяки—стр. 55—58. 3) Шренк, I, 561 и сл. 4) А. Дувян-Горкавич—Тоб. север, т. I, стр. 106—116. 5) Акты Археограф. Экспед. т. IV, 445. 6) П. Анисимов—Сиб.-Яптино. Комп-му № 9, 1927.

Семейная жизнь.

- 1) Лепехин, IV, 25. 2) Перфильев, 84. 3) Примеч. СИБ. Вед. 1833, стр. 141.

Свадьба.

- 1) Куроптев, А. В. Свадебные обряды Самоедов сб. „Природа и люди севера“ М. 1. 1927. Арх., стр. 20—21. 2) Воронов—Юридические обычаи Самоедов. Сб. Нар. Юрид. обычаев. СПб. 1900, т. II, стр. 8. 3) Кастрен, Путешествие, 141. 4) Перфильев, 87.

Магня.

- 1) Шренк, I, 362. 2) Аналог сюжеты у Купчелевского, Передольского, см. Ланскафель.—Азиатские расы, стр. 140. 3) Г. Старцев—Влия-

Боги, духи и жертвы.

- 1) П. Харузин, Этнография, IV, стр. 44. 2) и 3) T. Lehtisalo Ent-
wurf einer Mythologie der Lurak-Samojeden, Helsinki, 1924, стр. 14.
4) Лангкафель, 140. 5) Кастрен, Пут. 129—130. 6) *ibid.*, 130. 7) Эд. Бер-
дэр—Первобытная культура, СПб. 1896, стр. 253. 8) Этн. сб. IV, 266.
9) Кастрен—Пут. 206. 10) Житков, В. М.—Полуостров Ямал, стр. 228.
11) Шренк, I, 317. 12) А. Борисов, ц. соч. стр. 117—118. 13) Иславни, 65.
14) Этн. сб. IV, 65. 15) Н. Перфильев, ц. соч. стр. 85.

Шаманы.

- 1) Этн. сб. IV, 288. 2) Кастрен. Пут. 125. 3) Сообщение Колвин-
ского Самоода Мих. Хатанзейского. 4) Сообщение студента Л. Г. У.
Семерикова. 5) Иславни, 110. 6) Он-же, 111—112. 7) Сообщение сам.
У. В. Лодковой. 8) Кастрен. Пут., стр. 168—169. 9) Шренк, I, 361.
10) Кастрен, Пут. 124. 11) Н. Харузин—Этнография, IV, стр. 395 и след.
12) Перфильев, 85. 13) Этн. сб. IV, стр. 60. 14) Кастрен, Пут. 289.
15) Шренк, I, 349. 16) Иславни, 113. 17) К. Шабунин, ц. соч. 22.
18) Перфильев, 85. 19) Примеч. СПб. Вед. стр. 141. 20) Кастрен, 126.
21) Этн. сб. IV, стр. 60.

Отношение к покойнику.

- 1) Житков, ц. соч. 230. 2) Шренк, I, стр. 470. 3) Перфильев, 88.
4) Житков, 230. 5) Перфильев, 88. 6) Иславни, 136. 7) Носилов, ц. с.
397. 8) и 9) Иславни, 137. 10) Лангкафель, стр. 143. 11) George Frazer—
The golden bough. A study in magic and religion. London, 1925, p. 251,
сокр. изд.

Игры.

- 1) Примеч. СПб. Ведом. 1832, стр. 148. 2) Перфильев, стр. 86.
3) Шренк, I, стр. 392—393.

Библиография.

- Абрамов, Н. А. Описание Березовского края. Зап. Русск. Геогр. Общ. XII, 1857.
- Аделунга. Материалы по Самоедскому языку (рукопись в Акад. Наук, Ленинград).
- Александров, Н. Народы России. Пустыни Севера и их обитатели. М. 1875.
- Александров, Н. А. Народы России. Детское чтение. 1871, т. V, стр. 313—332, 369—390.
- Александров, Н. Таймырская земля и Сибирские самоеды. Дет. чтение. 1871, т. VI, № 11.
- Андреев, Я. Песня обитателей Томской губ. I. Песни Сибир. Самоедов «Том. Губ. Вед.» 1860, № 49.
- Ануфриев, Ив. О переносе в тундрах в 1920. «Сев. Хоз.», № 3, 1925.
- Анучин, Н. И. Вымирающее племя «Природа и люди», 1911.
- Анучин, Д. Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. Древн. русское сказание «о человецах незнаемых в восточной стране». Архел. этнограф. этюд М. 1890.
- Ануфриев, И. Новоземельская зима. «Известия Арханг. Об-ва изучения Рус. Севера» 1911.
- Арзанитаки, Е. О северных холодных странах. Петроград (год не указан).
- Арефьев, В. Енисейские инородцы. Извуд. очерки. «Сибирский Сборник». 1902. Иркутск. 1902.
- Аристов, А. Самоеды. «Друг народа». 1871, № 6, 7 и 10.
- Архангельские Самоеды. Лекция Н. Д. Козьмина. «Иран. Вестник» 1912, № 276.
- Архангельский Сборник. Материалы для описания Архангельской губ. Арх. 1863 и 1865.
- Архангельский край. Под ред. А. Ф. Сокодова. СПб. 1904. Изд. 5-е.
- Архипова, А. Село Колва. Коми-му 1925, № 10—11.
- Бабушкин, А. И. Самоеды (Яраны). Сб. «Коми область», ч. I, г. Устьысольск 1926.
- Бабушкин, А. И. Тундровое хозяйство. Сб. «Коми Область», 1926, г. Устьысольск.
- Бартенев, В. На крайнем северо-западе Сибири (очерки Обдорского края) СПб. 1896.
- Белявский, Фр. Посадка в Ледовитому морю. М. 1833.
- Б-ер, М. На дальнем севере (И. Вилка) «Предиспроверский край», 1911, № 4340.
- Берх, В. О времени открытия россиянами Ледов. моря. «Вестник Европы».

Богуслав, И. Большой Земли и обшир-
ные промыслы. Труды Имп. Вольно-
экон. Об-ва 1848. ч. 2, отд. 2, 1849.
— 1, отд. 2.

Борисов, А. А. (художник). У Самоедов.
СПБ. 1910. (?)

Борисов, А. Художественная экскурсия
по Большеземельской тундре и на
о. Вайгач. «Искусство и худож. про-
мышленность», № 6, 1899.

Брак у Самоедов. «Миссионер» 1876,
№ 27, «Живопис. обзор» 1876, № 22.

Брем, А. Жизнь на севере и юге. М.
1923.

Букварь для Самоедов, живущих в Архан-
гельской губернии. Изд. Миссион.
Об-ва, Архангельск, 1895.

Быков, А. За полярным кругом. «Изв.
Арх. О. П. Р. С.» № 16, 18, 19, 20,
21, 22, 23. 1910.

Вада-Хасово. Самоедская сказка (на
Самосед. яз. с переводом). Нов. Ежем.
соч. 1787, июнь.

Вениамин. Записки об обращении Мезен-
ских Самоедов. Христ. Чтение. 1850.

Вениамин. Обращение в христианство
Мезенских самоедов в 1825—30 г.
Зап. Христианское Чтение, 1850, ч. 2.

Вениамин. Образ жизни Мезенских са-
моедов. Арх. губ. вед. 1850, № 50, 51.

Вениамин, архим. Самоеды мезенские.
Арх. губ. вед. 1849, № 1—13.

Вениамин (архим.) Самоеды Мезенские.
«Вестник» Рус. Геогр. Об-ва 1855.

Вениамин. Грамматика Самоедского язы-
ка (рукопись в Библиотеке Ак. Наук,
Ленинград). 1842.

Верещагин, В. Самоеды. Звездочка 1848.
ч. 25 и 26.

Верещагин, В. Очерки Архангельской губ.
СПБ. 1849.

Верещагин, Ф. Самоед-ученик. Арх. губ.
вед. 1893, № 27.

Виноградов, З. Песни детей нашего Се-

верия. «Хозяйство» № 3, 1923, Арх.

Воропай, И. М. Тундра и ее обитатели.
Журн. Природа и Охота № 1—8.
1901.

Воропай, И. По Оби до Северного океана
и обратно через Б. З. Т.

— Природа и охота. 1899. № 9, 1900.
№ 5—12.

Врадий, В. П. Остров Новая земля.
«Московский листок» № 17, 1911.

Выборов, В. П. Самоедское просвещение.
Жур. «Комп. Просвещенец». 1926.
№ 2.

Выборов, В. П. Школы в тундре. «Комп.
просвещенец» № 9 28, № 3 (9).

Вылка, И. Записки на Повой Земле.
Известия Арх. О. П. Р. И. № 3—4,
1918.

Выписка из известия о состоянии и не-
которых обрядах Пуенозерских Самое-
дов. Нов. Еж. Соч. 1790, апрель.
Ч. 46.

Выписка из письма архим. Вениамина
(об идолах). Отеч. Зап. 1828, ч. 35.

Гартвиг, Георг Д-р. Природа и человек
на крайнем севере. СПб. 1897.

Георги. Описание всех обитающих
в Российском Государстве народов,
ч. III, СПб. 1799.

Голубцов, Н. Самоеды Тиманской и Ка-
нинской тундры (по переписи 1897)
«Памятная кн.» Арх. губ. Арх. 1908.

Голубцов, Н. Вопрос об управлении
Самоедами. Изв. Арх. О. П. Р. С.
1909, № 3, 4, 6 и 9.

Городков, Н. Самоеды Нарымского края.
«Томские Епарх. Вед.» № 18 и 24.
1888.

Гофман, Э. Северный Урал и береговой
хребет Пай-Хой. пер. с нем. «Изв.
Рус. Геогр. Об-ва», т. II, 1856,
СПБ.

Григоровский, Н. Илья (сказка. Обещан-

- Два вымирающих племена северной Сибири (Самоеды и Остакы) Всемирный Путешественник. 1876. № 1.
- Два месяца между Самоедами. Семейные вечера 1866, № 9, 10, 11.
- Де-Ламартиньер (граф Р.-М. de la Martinière). Путешествие в Северные Страны. (1653 г.; о Самоедах, Лапландцах и др.) перев. В. П. Семеновича. Изд. Моск. Археол. Ин-та. М. 1911.
- Денгин, А. Ручная ловля самоедами лосей. «Вол. Губ. Вед.» 1844. № 10. Сев. веча 1844, № 68.
- Дудоров, П. В Тундрах (рассказы и очерки о лопарях, самоедах и зырянах). М. 1914.
- Дунин-Горкавич, А. А. Русско-остинко-самоедский практический словарь. Тобольск 1910.
- Дунин-Горкавич, А. А. Тобольский Север, т. I—1901, СПб. т. II—1910. Тоб. т. III—1911. Тобольск.
- Дунин-Горкавич, А. А. Очерк народностей Тобольского Севера. «Изв. Имп. Рус. Геогр. Об-ва, вып. I—II, 1904. СПб.
- Дьячков, А. Предварительные итоги переписи населения 1926, по Архангельской губернии. Сев. хоз-во № 1—2. 1927. Арх.
- Дьячков, Н. А. Приуральский край, его население и минеральные богатства, М. 1901.
- Егоров, Ив. Книга самоедским детям. Изд. Тобольского комитета православн. миссионерского общества. Тобольск 1899 (15 стр.).
- Езерский. Милый-Самоядь (закон Нума). Роман. М. 1928.
- Ефименко, А. Я. Юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов Архангельской губ. «Записки» по отделу Этнографии Географич. Общ-ва, т. VIII. СПб. 1878.
- Ефименко, П. Записка о лесных самоедах. «Арх. Губ. Вед.» № 1870. № 7.
- Ефименко, А. Из воспоминаний детства (самоеды). Сем. Веч. 1873, № 1.
- Ешевский. Русская колонизация северо-восточного края. Сочинения, М. 1870, т. III.
- Жаков, В. Тогай. «Вестник Знания» 1910, № 10 и сб. «Под шум сов. вятра» II. 1913. «Северное Утро» 1911, № 93, 98, 100, 102.
- Жилинский, А. К. По Самоедскому берегу. Арх. 1923.
- Жилинский, А. К вопросу об охране Самоедов. «Сев. хоз-во». Арх. 1923, № 9.
- Жилинский, А. К вопросу о спорах оленеводов Канинской тундры. «Сев. хоз-во» Арх. 1923, № 1.
- Жилинский, А. А. Крайний Север Европейской России. Петреград. 1919.
- Житков, В. Новая Земля. М. 1913.
- Житков, Б. М. Наш Крайний Север. Изд. 2-е, сокр. М. 1924.
- Житков, Б. По Канинской тундре. Записки Р. Г. Общ-ва, XLII.
- Житков, Б. и Бугурлин, С. По Северу России. Отчет. «Землеведение» 1906.
- Житков, Б. М. Полуостров Лудал. Зап. Р. Г. О. СПб. 1913.
- Журавский, А. Самоедское право. «Арх. Губ. Вед.» 1908, № 198, 200. Отд. отт. 1908.
- Журавский, А. Из быта и культа печорских Самоедов. Изв. Арх. О. И. Р. С. 1909, № 14 и 15.
- Журавский, А. К Самоедскому вопросу. Изв. Арх. О. И. Р. С. 1909, № 12.
- Журавский, А. В. Европейский Русский Север. Архангельск, 1911.
- Журавский, А. Ели-ли себя Самоеды.

...местности. Губ. межд. о
...лющем народе наз. Манды и
...мояды. Н. Бж. соч. 751. 1790.
...ринский, М. Вайгач «Арх. Губ. Вед.»,
1846, № 30.

Захаров, А. Тундра, очерк из жизни
Зырин и Самоедов. 2-е изд. М. 1928.
Здравоохранение Самоедов. Сев. Хоз-во
№ 3. 1927.

Зюграф, Н. Ю. Антропологический очерк
Самоедов. «Антропологическая Вы-
ставка», т. II.

Зюграф, Н. Ю. Антропол. очерк
Самоедов. Изв. Об-ва Люб. Е. Н. Этно.
1878—9, т. 33.

Иванов, Пр. К истории Самоедов. «Арх.
Губ. Вед. 1869, № 33.

Иванов и Бережных. Опись берегов Сев.
океана от Каппина Носа до Обдорска,
1826—1828. «Записки Гидрогр. Деп.
Мор. Мин-ва», 1847, ч. 5.

Ивановский, А. А. Об антропологическом
составе населения России. «Известия
Общ. Любит. Ест. Антроп. и Этно-
графии при Моск. Университете».
Труды Антропол. Отдела. т. XXII.

Идолы и жертвоприношения Сибирских
Самоедов. «Ярослв. Еп. Вед.» 1884,
стр. 16.

Ижемцы и Самоеды на ярмарке. Пантеон
и репертуар 1851, т. 3, № 5.

Из Самоедской жизни. «Изв. Арх. Общ.
Изуч. Рус. Севера». № 7, 1909.
Арханг.

Извозный промысел Самоедов. Сев.
хоз-во № 3. 1927.

Измайлов, А. О Самоедах и оленях.
Маяк, 1844, т. XV, кн. 29.

Измайлов. О Самоедах и оленях. «Сла-
вянин», т. 12, № 52, 1829.

И-их, В. Бродячие инородцы. Самоеды.
Чтение для солдат, 1867, № 6 и
«Мирск. Вестн.», 1867, № 9.

Измайлов, А. Инородческие судья

общественном быту. СПб. 1847.

Иринарх - Обдорский. Хронологический
обзор достопамятных событий в Бере-
зовском крае, Тобольской губ. (1832—
1910) «Православный Благовестник»
1911, № 19.

История плаваний россиян из рек Си-
бирских в Ледов. море. «Сибирь
Вестник». 1821, ч. 15, 16—19.
(о Самоод. земле).

Ишимов. На Оби. Описание Самоедского
стана. «Казан. Биржевой Листок»,
1890, № 97 и 132.

Ялинин, А. На диком севере. «Ежеме-
сячный журнал» 1915, № 7.

Калинин, И. М. О распространении
Самоедов в прошлом. Изв. Р. Г. Р. Г. О.
т. LXI, в. I. 1929.

Кастрен, М. А. Русские Самоеды. «Сов-
ременник» № 10, 1846.

Кастрен, М. А. Путешествие по Лаплан-
дии Северной России и Сибири (Ма-
газин землеведения и путешествий).
Географич. сборник Н. Фролова,
т. VI 1860. Москва.

Катабанов, А. Самоеды. Военн. Энцикл.
Лексов, т. 9. Изд. 2-е.

Келлен, П. Хронологический указатель
материалов для истории инородцев
Европейской России. СПб. 1891.

Керцелли, С. В. По Большеземельской
Тундре с кочевниками. Архангельск.
1911.

Керцелли, Н. Г. Несколько слов о Ме-
зевских Самоедах. Изв. Об-ва Люб.
Е. А. и Этно. 1874, т. XIII, в. I кн.

Ковальский, М. Север. СПб. 1853.

Козьмин, Н. К материалам по истории
просвещения Самоедов. (1823—1829).
«Арх. Губ. Вед.», 1911, № 109.

Козьмин, Н. Архангельские Самоеды.
СПб 1913.

Козьмин, Н. Д. На Новой Земле. А.
1845. Изв. из «Арх. Парх. Вед.»

- Томской губернии (Сборник историко-статистических сведений о Сибири), т. I, ч. I и II, 1875.
- Костров [ни.]. Очерки Туруханского края. Зап. Сиб. Отд. Геогр. Общ-ва, IV, 1857.
- Костров, Н. Обзор. Эти. свед. О сам. племенах, обит. в Сибири. Труды 3-го Межд-н. Съезда ориенталистов, 1876, т. I.
- Краткое описание образа жизни Самоедов и Лопарей, народов, обитающих в Сибири. СПб. 1788.
- Крестинин, В. Краткое известие о земле самоедской и состоянии Самоедов, обитающих в Архангелогородском наместничестве. «Новые Ежемесячные Сочинения», ч. 2, авг. 1786.
- Крестинин. Самоеды Большеземельской Тундры. Их быт и хозяйство. Изв. Арх. Об-ва Науч. Рус. Сев. 1919.
- Крестинин. Рассуждение о начале и происхождении Самоедов. Нов. Ежемес. Соч. 1786, ч. 6. 1787, ч. 7. 1789, ч. 8.
- Крестинин. Вопросы и ответы, касающиеся до Самоедов Нов. Еж. Соч. 1787, март.
- Кривошапкин, М. Об оленях, тунгусах и прочих инородцах Енис. Округа Зап. Сиб. Отд. Геогр. Общ. VI. 1863.
- Кривошапкин, М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. Зап. Геогр. Об-ва 1865, СПб.
- Крутиковский, В. М. Очерки Туруханского края. Ежегодник Тобол. музеи. 1898.
- Кудеси или колдовство Самоедов. «Современник» 1846, т. 44 и От. Зап. 1830, ч. 41.
- Кузнецов, Е. О верованиях и обрядах Самоедов. «Тоб. Губ. Вед.» 1868. № 4 и 5.
- Кулик, Н. Предварительный отчет по поездке в Большеземельскую Тундру. Куроптев, А. В. Сводные описания самоедов. «Природа и люди Севера». Сб. I, Арх. 1927.
- Кушелевский, Ю. И. Северный полюс и земля. Ямал. СПб. 1868.
- Лангнафель. Азиатские Расы. Перевод с нем., под ред. В. В. Передельского. СПб. 1902.
- Лапландцы и Самоеды. Всемирная иллюстрация. 1870. № 63.
- Латкин, В. Н. Заметки о Самоедах (из дорожного дневника) Журн. Мин. Вн. Дел № 7, 1844.
- Левинец - Павловский. О самоедах. Москвитянин. 1855, т. 5. № 17—18.
- Легатов, Ил. К сведениям о попытке составления переводов на Самоедский язык некот св. и др. книг. «Арх. Губ. Вед.» 1897, № 7, 9, 11, 15, 16 и 18.
- Леонов, Н. И. Туземные советы в тайге и тундрах. М. 1928, см. реценз. С. Козлова в Комм-му, № 67, 1929.
- Леонов, Н. По следам оленей (рассказ). М. 1927.
- Лелехин, И. Дневные записки.
- Летопись Двинская. М. 1895.
- Линк, И. Обдорск (из пут. Д-ра Эрмана) Ж. М. Вн. Д. 1835, ч. 17, № 7, (40—57).
- Лович, Р. Илья Вылка. Газ. «Архангельск» 1911, № 114.
- Лопарев, П. Мифологии остяков и самоедов. Инс-Хэн. Ж. «Наш Край» № 1 и 3, 1924. Тобольск.
- Лохтин, В. Северная тундра и ее обитатели. «Россия» 1911.
- Луневич, В. Тайга и Тундра. СПб. 1908.
- Львов, Вл. Новая Земля, природа, животный мир, промыслы и население. М. 1910.
- Львов, В. Самоеды. Госиздат, 1923 (7-е издание).

- Львов, В. Новая Земля. (см. Промыслы и население). М. 1914.
- Львова, Л. На своих ногах (из быта самоедов). Книга за книгой. СПб. 1910, № 136, с рис.
- Любов. Защита Самоеда, помогите ему. «Архангельск» 1911, № 5.
- Макнавеев, Мих. Никола — «рыбак» (из Самоедской жизни). Газ. «Возбожник» 1926.
- Максимов, А. Н. К вопросу о тотемизме у народов Сибири. Учен. записки Ин-та Истории, № 1927, № 6.
- Максимов, А. Н. Скотоводство у малокультурных народов. Учен. записки Ин-та Истории, т. 2, 1927.
- Максимов, А. Н. Происхождение оленеводства. Ученые записки Ин-та Истории, № 6, Ранний, М. 1928.
- Максимов, А. Н. Какие народы живут в России. Москва, 1919.
- Максимов, С. Год на Севере. СПб. 1864. (несколько изданий).
- Мартынов, С. В. Печорский Край. СПб. 1905.
- Марциновский, В. И. Антропологическое исследование черепа Самоедки. «Арх. Губ. Вед.» 1890, № 12.
- Материалы по исследованию Новой Земли. Мин. Земледелия, П. 1910—1911.
- Мезенские Самоеды. Ласточка, 1859, № 4 и 5.
- Мерлин, Н. Самоеды. «Мирск. Вести.», 1877, № 9.
- Миддендорф, А. Путешествие на север и восток Сибири, ч. II, СПб. 1878.
- Митусова, Р. Год среди лесного народа. «Вокруг Света» № 9, 11 и 12, 1929. Ленинград.
- Михайлов, А. Очерки природы и быта Беломорского края России. Охота и земледелие. Волог. губ. в 1846, № 4.
- Малчанов, Козма. Описание Архангельской губ. П. 1896.
- Мордвинов, А. Иностранцы обитающие в Туруханском крае. Вести. Геогр. Об-ва. XXVIII, 1860.
- На новой земле (смерть Андрея Вылки). Газ. «Архангельск» 1912, № 24.
- Нансен, Фритиоф. Во мраке ночи и во льдах. П. 1901.
- Народное образование Самоедов. Сев. хоз-во. Арх. 1927, № 3.
- Народы России. (Краткие объяснит. очерки к Художественно-Этнографич. Альбому, изданному под ред. Н. А. Янчука). Москва, 1905.
- Незский, З. Поездка в чумы. «Арх. Еп. Вед.», 1906, № 147.
- Незский, П. К историческим сведениям об обращении Самоедов Арх. епархии в христианство. «Арх. Еп. Вед.», 1910, № 2, 4.
- Некоторые сведения об Обдорских инородцах и стране ими обитаемой. «Губ. Губ. Вед.», 1861, № 16.
- Немирович-Данченко, В. И. Племена Глухих Углов. 2-е изд. М. (год не указан).
- Неруч. Кто такие самоеды, где и как они живут. «Мирское слово», 1866, т. 17, № 6.
- Нечто об ижемцах и самоедах. «Фин. Вед.», 1846, т. 8 и журн. для чтения воен. в уч. зов. 1846, т. 60.
- Никольский. О Самоедах. Москвитини, 1843, № 12. журн. М-ва Нар. Просв. 1844, кн. VI.
- Никольский, И. О самоедах или «савмондах». «Москвитини», 1843, ч. 6, № 12.
- Никольский, И. О происхождении и значении слова Самоед. «Арх. Губ. Вед.», 1843, № 42.

Новосилов, А. Н. На низовых Печорах. Изв. Р. Г. О. 1901, т. 37.

Носилов, К. Д. Тундра и ее обитатели. «Вокруг Света» № 18—22 и 24—25, 1896.

Носилов, К. Д. На Новой Земле, (черски и наброски). СПб. 1903.

Носилов, К. По берегу Карского моря. «Естествознание и География», 1911, № 6, 7 и 8.

Носилов, К. Д. Юдик (из жизни Самоедов на Нов. Земле). М. 1911.

Носилов, К. На Диком Севере. М. 1913.

Носилов, К. Д. Ганя Логан. М. 1915.

Нынешнее состояние инородцев Арх. губернии. «Арх. Губ. Вед.», 1867, № 19, 28 и 30.

О мерах к улучшению быта Самоедов. «Арх. Губ. Вед.», 1868, № 26.

О Самоедах, живущих в Мезенском уезде. Арх. губ. вед. 1839, №№ 40—43.

О самоедах. «Примечания на (СПБ.) Ведомости», ч. 28, 29, 30 и 31 за 1732, стр. 137—152.

О самоедах и калмыках. Ж. М. Гос. им. 1851, № 1 и 2; Вестник Р. Г. О. 1851, ч. I.

О самоедах. Историч., генеалогич. и географич. примечания к СПб. ведомостям 1732, ч. 28, 29, 30, 31 и 32.

О хозяйстве Самоедов. Нов. Ежемесячн. Соч. 1786.

Образцы народной литературы самоедов. «Тоб. Губ. Вед.» 1881, № 40—51; 1882—№ 2 и 3.

О взаимоотношениях Самоедов и Зырян в Канинской тундре. Сев. хоз-во, 1923, № 3, Арх.

Оксенов, А. Сношения Новгорода Великого с югорской землей. «Литературн. Сборник» под ред. Н. М. Ядринцева. СПб. 1885.

Остров Колгуев. Жизнь Самоедов. «Арх. Губ. Вед.» 1886, № 106.

Остров Колгуев и школа. «Арх. Губ. Вед.» № 9, 11, 12, 1915.

Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского Государства, ч. III. (СПБ. 1773—1788).

Памятные книжки Арх. губернии до 1914.

Патканов, С. К. Список народностей Сибири. Изд. Акад. Наук. Петроград, 1923.

Патканов, С. К. О приросте инородческого населения Сибири. Стат. материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. Изд. Акад. Наук. 1911, I.

Патканов, С. К. О приросте инородческого населения Сибири (Ежегодник России, 1907).

Патканов, С. К. Волости и населенные места. 10 вып. Томская губ. 1893. (изд. Центр. Стат. Комитета).

Патканов, С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. Записки Рус. Геогр. Об-ва, по Отд. Статистики, т. XI.

Патканов, С. К. Материалы для изучения эконом. быта гос. крестьян и инородцев Зап. Сибири (изд. Мин. Гос. Имуществ).

Пер. Б. Поселки на р. Усе и ее притоках. Изв. А. О. И. Р. С. № 14, 1910.

Первый год работы самоедской школы. Коми - Просвещенец, 1927, № 6. Устьемс.

Переплетчиков, В. Художник Тырко Вилка. Журнал «Путь», февраль, 1912, газета «Северное Утро», № 46, 1912.

Перфильев, Н. Краткий очерк самоедского быта на о-ве Колгуеве. «Северное Хозяйство». Арх. 1928.

Платон. Письма о Самоедах в Костроме. «Моск. Вед.», 1831, № 36.

Павлов, Н. Самоеды Большеземельской и Малоземельской тундры (по данным переписи 1921). «Северное Хозяйство» № 2, 3, 4, 1925. Архангельск.

Плотников, А. Ф. Нарымский край. СПб. 1907.

Подосенов, Афанасий, О вере Самоедов. Рукопись (от 1852) в Русск. Геогр. Общ. В «Описании» Д. К. Зеленина (вып. I, 1914) эта рукопись не значится.

Полежаков, Н. С. Народное просвещение в Ижмо-Печорском уезде. Коми-Провещенец. 1926. № 2.

Полов, А. Права Самоедов на тундре. «Сев. Утро», 1912, № 113.

Поппе, Н. Н. Кастрен—исследователь Самоедских языков. Сб. «Памяти М. А. Кастрена к 75 л. дня смерти». Изд. Ак. Наук, Ленинград, 1927.

Православие у Самоедов. «Арх. Губ. Вед.», 1894, № 52.

Промыслы Самоедов Нарым. края. «Правосл. Вестник», 1873, № 4.

Просвещение среди Самоедов. Коми-Провещенец. 1927, № 3.

Пустозерск. О самоедских делах—разногласия с ижемцами. «Арх. Губ. Вед.», 1909, № 46.

Пуцыкович, Ф. Ф. Самоеды. СПб. 1899.

Пушкарев, П. Описание Российской Империи в ист., географ. и стат. отношениях. т. I, Архангельская губерния, СПб. 1868.

Рождественский, В. П. Записки миссионера Ситникова. о проповеди евангелия самоедам. «Странник», 1864, № 9.

Рожицкий, В. Еще об убийстве в самоедской тундре. «Арх. Губ. Вед.», 1868, № 29.

Ротта или присяга Самоедов. «Арх. Губ. Вед.», 1846, № 11.

Руднев, С. И. Инородцы Нижней Оби.

Руднев, С. Антропологическое исследование инородцев северо-западной Сибири (самоеды, вогулы, остяки). Записки Ак. Наук. т. XXXIII, № 3, Ленинград. 1914.

Руднев, Д. Предварительный отчет о Большеземельской экспедиции 1914 г. Изв. Рус. Им. Р. Об-ва. 1905. СПб.

«Русская Земля» (Область крайнего севера), т. I. Сост. Я. И. Руднев. СПб. 1899.

Савельев, Л. и Потапов, Л. Как живут народы северного края. М. 1928.

Савельев, А. С. Полуостров Канин, Журн. М. Вн. Дел. 1849, ч. 27, № 9.

Савельев, А. О. Колгуев. СПб. Вед., 1844, № 8, «Арх. Губ. Вед.», 1846, № 18, ж. М. Вн. Д., 1850, ч. 29, № 2.

Савельев, Н. Грамота в тундре. Коми-Провещенец, № 4—5, 1928.

Савельев, Н. Тундрами. Журн. «Ордым», № 8—9, 1929. Устьемс. (На Зыр. языке).

Савин, В. Большая Земля на «Большой Сходке». «Коми-му», № 4—5, 1927.

Савин, Виктор. Пробуждение Арка-И. Журн. «Коми-му», № 1—2, 1926, г. Устьысольск.

Садковский, Б. И. Очерк колонизации Новой земли. Изв. Арх. О. И. Р. С. № 1, 2, 3, 4, 1912.

Самоед-художник Тыко Вылка. «Вокруг Света», № 46, 1910.

Самоед Тыко Вылка. Биография. «Арх. Губ. Вед.», 1910, № 239.

Самоеды. «Северная Пчела», 1839, №№ 141 и 251.

Самоеды. «Финансовый Вестник», 1846, т. 6 и 7.

Самоеды мезенские. Этнограф. Сборник, т. 4, 1858. СПб.

Самоеды. «Вокруг Света», 1861, № 11.

Самоеды на «сedomе». Изв. Арх. О. И. Р. С. 1910, № 16.

Самоеды. «Вестник», 1846, том 6.

- Самоеды. «Восточный вестник». 1862, т. 1, № 5.
- Самоеды, их страны и быт, нравы и обычаи. Народная библиотека. 1866, № 10.
- Самоеды. «Индия». 1872, № 2-4.
- Салрыгин, Н. Самоеды при Советской Власти. «Северное Хозяйство», Архангельск, 1927, № 9-10.
- С[алрыгин], Н. Колонизация тундр. «Сев. Хозяйство». Арх. 1927, № 1-2.
- Салрыгин, Н. (сын). Работа самоедских советов. «Сев. «Хозяйство», № 1-2, 1927. Арх.
- Северная Шведская полярная экспедиция. «Живот. Обзор», 1877, № 21-32.
- «Северное Хозяйство». Ежемесячный журнал Архангельского губисполкома. Изд. с 1922. Ряд статей о Самоедах.
- Северные инородцы Зап. Сибири. «Правительств. Вестник», 1885. СПб.
- Северо-восточный район. Сост. Бялецкий, Кузьман, Потемкин, Хибарин, Яковлев. Под ред. С. С. Кривцова. Серия «Наш Союз». Изд. «Москов. Рабочий», М. 1928.
- Северный олень в самоедск. тундрах III. М. Г. Им. 1885, т. 57, № 11.
- Сибирцев, К. Торги самоедов и ижемцев в д. Небдино. «Арх. Губ. Вед.», 1861, № 28.
- Сидоров, М. Север России. СПб. 1870.
- Сидоров, М. К. О богатствах северных окраин Сибири и народах там кочующих. СПб. 1873.
- Сидоров, М. Труды для ознакомления с Севером России. II, 1882.
- Симони, П. К. Заметки Ричарда Джамса о людях, лосях, самоедах и черемисах. Из рукописи 1618-1620. Сборник Ленгр. Об-ва исслед. культуры фин.-угор. народностей. Л. 1929. Под
- Синицын, Г. Пох. вор гурги. Занимательное чтение для поларных друзей. Предисл. М. Фанштейна. ГИЗ. М. 1929.
- Ситников, А. И. Записки миссионера и проповеда «истинных самоедов» в 1861-63. «Правосл. Обзорение», 1862, т. 9, № 11, 1864, т. 17, № 7.
- Скворцов, Н. А. Из Губольска до Обдорска. Ежегодник Губ. Музея, XVI, 1906.
- но, Е. Э. Самоеды. ГИЗ. 1903.
- Советский Север. Сб. № 1, под ред. Н. П. Сидорова, С. А. Бутурлина и Н. П. Монаха. М. 1929. Изд. Комитета Севера при Презид. ВЦИК.
- Соколов, Д. Мезенские Самоеды «Русск. Газета», 1859, № 11-13.
- Список населенных мест Томской губ. Томск. 1911.
- Сравнительные словари всех языков и наречий. собранные десницей всевысшей особы. СПб. 1787 (самоед. слова — в 1 отд. ч. I).
- Сравнительный словарь всех языков и наречий по алфавитному порядку расположенный. СПб. 1790-91.
- Среди Самоедов из книги Джексона. «Арх. Губ. Вед.», 1897, № 94-97, 99, 100, 105.
- Стадомский, А. — Василий Смирнов... просветитель самоедов. «Черный. Еп. Изв.», 1875, № 11-13, 16, 19 и 20.
- Старцев, Г. Милый Езерский — Самоды. Рецензия. Коми-му, № 65, 1929. Устьыселецк.
- Старцев, Г. Год оленевода-кочевника «Коми-му», № 4-5, 1927.
- Старцев, Г. Влияние Самоедов на Ижемских Зырян (язык и быт) «Коми-му», № 11, 1926.
- Старчевский, А. В. Проводник и переводчик по отдаленным окраинам России

Талантливый Самоед Тыко Вылка. Газ. «Уральский Край», 1919, № 249.

Тавифильев, Г. И. На тундрах Тиманских Самоедов летом 1892. Изв. Р. Г. Об-ва 1894, вып. I.

Тресвин, Н. Северный Край Европейской России и его промыслы. СПб. 1892.

Третьяков, П. И. Түрүхүмүсү край, его природа и жители. Зап. Геогр. Об-ва СПб. 1871.

Тундры Архангельской губ. и Автономной области Коми (Зырян). Арханг. 1924, с. Указ. лит.

Турнин, В. Остатки языч. верований... у Самоедов Канинской тундры. «Арх. Губ. Вед.», 1894, № 17, 18, 22.

Тырно Вылка. Новая Земля. Журнал «Путь», № 2, 1912, газ. «Северное Утро», 1912, № 45.

У Самоедов Канинского полуострова. Изв. О. Л. А. И. Э. 1907, т. XXXIII, № 6.

Учреждение особого управления для самоедов. «Кронштадтский Вестник», 1864, № 64.

Ухтомский, Леонид (князь)—Новая Земля. Отногр. очерк. СПб. 1883.

Фези, А. На дальнем Севере. Изд. «Долой Неграмотность». М. 1928.

Фирсов, Н. Положение инородцев сев.-вост. России в Моск. гос-ве. Казань, 1866.

Фон-Пошман, А. Описание Архангельской губернии, II. 1802.

Фон-Пошман. Философское рассуждение о самоедах. «Арх. Губ. Вед.». Архангельск, 1873.

фон-Пошман, П. О самоедах, «Иных времен», 1807, т.т. III—IV, № 29, 32, 36.

Чернышев, Ф. Повоземельская экспедиция 1895. Изв. Р. Г. Об-ва, 1896.

Шабунин, К. Люди и жизнь в Мезенской земле. «Заря», 1872, № 1.

Рунонен от 1871 в Русск. Географ. Об-ва. См. Зеленин — описание рукописей в I, стр. 22. СПб. 1924.

Шергин, А. Поеха в тундре. «Нева», 1910, апрель.

Шренк, А. Путешествие на северо-восток Европы через тундры самоедов в сов. Уральским горам в 1837. СПб. 1855.

Шульгин, В. Исторические сведения о просвещении Самоедов Арх. епархии. «Арх.-Еп. Вед.», 1897, № 7, 9, 11, 15, 16, 18.

Звальд, В. Забытая река (Печорский край). М. 1928.

Энгельс ардт, А. П. Русский Север. СПб. 1897.

Юрьев, Геннадий. Зимний месяц в Большеземельской и весна в Карской тундре. Изв. Арх. О. И. Р. С. № 3—4, 1919.

Ядринцев, Н. М. Сибирские инородцы, их быт и соврем. положение. СПб. 1891.

Ядринцев, Н. Начало оседлости. Исследование по истории культуры уральских племен. «Лит. сб.», стр. 139—177. Под ред. Н. М. Ядринцева. СПб. 1885.

Якобий, А. Канинская тундра. Труды Об-ва Естествоиспытателей. Казань. 1891.

Яновский, Б. Рассказ караульщика о вывозе карабельных лесов на олених. Сутки в Большезем. тундре. «Морской Сборник», 1857, т. 32, № 11; № 43, 1859.

А. Ж. На Новой Земле. «Петрогр. Вед.» 1915, № 183.

А. С. Малица. «Северная Пчела», 1817, № 221.

Б. О. О самоедах. «Чел. и Природа», № 13, 1929, Липр.

В. В. Нечто об индейцах и самоедах. Фин. Вестник. 1816, т. 6, 8.

В. И. и Е. К. Березовские Самоеды.

- В. П. Самоеды в Москве. Харьков, 1879. № 417.
- В. М. Юрта самоедов и оленя на Неве. «Всемирная Иллюстрация», 1877. № 428.
- Д. Б. В. Воспоминание об Обдорске. «Сев. Пчела», 1829, № 124.
- Д. С. Старый Тыко (рассказ) «Удзем-ли» лит.-научн. и худож. Собр. изд. «Красная газета», Ленинград, 1928, стр. 30—32.
- Е. К. Березовские Самоеды. «Тоб. Губ. Вед.», 1871, № 8.
- К. К. Начало христианства у лопарей и самоедов. «Северная Пчела», 1811. № 92.
- К. У. Открытие Самодии и возмещение по сему случаю фамилия Строгановых. «Северная Минерва», 1833, ч. 3. № 14.
- Н. Самоедские церковные школы за полярным кругом. «Народное Образование», № 9, 1915.
- С. В тундрах и на островах Сев. В. О. «Сев. Хозяйство», 1925, № 7—8.
- С. У. Поездка на Новую Землю. «Архангельск», 1911, № 189.
- С. У. Совещание об управлении Самоедами. Газ. «Архангельск», 1910, № 257.
- Х. Европейские самоеды и их обращение в христианство. «Соврем. Листок», 1865, № 74.
- Ahlqvist, A. Matotschkin-Schar. Jugorski. Schar. Annus. Journ. de la Société Finno-ougrienne. III. 1882.
- Beskrifning om Samojeden och Ryska Lappar. T. de Klingstedt Hron Frans. Stockholm. 1737.
- Block, J. Muscovien-Fahrt. Hamburg. 1683.
- Budenz, Joz. Jurák-szamojéd szégyzék.

- Anton Schaeffneri St. Petersburg. 1834.
- Он-же. Wörterbuchzeichnisse aus den Samojedischen Sprachen. СПб. 1885.
- Он-же. Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker, nebst Samojed. Märchen und Tatarisch. Heldensagen. СПб. 1857.
- Он-же. Reiseerinnerungen aus den Jahren. 1838—1844. СПб. 1853.
- Он-же. Vorlesungen über die Finnische Mythologie. СПб. 1853.
- Cornelius de Bruin. Reizen over Moscovia door Persia.
- Crahmer, Wilhelm. Über Lappen und Samojeden. «Zeitschrift für Ethnologie», B. I. 1910, Berlin.
- Den hertil nyelig ankomne Samojed-Lappaender Tantis Pota's korte Biographic. Oversat af det laplandske Sprog. Kjöbenhavn. 1823.
- Die Samojeden. Aus Allen Welttheiten. 7 Heft. 1878.
- Die Lebens gewohnheiten, Sitten und Gebräuche der Samojeden (kurze ethnographische Zusammenstellung). Samojeden in Wien. 1882.
- Donner, K. Zu den ältesten berührung zwischen Samojeden und Türken. Journ. de la Société Finno-ougrienne. XL. 1924. Hels.
- Donner, K. Über samojedisches š und s Journ. de la Société. XXXVII. 1920. II.
- Dr. Donner. Kai. Bei den Samojeden in Sibirien. Stuttgart. 1926 (перевод с финского).
- Он-же. Zur vertretung der konsonanten-verbinding nasalhomorganer klusil im Tschaja dialekt, des ostjak-samojedischen, III. 1924 (Mémoires).
- Он-же. Über anlautendes t'—(ts) und d' (dʒ) im kamassischen und in den ausgestorbenen saiansamojedischen konsonanten. F. U. K. Band XVI. 1923.

- res de la Société Finno-ougrienne. XLIX. 1920. Hels.
- Eine Samojedische Opferstätte. Allgem. Familien-Zeitung. 1876. № 26.
- Enäjärvi, Elsa. Nukke (кукла). Kalevala. 1928. Helsinki.
- Fischer, I. E. Sibirische Geschichte. T. I. СПб. 1768.
- Gabelentz. Über die samojedische Sprache. Zeitschrift d. Deut. Morgenländischen Gesellschaft. 1851.
- Gombocz, Z. Zur finnisch-ugrich-samojedischen lautgeschichte. Cö. Festschrift, W. Thomsen. Leipzig. 1912.
- Halász, I. Az ugor-szamojéd nyelvnekonság kérdése. Kel. Sz. XXIII u XXIV.
- Historische Nachricht von den Samojeden und den Lappländern. T. de Klingstedt. Aus den Franz. Riga und Mitau. 1769.
- Holmberg, U. Siberian Mithology. Boston. 1927.
- Isbrants, Jdes. Voyage de Moscou à la Chine «Recueil des voyages au Nord». T. VIII.
- Klapproth, Asia Polyglotta. Paris. 1823. 2-e изд. 1831.
- Lehtisalo, T. Über den Vokalismus der ersten Silbe im Jurak samojedischen. H. 1927. Mémoires de la Soc. Fin. ougr.
- Он-жа. Entwurf einer Mythologie der Jurak-Samojeden. LIII. 1924 (Mémoires de la Société Fin-ougr.).
- Он-же. Zu den samojedisch arischen Beziehungen. LII. 1924 (Mémoires).
- Lerberg. Untersicht über älteste Geschichte Russlands.
- Mémoire sur les Samojedes et les Lapons T. de Kingstedt. S. 1. 1762. Id. Copengague. 1766.
- Montefiore, Arth. Notes on the Samojeds of the Great Tundra, collect. from the ...
- ... ácsi, B. Adalékok az ugor-szamojed nyelvhasznításhoz. Kel. Sz. XXIII.
- Paasonen, N. Beiträge zur finnisch-ugrich-samojedischen Lautgeschichte. Kel. Sz. XIII—XVIII.
- Pallas, P. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reiches, v. III. СПб. 1776.
- Planert, Wilhelm. Religion und Sprache der Lappen und Samojeden. Zeitschrift für Ethnologie, ku. I, 1912. Berlin.
- Ramsay, W. Ein Besuch bei den Samojeden auf der Halbinsel Kanin. Journ. de la Société Finno-Ougrienne. XXIV. 1907. Helsinki.
- Setälä, E. N. Zur Frage nach der Verwandtschaft der finnisch-ugrichen und Samojedischen Sprachen. Journ. de la Société. XXX. 1913—18. Helsinki.
- Sjögren. Om sijnäner och samojeder. Pykonisъ в II отъ. Вѣст. Ак. Наук. Сѣв. 1826—27.
- Sommier, St. Siriëni, Ostiacchi e Samoiedi dell Ob. Firenze, 1887 (Archivio per Antrop. XVII).
- Sotavalta, A. A. Astevaihtelusta Samojedikielistä. Esitelmat ja pöntäkirjat. Suomen Akad. 1912. I.
- Schlözer. Allgemeine Nordische Geschichte Halle. 1771.
- Scharenk, A. G. Reise nach dem Nordosten des Europ. Russlands, durch die Tundren d. Samojeden im I. 1837 ausgeführt. 2. Bd. Dorpat. 1848—1854.
- Schrenk, A. Nachrichten von zwei Garippen urweltlicher Thiere im Lande der Harjuzi-Samojeden. im «Bulletin» scient. de l'Académie de sciences à St. Petersburg, t. IV. 1838.
- Vater, J. S. Bruchstücke einer Samojedischen Grammatik. Hommense in «Königsberger Archiv für Philosophie, Theologie. Sprachkunde und Geschichte». 1811.
- Vater, Joh. Sov. Samojedische Original-

- grammat. Bemerkungen. Königsberg, 1812.
- Von den Samoïeden. Ann. öb. d. Zeit. Jahr. 1732, p. 139 -154.
- Wichmann, Trjō. Samoïedisches Lehngut in Syrjanischen. F. U. F. Ea. III, 1902.
- Winkler, H. Samoïedisch und Finnisch. Fin. Ugr. Forschungen, kn. XII, 1912.
- Дун-же, Самоïедisch und Finnisch (Zweite Mitteilung). F. U. F. Ea. XIII, 1913.
- Witsen, Nicolaas. Noord en Oost Tartaryen., (на голландском языке, 1-е изд. 1692), т. II, Амстердамское изд. 1785.
- Zugabe** zu denen Anmerkungen von den Samoïeden (Von Witsen). Ann. öb. d. Zeit. Jahr. 1732, p. 155 -162.
-